ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2017, № 1

Санкт-Петербург
2017

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2017, № 1

Saint-Petersburg
2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого (Украина), руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2017

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2017

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2017
© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала “Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., начальник Академии финансовой полиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Chief of the Academy of Financial Police of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Емелин С.М. Особенности криминогенной ситуации в СССР накануне Великой Отечественной войны, правовые механизмы противодействия преступности в условиях укрепления командно-административной системы 11

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность

Аубакирова И.У. Сервисное государство и социокультурная среда: некоторые идеи в критической интерпретации 21

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Лысова Г.К. Семья и брак в современном российском праве: некоторые размышления об актуальности проблемы 38

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Егоршин В.М. Государство и коррупция: генезис бюрократии (краткий экскурс в историю государственного управления и правоприменения) 43

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Кондрат И.Н., Шаров Д.В. Возможен ли статус потерпевшего для близкого родственника лица, которому преступлением причинен вред 88

Логунов О.В., Роганов С.А., Роганова Т.Л. Принципы уголовного судопроизводства. Лекция 96

Алексанин А.С. Условия получения компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности 118

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Военная служба в войсках национальной гвардии, комплектование и подготовка кадров для войск национальной гвардии 125

Брылева Е.А., Оганесян С.М., Сальников М.В. Права, свободы и законные интересы осужденных, отбывающих уголовные наказания: юридические ограничения и гарантии 137

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Залесский К.А. Генерал Куропаткин – военачальник первой мировой войны 157

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г., Исмагилов И.Р. Философско-правовое содержание ранних работ Г.В.Ф. Гегеля 164

Колядин А.М. Правовая идеология среди системообразующих факторов политического процесса 178

Информация для авторов 193

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

Emelin S.M. Features criminogenic situation in the USSR on the eve of the Great Patriotic War, legal mechanisms to combat crime in the context of strengthening the command and administrative system 11

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities.

Aubakirova I.U. Service state and socio-cultural environment: some ideas in critical interpretation 21

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Lysova G.K. Family and marriage in modern Russian law: some reflections on the relevance of the problem 38

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Egorshin V.M. State and corruption: the genesis of bureaucracy (a short digression into the history of state administration and law enforcement) 43

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Kondrat I.N., Sharov D.V. Is it possible for the victim's status to be a close relative of a person who has been harmed by a crime 88

Logunov O.V., Roganov S.A., Roganova T.L. Principles of criminal proceedings. Lecture 96

Aleksanin A.S. Conditions for obtaining computer information in the operational-search activity 118

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Sal'nikov V.P., Kondrat E.N., Borisov O.S. Military service in the troops of the National Guard, manning and training personnel for the troops of the National Guard 125

Bryleva E.A., Oganesyan S.M., Sal'nikov M.V. Rights, freedoms and legitimate interests of convicts serving criminal sentences: legal restrictions and guarantees 137

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Zalessky K.A. General Kuropatkin – a military leader the First World War 157

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G., Ismagilov I.R. Philosophical and legal content of early works of G.V.F. Hegel..... 164

Kolyadin A.M. Legal ideology among the system-forming factors of the political process..... 178

Information for the authors..... 193

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЕМЕЛИН Сергей Михайлович,
профессор кафедры зарубежной истории Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа, Россия)
E-mail: emelin_sm@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ В СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ УКРЕПЛЕНИЯ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *На основе широкого круга архивных и опубликованных источников представлена криминогенная ситуация в стране и, в частности, на территории Южного Урала, накануне Великой Отечественной войны. Показаны особенности преступности, наиболее распространенные виды преступлений, результаты работы органов внутренних дел по основным направлениям противодействия ей. Коренная структурная перестройка системы органов внутренних дел, углубление специализации, создание новых профильных подразделений, вовлечение различных организационных форм общественности в охрану общественного порядка, усиление профилактический работы и плотный партийный и государственный контроль – вот основные вехи работы правоохранительного ведомства в данный период.*

Ключевые слова: *органы внутренних дел; НКВД; милиция; Южный Урал; уголовная преступность; уголовный розыск; спекуляция; профилактика.*

EMELIN S.M.

FEATURES CRIMINOGENIC SITUATION IN THE USSR ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR, LEGAL MECHANISMS TO COMBAT CRIME IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING THE COMMAND AND ADMINISTRATIVE SYSTEM

The summary. *In the article, based on a wide range of archival and published sources, the criminal situation in the country and, in particular, in the Southern Urals, on the eve of the Great Patriotic War, is presented. Features of criminality, the most common types of crimes, the results of the work of law enforcement bodies in the main areas of its counteraction are shown. The radical structural reorganization of the system of internal affairs agencies, the deepening of specialization, the creation of new specialized divisions, the involvement of various organizational forms of the public in the protection of public order, the intensification of preventive work and tight party and state control are the main milestones of the work of the law enforcement agency in this period.*

Key words: *law-enforcement bodies; NKVD; militia; the South Urals; criminal crime; prevention; criminal investigation department; speculation; prevention.*

В 1930-е годы назрела острая потребность организационного и правового совершенствования правоохранительной системы. Снижение накала репрессий и недостаточные результаты в борьбе с преступностью способствовали сосредоточению основных усилий на решении текущих вопросов обеспечения общественного порядка [15, стр. 212-265; 21]. Основной проблемой, которая стояла перед органами внутренних дел в предвоенный период и снижала эффективность работы, была слабая профилактическая работа и недостаточное агентурное сопровождение.

В конце 1939 года была проведена комплексная проверка московской милиции, вслед за которой последовал ряд управленческих решений, определивших дальнейшую стратегию развития правоохранительной системы в целом. Первым документом стал приказ НКВД СССР от 13 марта 1940 года № 00325, подготовленный по итогам проверки, и содержащий рекомендации и директивные указания по улучшению работы. В нем обозначены следующие основные недостатки работы органов внутренних дел:

- существующая агентурно-осведомительная сеть по линии уголовного розыска и борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией не обеспечивает вскрытия и своевременного предотвращения вражеской работы уголовно-преступного элемента*;
- осведомительная сеть уголовного розыска пополняется не за счет вербовок самих преступников, а их окружения;
- следственные дела возникают не в результате реализуемых агентурных материалов, а на основе официальных данных или по фактам уже совершенных преступлений [5, л. 2].

Данный приказ положил начало перестройке работы по борьбе с преступностью и охране общественного порядка, поддержанию паспортного режима, что впоследствии в годы войны имело особую актуальность [3, л. 3].

Нужно сказать, что на организацию агентурной работы обращалось внимание ранее. Так, в приказе НКВД СССР от 15 июля 1936 г. № 00240 «О повышении чекистской бдительности, перестройке работы аппаратов НКВД и недостатках в работе управлений НКВД по Азово-Черноморскому и Западно-Сибирскому краям и по Свердловской и Сталинградской областям», подписанном наркомом Г.Г. Ягодой, говорилось, что «успех борьбы с врагом сейчас зависит не только от одного энтузиазма, но, главным образом, от правильной и четкой организации всей агентурной и оперативной работы» [13, стр. 564].

В этом же документе отмечалась необходимость перестройки работы аппаратов НКВД в свете принятия новой Конституции, которая, «являясь самой демократической конституцией в мире, она, несомненно, может вызвать попытки к оживлению активности со стороны остатков враждебных элементов и осколков антисоветских партий. Для того, чтобы своевременно выявить врага, потребуются более квалифицированные методы агентурной и следственной работы, сама обстановка в стране потребует больше гибкости и политического такта со стороны работников Главного управления государственной безопасности. *Каждый арест должен быть тщательно подготовлен и обоснован уликовыми данными*» [13, стр. 567] (выделено нами – С.Е.).

Как известно, Генрих Григорьевич Ягода был наркомом внутренних дел СССР с 10 июля 1934 г. по 26 сентября 1936 г. После убийства С.М. Кирова под его руководством проводились судебные процессы, в результате которых были осуждены и расстреляны многие люди. Большое внимание он уделял не только агентурной и оперативной работе, но и совершенствованию системы лагерей и колоний. В октябре 1935 года, после передачи Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта в НКВД СССР в качестве одного из его управлений, Ягода существенное внимание уделял вопросам изыскания, составления проектов и смет на строительство различных автомагистралей [16, стр. 425].

В конце 1930-х гг. на состояние криминогенной ситуации оказывала влияние и недостаточная работа непосредственно по совершенным преступлениям и правонарушениям. Уголовные дела возбуждались далеко не по всем фактам, что препятствовало проведению необходимых следственных и иных процессуальных действий. Так, в 1939 году только по 64,9% от зарегистрированных преступлений возбуждены уголовные дела, в том числе по вооруженным грабежам – 57%, рывкам – 51,3%, раздеванием пьяных – 51%, квалифицированным кражам – 44%, карманным кражам – 39%. В остальных

случаях уголовные дела не заводились и, соответственно, мер по фактам совершенных преступлений и к розыску преступников не принималось [4, л. 1об; 5, л. 2].

Значительная часть преступлений, как отмечается в документах, от учета укрывалась, что затрудняет установление реального уровня преступности в 1939 году [5, л. 10].

Это происходило на фоне общего ухудшения криминогенной обстановки, которое наблюдалось в конце 1930-х годов по стране. Южный Урал в этом плане не был исключением, здесь также обозначились тревожные тенденции в динамике преступности. Отмечался рост тяжких преступлений – грабежей, квалифицированных краж и т.д., в городах и районах обострилась проблема детской беспризорности и безнадзорности. Одной из причин было отсутствие в областном детприемнике мест для содержания несовершеннолетних правонарушителей, по причине чего территориальные отделения милиции были вынуждены отпускать большинство задержанных [14, стр. 152].

Лишь благодаря активным действиям подразделений органов внутренних дел, сопровождавшимся проведением интенсивных мероприятий, проводимых в тесном контакте с общественными организациями городов и районов области, удалось добиться некоторых положительных результатов. В частности, в Челябинской области улучшилось положение с предупреждением детской преступности, в результате чего резко сократилось количество карманных краж, совершаемых беспризорниками [22, стр. 191].

В числе недостатков, которые являются причиной низкого уровня организации работы по раскрытию и предупреждению преступлений в сохранившихся документах отмечаются: волокита, большой бумажный оборот, невыполнение оперативных заданий, слабая оперативная дисциплина. Упущения в руководстве периферией со стороны управлений милиции, редкие выезды на места с оказанием практической помощи, недостатки в работе с агентурой, в том числе по активному использованию конспиративных квартир, которых в ряде периферийных отделов уголовного розыска даже не имелось, нарушение конспирации в их работе, в том числе существование их в домах милиции, квартирах милиционеров и т.д. Как отмечалось в указании ГУМ НКВД СССР: «Не уделяется должное внимание развитию творческой инициативы, оперативной мысли, сообразительности и организаторских способностей оперативных работников. Толковые, хорошо продуманные операции в агентурно-оперативной работе – еще редкое явление» [5, л. 11].

Основные усилия направлялись главным образом на раскрытие уже совершенных преступлений, не уделялось должного внимания их профилактике. Подавляющее большинство уголовных дел возбуждалось на основании официальных заявлений пострадавших, роль агентурного сопровождения была крайне низкой [19, стр. 155]. Работа подразделений уголовного розыска была построена не по видам преступлений, а по территориальному принципу, оперативный состав не квалифицировался на ведении борьбы с более серьезными преступлениями [4, л. 1]. Кроме того, сотрудники не всегда использовались по своему прямому назначению. Некоторые розыскники вместо выполнения непосредственных задач занимались составлением статотчетности и канцелярской работой [14, стр. 152; 22, стр. 191].

В предвоенный период набирали темпы различные виды имущественных преступлений, приобретала значительный размах спекуляция. Причем, в отличие от военного времени, когда главным объектом спекуляции стало продовольствие, в конце 1930-х годов основная доля в этой сфере принадлежала спекулянтам промышленными товарами. Была распространена деятельность т.н. спекулянтов-«гастролеров», которые занимались перепродажей товаров в различных, преимущественно сельских, районах. Практически, подобными преступлениями была охвачена вся территория страны (Таблица 1).

Несмотря на увеличение числа уголовных дел, возбужденных по фактам спекуляции, и лиц, привлеченных к ответственности (в 1940 г. привлечено к ответственности 79.555 спекулянтов, а в 1 половине 1941 г. – 29.750 чел. [10, л. 26]), органам внутренних дел к началу войны не удалось переломить ситуацию.

Среди мер, принятых правительством по борьбе со спекуляцией в предвоенный период, следует выделить постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 5 апреля 1939 года по борьбе с очередями в городах Москве и Ленинграде и с вывозом из них промышленных товаров. Были установлены ограничения в

Таблица 1. Количество спекулянтов, подвергнутых аресту за свою преступную деятельность [10, л. 26].

год	число арестованных спекулянтов (чел.)
1937	23.783
1938	34.393
1939	26.498
1940	41.232

приобретении конкретных видов товаров, в частности норма покупки мануфактуры составляла не более 50 метров на одного покупателя. Был установлен запрет на осуществление торговли промышленными товарами с рук на рынках [10, л. 17].

Следующим шагом в борьбе со спекуляцией стало постановление СНК СССР от 17 января 1940 года, которое устанавливало штрафные санкции за создание очередей и скупку продтоваров сверх 2-кратной нормы. В то же время, документы свидетельствуют, что данные решения на местах не всегда выполнялись, что снижало эффективность принимаемых мер. Так, в целом ряде регионов административные штрафы, установленные в размере 100 руб., сознательно занижались. Так в г.Кирове размер указанных штрафов составляет по 6 руб., в г.Уфе – соответственно 15 и 9 руб., г. Горьком – 23 и 11 руб., г. Минске – 12 и 11 руб., г. Пензе – 9 и 11 руб. соответственно [8].

Преступную деятельность осуществляли финагенты в ходе сбора у населения денежных средств по подписке на государственный заем, налогов и страховых взносов. В результате слабого контроля за их работой только в 1939 году было похищено 400 тысяч рублей [6, л. 1а].

Значительная доля преступлений приходилась на долю промысловой кооперации – художественные артели, общества инвалидов, иные кооперативные и общественные организации. Необходимость усиления борьбы с преступлениями в этих организациях была вызвана размахом, который наблюдался в сфере оказания населению услуг по фотографированию, незаконном изготовлении таких изделий как портреты, значки и т.д. Все это организовывалось на базе вышеуказанных предприятий с задействованием широкого круга лиц, в том числе снабженцев-дельцов, которые занимались поиском заказов и являлись посредниками в преступной цепи. Причем, данной преступной деятельностью наносился значительный ущерб, о чем можно судить по следующему факту. Только по одному договору с «Арменгизом», заключенным в 1940 году, участники преступной группы получили доход в размере более 286.000 руб. наличными деньгами [6].

Имелись факты привлечения за спекуляцию и военнослужащих. В основном им вменялась в вину перепродажа предметов военного обмундирования, что было запрещено в соответствии с приказом НКО СССР №174-1938 года и приказом НКВД СССР №471-1938 года [6, л. 17].

В архивных документах отмечается, что вплоть до 1940 года органы внутренних дел работали по борьбе с уголовной преступностью недостаточно, активные формы преступности не уменьшались, преступность глубоко не изучалась, профилактические мероприятия по ее предупреждению проводились слабо [4, л. 1].

В последние предвоенные годы активизировалась работа по борьбе с экономическими преступлениями, в том числе с растратами и хищениями в системе государственной торговли и потребительской кооперации. Инструкцией о розыске растратчиков и хищников, объявленной приказами НКВД СССР №00729 от 27.03.1939 года и №00325 от 13.3.1940 года, предписано уделять этому больше внимания, в т.ч. возмещению причиненного в результате их преступной деятельности ущерба [7].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.02.1941 г «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов» был направлен на пресечение преступной деятельности т.н. «толкачей», осуществлявших незаконные снабженческие операции. В то же время, объективно деятельность подобного рода снабженцев способствовала ускорению

промышленного оборота предприятий, ликвидации имеющегося дефицита сырья, оборудования и иных материалов, необходимое обеспечение которыми в централизованном и регламентированном порядке в условиях государственной экономики было затруднено [6, л. 138].

Одновременно, и расхитители меняли свою тактику: от открытых хищений и растрат материальных ценностей они перешли к замаскированным. Широкое распространение получили такие виды хищений, как обмеривание, обвешивание, пересортица товаров. За счет обмана покупателей преступники создавали большие излишки, а затем присваивали их. Серьезные меры принимались по разоблачению расхитителей, действовавших в снабженческо-сбытовых организациях. Из-за слабого контроля в некоторых из них формировались хорошо замаскированные группы расхитителей, которые своей преступной деятельностью они подрывали экономическую основу государства [19, стр. 156].

Реализуя намеченные мероприятия, была увеличена общая численность агентуры, повышено качество агентурной разработки. В 1940 году количество агентов возросло на 73%, в том числе осведомителей – на 27% [10, л. 11].

Раскрываемость уголовных преступлений по агентурным данным в 1940 году достигла 18,9% против 13% в 1939 году. Общая раскрываемость преступлений по наиболее серьезным видам увеличилась с 73% до 77,1%. Одновременно удалось добиться снижения преступлений по целому ряду видов: по вооруженным грабежам – на 2,8%, рывкам – на 29,4%, раздеванию пьяных – на 58,4%, дерзким формам хулиганства – на 26,6% [5, л. 8].

Через агентуру, завербованную из преступной среды, всего по стране предупреждено свыше 580 вооруженных грабежей и ликвидировано 613 грабительско-воровских шаек. В 1940 году по данным агентуры за совершенные преступления было арестовано 48.596 бандитов, убийц, грабителей, скотокрадов и старых рецидивистов-воров. В 1939 году по данным агентуры не было арестовано и 1/3 части этого количества [5, л. 6].

К началу войны из агентурной сети было исключено 42% агентов, вновь завербовано – 142%, таким образом, сеть наполовину обновилась и, одновременно, увеличилась вдвое. В результате активизации агентурно-оперативной работы посредством агентурного сопровождения только в 1940 году было предупреждено 1.543 преступления, выявлено и ликвидировано несколько сотен грабительских и воровских шаек [3, л. 4].

Хорошие результаты по раскрытию преступлением с привлечением агентуры были достигнуты на Южном Урале. В г.Уфе по данным 3 агентов новой вербовки выявлено и ликвидировано 2 грабительско-воровские группы в составе 12 чел., которыми были совершены 24 кражи скота, 26 квартирные кражи, 48 карманных краж и 2 убийства с ограблением [5, л. 6]. В Челябинской области ликвидирована группа воров численностью 10 чел., занимавшаяся кражами с 1936 года [5, л. 7].

Благодаря принимаемым организационным и практическим мерам эффективность службы БХСС в предвоенные годы значительно возросла. Этому способствовало и увеличение штатная численность подразделений БХСС более чем на 30%, осуществленное в 1939 году [12, стр. 192].

Принимая во внимание размах и связанную с этим особую общественную опасность преступлений экономической направленности, это направление было также подвергнуто серьезной корректировке. Только в 1940 г. специальными подразделениями по борьбе со спекуляцией было вскрыто и ликвидировано по стране 2.065 хищническо-спекулянтских групп расхитителей, спекулянтов, фальшивомонетчиков и т.д., к различной степени ответственности привлечено 11.096 чел. (в 1939 году не было вскрыто и половины подобных преступлений) [3, л. 5]. У расхитителей было изъято ценностей более чем на 10 млн. рублей. Всего у спекулянтов изъято и обращено в доход государства денег и ценностей на общую сумму 80 млн. рублей [3, л. 5].

Лучшие результаты в этом направлении были достигнуты в республиканских наркоматах и управлениях Узбекской, Казахской и Грузинской ССР, Горьковской, Калининской, Куйбышевской, Молотовской, Свердловской областей, Башкирской и Чувашской АССР [10, л. 19].

Наряду с созданием системы профилактики и улучшением качества агентурной работы остро стояла проблема координации сил и средств, а также взаимодействия подразделений и служб. Если блок тяжких и особо тяжких преступлений был под особым контролем, что позволило добиться сокращения преступных проявлений,

Таблица 2. Динамика преступности в 1939-1940 гг. [4, л. 6]

вид преступных проявлений	Рост / снижение
Ограблений	–21,4%
Вооруженных ограблений	–2,8%
Хулиганства	–21%
Скотокрадства	+46,3%
Краж всех видов	+28,5%
В целом	**+28,5%**

то кражи в этот период, напротив, возросли. (Таблица 2)

В 1939-1940 гг. удовлетворительные результаты работы показали службы уголовного розыска г. Москвы, Московской, Ростовской, Свердловской, Вологодской, Тульской, Омской, Сталинградской областей, Хабаровского края, Крымской АССР, Грузинской ССР [5, л. 15].

В отчетных документах НКВД СССР, отложившихся в архивах, дана следующая оценка работы территориальных органов внутренних дел: «Имеют в работе много недостатков, но поняли свои задачи и стоят на правильном пути» большинство региональных ОУР, среди которых соответствующие службы НКВД Башкирской АССР, Челябинской, Чкаловской, Ленинградской, Куйбышевской и целого ряда других областей и краев. Среди регионов, службы уголовного розыска НКВД которых продолжают работать старыми, отжившими методами, отмечены: Краснодарский и Красноярский края, республики Северного Кавказа – Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская АССР, республики Поволжья – Марийская, Мордовская, Чувашская АССР, а также Казахская и Таджикская ССР. Особо отмечена в качестве примера «как не надо работать» – Белорусская ССР [5, л. 15].

В то же время, в 1940 г. в ряде регионов увеличилось число зарегистрированных преступлений, в том числе в Башкирской АССР – на 38,8%, Дагестанской АССР – на 118,3%, Тамбовской области – на 50,6% [5, л. 16].

Это говорит о том, что в работе органов внутренних дел было еще много нерешенных задач, среди которых в первую очередь выделялись: необходимость укомплектования службы грамотными работниками, обучение и воспитание оперативного состава, сокращение бумажно-бюрократического оборота (указание ГУМ НКВД СССР от 18.07.1940 г. №38/172463 прямо требовало повышения качества оперативной отчетности, сокращения бумагооборота [6, л. 35-36]) и отход от формальных форм руководства периферией, необходимость организовать живое руководство, оказания постоянной практической помощи. Поставлена задача установить строгий контроль за исполнением директив НКВД, внедрять чекистские методы и культуру в агентурно-оперативную работу, укреплять оперативную дисциплину, усиливать работу с агентурой, шире использовать научно-технические методы. Кроме того, ставилась задача полностью ликвидировать бандитизм, всю целеустремленность направлять на предупреждение преступлений [5, л. 16-19] (Таблица 3).

Приведенные показатели свидетельствуют об улучшении раскрываемости и агентурного сопровождения оперативно-служебной деятельности, что было достигнуто, несмотря на увеличение общего числа преступлений.

В последние предвоенные годы наблюдался достаточно высокий процент прекращенных и возвращенных на доследование уголовных дел, что свидетельствует о низком качестве следственной работы.

В то же время, органы внутренних дел при реализации своих правоприменительных функций во многом были скованы контролем со стороны партийных органов. В 1940 году было инициировано решение, оформленное приказом прокурора СССР от 26.02.1940 года №35/21с и указанием ГУМ НКВД СССР от 1.04.1940 года №18/169347 о запрете милиции расследовать

Таблица 3. Раскрываемость преступлений в 1939-1940 гг. (в %) [5, л. 8, 9].

		зарегистрировано		**раскрыто**		**в т.ч. по агентурным данным**	
		1939	**1940**	**1939**	**1940**	**1939**	**1940**
вооруженные ограбления			107,6	77,6	78	36,5	39
невооруженные грабежи			97,3	77,2	80,5	17,1	21,2
рывки			77,3	70,3	72	7,4	10,8
раздевание пьяных			63,1	67,6	66,5	14,2	19,2
скотокрадство			146,3	82,8	79,4	22,1	27
дерзкие формы хулиганства			79	89,6	96,4	6	6,2
кражи	квалифицированные		130	67,8	70,2	18,4	29,3
	простые		131,7	73,9	79,9	12,5	17
	карманные		127,3	68,5	69,1	10,5	18,1
ВСЕГО			**128,5**	**73**	**77,1**	**13,5**	**18,9**

уголовные дела в отношении сельского актива. Данная функция возлагалась только на органы прокуратуры, которым милиция должна была передавать все соответствующие материалы. Это решение формально было принято в связи с тем, что на органы внутренних дел возлагали ответственность за «многочисленные злоупотребления при реализации уголовных дел в отношении трактористов, комбайнеров, других работников сельского хозяйства», которые имели место в этот период. Кроме того, массовый характер носило привлечение к уголовной ответственности за незначительные преступления, а также сохранялся высокий процент прекращенных уголовных дел [6, л. 25-27] (Таблица 4).

Успешное противодействие преступности и обеспечение общественного правопорядка силами только органов внутренних дел в условиях того времени был бы невозможен. Существенную помощь в этом оказывала система общественного противодействия преступлениям и правонарушениям, в которую входили организация непрерывного профилактического воздействия на правонарушителей (включая потенциальных) и привлечение к выполнению правоохранительных функций широких масс населения [1, стр. 192-193].

Участие общественности в охране общественного порядка получило новое воплощение с конца 1920-х годов, однако оно не было в этот период четко структурировано, «...разнообразны были права и обязанности их членов, не был установлен и единый порядок взаимоотношений самодеятельных организаций с органами милиции. Но всюду это были добровольные объединения людей, желающих навести строгий порядок в селах и городах и объявить борьбу хулиганам, дебоширам, пьяницам, помочь милиции в борьбе с преступностью» [11, стр. 9].

Тогда же возникли организационные формы участия общественности в охране общественного порядка, которые позже вобрали в себя всю полноту функций в данной сфере. Речь идет об обществах и бригадах содействия милиции (осодмил и бригадмил), группах охраны общественного порядка и сельских исполнителях.

Таблица 4. Состояние следственной работы НКВД в 1939-1940 гг. (в %) [5, л. 13].

	прекращено			**возвращено на доследование**		
	дел	по ним привлечено	арестовано	дел	по ним привлечено	арестовано
1939	5,6	4,7	1,7	3,2	3,9	3,5
1940	5,8	3,2	1,7	2,6	3,2	2,8

Важным шагом на пути организационного укрепления и правовой регламентации участия общественности в борьбе с преступностью явилось принятие 25 мая 1930 г. постановления СНК РСФСР «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска». Была установлена четкая структура подобных обществ милиции, определены права и обязанности их участников, указана роль партийных, советских и профсоюзных органов в деле их формирования и руководства [18, стр. 324].

В продолжение вышеуказанного постановления НКВД РСФСР разработал Типовой устав Осодмила, который в последующие годы развивался бурными темпами. В 1930 году в РСФСР насчитывалось уже 4 тысячи ячеек с 45 тысячами членов [19, стр. 94-95].

26 апреля 1932 года Совнарком РСФСР принял постановление «О реорганизации обществ содействия милиции и уголовного розыска». Результатом проведенной реорганизации стало формирование бригад содействия милиции (Бригадмил). Отличительная черта их правового положения – создание по инициативе милиции и функционирование под руководством районных и городских подразделений [19, стр. 94-95].

В июне 1937 г. Главное управление милиции НКВД СССР издало Инструкцию по организации бригадмила. Основными задачами было содействие органам милиции в деле борьбы с преступностью, охраны революционного порядка и общественной безопасности, борьбы с хулиганством, нарушениями законов, помощь и содействие в работе по благоустройству и чистоте городов; содействие и помощь милиции в организации предупредительных мероприятий по охране социалистической собственности [12, стр. 209].

Основными формами работы бригадмила являлись: постовая служба на улицах и в общественных местах; патрулирование на улицах города совместно с работниками милиции, а в сельской местности – самостоятельно (по указанию участкового уполномоченного); дежурство в отделениях милиции совместно с дежурными сотрудниками; участие в обеспечении порядка во время массовых мероприятий.

В 1937 г. в рядах бригадмила в целом по СССР насчитывалось 350.000 человек [12, стр. 210]. В 1940 году число бригадмильцев достигло 408.000 человек, которые задержали 84.093 воров и прочего преступного элемента, 273.417 хулиганов и нарушителей общественного порядка [3, л. 86].

Еще одной массовой общественной формой содействия органам внутренних дел были сельские исполнители. Их деятельность осуществлялась в сельской местности, на основе постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1932 г. «О сельских исполнителях». Новую правовую регламентацию получили взаимоотношения между сельскими исполнителями и органами внутренних дел. В частности, при проведении работы по обеспечению революционного порядка и общественной безопасности и охране государственного и общественного имущества сельские исполнители, действуя совместно с органами милиции, руководствуются при этом указаниями этих органов. В числе их обязанностей был надзор за порядком на соответствующей территории; охрана государственного и общественного имущества; сопровождение и препровождение в сельсовет лиц, задержанных органами милиции и другими уполномоченными на это должностными лицами; наблюдение за порядком в общественных местах; надзор за проведением в жизнь обязательных постановлений и составление протоколов их нарушений; сообщение сельсовету или милиции о совершенных преступлениях или происшествиях и принятие мер к задержанию преступников, а также охране следов преступления; сообщение сельсовету или органам милиции об изготовлении и хранении самогона, о торговле им, а также о незаконной торговле спиртными напитками (шинкарство); участие в выполнении приговоров, решений и определений судов [12, стр. 208-209].

В 1940 году в стране насчитывалось 183.294 сельских исполнителя, которыми в том же году было задержано 11.861 скотокрадов, воров и хулиганов, 4.300 спекулянтов, 1.899 бежавших из мест заключения и дезертиров, выявлено 7.755 шинкарей и самогонщиков. Кроме того, ими было отконвоировано 41.779 арестованных и предупреждено 7.519 преступлений [3, л. 80; 2, л. 7-8].

Сельские исполнители являлись основными помощниками участковых уполномоченных на селе в довоенный период. С началом войны их численность резко сократилась. В своем большинстве сельские исполнители были заменены

лицами пожилого возраста, неспособными к физическому труду, или подростками. Однако, несмотря на большие трудности, они продолжали выполнять свои функции, внося существенный вклад в поддержание общественного правопорядка [3, л. 80].

В то же время, в деятельности общественных организаций правоохранительной направленности имелись недостатки. Зачастую они были вызваны недооценкой их роли со стороны отдельных руководителей и формальном отношении к их организации. 2 апреля 1940 года на собрании, посвященном итогам работы милиции города Уфы за 1 квартал, прямо говорилось о том, что «работы добровольных обществ в 1939 году не было, а также и в 1940 году почти нет, нет планов работы... профилактической работы нет, бригадмильцы числятся, имеются личные дела, но работы таковых нет, и работы с таковыми нет ни со стороны участковых и в целом отделения» [25, л. 25-26].

На широкое привлечение общественности к охране общественного порядка нацеливали руководство НКВД Башкирской АССР и партийные организации. Свидетельством этого является, в частности, отчет о партийно-политической работе среди коммунистов и беспартийных 1-го отделения милиции г. Уфы НКВД БАССР за период с 17 февраля 1940 года по 21 марта 1941 года, где говорилось, что «наряду с имеющимися достижениями в работе имеются ещё недостатки: 1. Недостаточно поставлена работа с общественностью, с бригадмилом, с ночными сторожами». Собрание предложило: улучшить работу с бригадмилом, с дворниками, с управдомами, с которыми провести собрания до 1 мая 1941 года, довести по Кировскому району число бригадмильцев до 100 человек и привлечь их в работе для охраны общественного порядка [24]. Месяц спустя, на закрытом партийном собрании той же парторганизации было отмечено: «Работу с подсобным аппаратом в первом квартале мы намного улучшили, начали вести работу с массой путем проведения докладов и бесед» [23].

Таким образом, в предвоенный период партийно-государственным руководством и органами внутренних дел уделяется особое внимание развитию различных форм взаимодействия населения и органов внутренних дел, привлечению граждан к выполнению функций охраны общественного порядка. В 1930-х – начале 1940-х гг. участие трудящихся в охране общественного порядка и борьбе с преступностью принимает всё больший размах.

Таким образом, предвоенный период характеризуется интенсивным развитием органов внутренних дел по всем направлениям [17; 20; 26]. Совершенствование форм и методов их работы осуществлялось по нескольким линиям. Во-первых, это развитие агентурной сети и расширение агентурного сопровождения раскрытия и расследования уголовных дел. Во-вторых, это создание действенной системы профилактики, и, в-третьих, вовлечение населения в обеспечение правопорядка и общественной безопасности.

В результате накануне войны отмечается значительное улучшение криминогенной ситуации: число преступных проявлений по стране сократилось на 52% с одновременным повышением раскрываемости с 73% до 77,1% [3, л. 4].

В целом, проведенные мероприятия по совершенствованию деятельности органов внутренних дел в предвоенный период, определили дальнейшую стратегию развития правоохранительной системы, позволили с началом Великой Отечественной войны в кратчайшие сроки перестроить свою работу на военный лад и на хорошем качественном уровне обеспечивать выполнение возложенных функций.

Примечания

* Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС) был образован 16 марта 1937 г. в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. В управлениях милиции союзных и автономных республик, краев, областей, крупных городов были образованы отделы, отделения или группы по борьбе с хищениями социалистической собственности. В тех городских и районных отделах и отделениях милиции, где самостоятельные группы не создавались, борьба с хищениями государственного и общественного имущества возлагалась на общую милицию и уголовный розыск.

Список литературы

1. Габидуллин И.Ф., Емелин С.М. Милиция Башкортостана в 1917-1941 гг.: создание и основные этапы развития. Историко-правовое исследование. – Уфа: БашГУ, 2008. – 238 с.
2. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 778.
3. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 12а.
4. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 204.
5. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 205.
6. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 87.
7. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 87. Л. 31 (Указание ГУМ НКВД СССР №38/171267 от 3.04.1940 г.)
8. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 87. Л. 50. (Указание ГУМ НКВД СССР №38/173425 от 19.08.1940 г.)
9. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 87. Л. 88-89 (Указание ГУМ НКВД СССР №38/176328 от 19.11.1940 г.)
10. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5с. Д. 89.
11. Еропкин М.И. Участие трудящихся в охране общественного порядка. – М.: Госгориздат, 1959. – 80 с.
12. История органов внутренних дел / Под ред. Р.С. Мулукаева. – М.: АУ МВД РФ, 2004.
13. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. 1917-1991. – М.: МФД, 2003. – 768 с. (Россия. XX век. Документы).
14. Милиция Челябинской области: страницы истории. – Челябинск; ГУВД Челябинской области, 2002. – 448 с., илл.
15. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
16. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
17. Полубинский В.И. Из истории советской милиции (1917-1945 гг.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы, факты, исследования. – М., 1991.
18. Постановление СНК РСФСР «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» // СУ РСФСР. – 1930. – № 25.
19. Советская милиция: история и современность, 1917 – 1987 / Биленко С.В., Желудкова Т.И., Искрина Н.А., Косицын А.П., и др.; Под ред.: Власов А.В.; редкол.: Гладышев В.И., Кудрявцев А.Я., Осипов И.С., Трушин В.П. – М.: Юрид. лит., 1987. – 336 с.
20. Скилягин А.Т., Любвин Р.М. Сыщики Петербурга. Документальные очерки о конкретных делах и специалистах уголовного сыска. – СПб.: Культура, 1998. – 136 с.
21. Твердюкова Е.Д. «Преступления без жертв»: Уголовно-правовая охрана советской торговли (на материалах предвоенного Ленинграда). – СПб.: СПбУ, 2010. – 300 с.
22. Уголовный розыск Южного Урала. Годы. События. Люди. 1918-2003. – Челябинск: Книга, 2003. – 317 с., ил.
23. ЦГАОО РБ. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 10. Л. 23. (Протокол №28 партсобрания парторганизации 1 отделения Милиции НКВД БАССР от 23 апреля 1941 г.).
24. ЦГАОО РБ. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 10. Л. 9. (Протокол №25 партсобрания парторганизации 1 отделения Милиции НКВД БАССР от 21 марта 1941 г.).
25. ЦГИА РБ. Ф. 365. Оп. 1. Д. 1015.
26. Черников В.В. Государственная деятельность НКВД РСФСР по руководству органами милиции (окт. 1917 – дек. 1930 г.). – М., 1975.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

АУБАКИРОВА Индира Ураловна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Казахского гуманитарно-юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Астана, Казахстан)
E-mail: indastana@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СЕРВИСНОЕ ГОСУДАРСТВО И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА: НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ В КРИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. *Рассматриваются новые функции управления, возникающие с развитием основ постиндустриального, информационного общества. Особое внимание уделяется концепции сервисного управления, понимаемого в терминах оказания благ и услуг гражданам и основывающегося преимущественно на сетевых, горизонтальных взаимодействиях власти и общества. Отмечается, что наблюдается тенденция перехода от идеи нового государственного управления к идее сетевого подхода, подразумевающего равноправное сотрудничество государственных и негосударственных структур, антропоцентристский характер взаимоотношений личности и государства, когда во главу угла ставятся интересы индивида.*

Ключевые слова: *сервисное государство; государственное управление; евразийские государства; Россия; Казахстан; сетевой подход; партнерское отношения государства и общества.*

AUBAKIROVA I.U.

SERVICE STATE AND SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT: SOME IDEAS IN CRITICAL INTERPRETATION

The summary. *New management functions arising with the development of the foundations of a postindustrial, information society are considered. Particular attention is paid to the concept of service management, understood in terms of providing goods and services to citizens and based mainly on network, horizontal interactions of power and society. It is noted that there is a tendency to shift from the idea of a new state administration to the idea of a network approach involving equal cooperation between state and non-state structures, anthropocentric character of the relationship between the individual and the state, when the interests of the individual are at the forefront.*

Key words: *service state; public administration; the Eurasian states; Russia; Kazakhstan; network approach; partnership of the state and society.*

В современные дни государство и общество функционируют в новой технологической реальности, динамично развивающемся киберпространстве, все более прочно оказываясь связанными «брачными узами» с информационными технологиями, что объективно обусловливает появление и новой социальности [14; 24; 25; 48; 57]. В восприятии форм взаимодействия современного государства с социумом наблюдаются перемены, коррелирующие с развитием основ постиндустриального, информационного общества. В современном юридическом дискурсе используются категории «электронная демократия», «сетевое управление», применительно к государству – определения «инновационное», «открытое», «рыночное», «сетевое», «информационное», «электронное», «сервисное», свидетельствующие о стремлении осмыслить возникающие в крайние десятилетия бытия нынешнего государства новые политико-правовые феномены. В этих процессах ученые усматривают складывание новой политико-правовой реальности: сближение традиционных государственно-управленческих способов и решений с подходами в бизнес-менеджменте, использованием в коммуникациях* государства и гражданского общества технологий, соответствующих информационной эпохе [41].

Вместе с новыми технологиями меняется и философия управления, когда роль и функции государства интерпретируются в новом контексте. Во многих государствах составной частью государственно-управленческой парадигмы становится идея «сервисного управления» – управления, понимаемого в терминах оказания благ и услуг гражданам и основывающегося преимущественно на сетевых, горизонтальных (в отличие от прежних вертикальных), взаимодействиях власти и общества. В сервисной модели управления *внимание концентрируется не столько на качестве институтов, сколько на эффективности отношений между субъектами государственно-управленческих отношений при максимально возможном исключении из них иерархии и установлении равного статуса.*

Следует отметить, что правотворческая тематика сервисной модели управления в евразийских государствах, включая Россию и Казахстан, носит формирующийся характер. правоприменительная практика, связанная с внедрением ее элементов, опережает теоретико-юридические исследования. Следует согласиться с мнением, что недостаточный объем соответствующей научной литературы не позволяет говорить о сложившейся в России доктрине публичных услуг, «особенно учитывая склонность ученых-юристов к комментированию нормативных актов» [52, стр. 46]. В российской и казахстанской юридической литературе сервисное управление связывается с проведением административной реформы, различные аспекты его развития рассматриваются преимущественно в административном праве. Между тем, во многих зарубежных государствах оно толкуется как одно из важных начал развития новых форм отношений государства и гражданина, юридических лиц, взаимодействия государств друг с другом. Проблематика *сервис-ориентированного управления делами государства* содержит широкий спектр философско-юридических аспектов, связанных с осмыслением роли и функций государства в условиях перехода к постиндустриальному обществу, процесс развития которого обусловливается переменами в социокультуре общества. Подобные ракурсы диктуют необходимость их развернутого теоретико-методологического анализа. К примеру, Х. Патрик Гленн исследует влияние сетевых технологий на правовые традиции, которые, представляя собой ни что иное, как информацию, теперь могут поддерживаться ими и передаваться на большие расстояния. Современные средства коммуникации становятся мощными факторами усиления и экспансии традиций народов, которые обладают подобными ресурсами. При этом национальные государства не всегда способны контролировать этот процесс. В результате большая часть (если не вся) правовых традиций находится в постоянном контакте и конкуренции друг с другом, что может повлечь изменение их содержания [63, p. 43].

Появление сервисного управления сопряжено с процессом, который М.Т. Баймаханов определяет как модернизацию содержания функций государства под влиянием научно-технического прогресса [56, стр. 41]. В условиях развития новых общественных отношений, связанных со становлением информационного общества, возникают организационные практики функционирования государственности, включающие новые формы государственно-управленческого воздействия с использованием

коммуникационных технологий, предоставление электронных услуг, реализацию идей «электронного» и «мобильного» правительства, увеличение доступа к электронной базе данных всех ветвей функционирования власти, позволяющие гражданам и обществу активнее влиять на эффективность реализации управленческих решений, касающихся их прав и свобод.

По М. Кастельсу, «глобализация капитала, процесс увеличения количества сторон, представленных в институтах власти, а также децентрализация властных полномочий и переход их к региональным и локальным правительствам создают новую геометрию власти, возможно, рождая новую форму государства – сетевое государство» [30, стр. 501]. С позиций сервисного управления государство реализует часть своих функций непосредственно либо путем наделения негосударственных организаций соответствующими полномочиями по оказанию услуг гражданам, которые рассматриваются в качестве потребителей, выступающими не как объекты государственно-управленческой деятельности, а субъекты, причастные к ее совершенствованию. Эффективность реализации государственных функций оценивается с позиций измерения качества оказания государственных услуг по результатам, оптимального расходования средств, выделяемых на содержание государственных органов, иных показателей. Одна из главных целей сервисной модели – минимизировать «бюрократизм бюрократии». Новые подходы предполагают введение элементов конкуренции среди государственных органов, предоставление больших правомочий чиновникам в решении организационно-управленческих вопросов.

Категории сервисного государства и ключевого его элемента – государственных услуг – сравнительно недавно вошли в оборот постсоветской юридической науки и законодательства. Хотя это отнюдь не означает, что государственные услуги – феномен, появившийся лишь недавно. Любое государство в широком смысле, по сути, оказывает услуги обществу. В терминах оказания услуг трактовали деятельность государства многие мыслители. Так, к примеру, по мысли Р. Моля, «услуги государства бывают различной меры, смотря по тому, как велика сила естественных союзов, из которых слагается общество», и «каждое государство, к какой бы оно категории не принадлежало, кроме простого охранения права оказывает еще и другого рода услуги» [39, стр. 53, 57]. Управленческое воздействие государства на общественные отношения не самоцель, оно нацелено на достижение общественного блага, обслуживание интересов и потребностей граждан и общества путем оказания определенных услуг. Государство является институтом, который призван предоставлять гражданам фундаментальные социальные блага, включая меры по обеспечению правового порядка, общественно-экономическую инфраструктуру, механизмы, обеспечивающие социальный консенсус. В этом ракурсе государственные услуги выступают формой осуществления государством своего социального предназначения. Их эффективность служит основой доверия граждан и общества к государству, словом, определяет его легитимность.

Концепция сервисного управления является логическим развитием либеральной интерпретации государственного управления. Полагаем, для лучшего понимания логики происходящих изменений в государственном управлении имеет смысл рассмотреть некоторые теории, основывающиеся на идее рецепции идей бизнес-менеджмента. Одной из концептуальных предпосылок возникновения концепции и практики сервисного управления является сформировавшаяся в 50-60-е годы минувшего века *теория общественного выбора (Public Choice Theory – PCT),* в рамках которой проблематизируется вопрос, как обеспечить качество функционирования государственных органов, исходя из практического понимания действия экономических и правовых институтов (данная теория еще именуется как неоинституционалистская). Веберовская концепция *идеального типа рациональной бюрократии* формировалась в условиях индустриального общества. В числе основных в ней выделяются такие идеи, как «дух формализма», строгое соблюдение возложенных обязанностей, регламентированного распорядка, должностных инструкций, правил, беспристрастность, оплата труда из бюджета, иерархичность продвижения по служебной лестнице и т.д. Социальные (соответственно, и управленческие) действия по М. Веберу дифференцируются в зависимости от степени рациональности на аффективное, традиционное, ценностно-рациональное и целерациональное. Согласно логике мыслителя, управленческое действие приобретает

целерациональный характер при ориентации его на осознанно сконструированные цели и осмысленные (рациональные) инструменты (процедуры) их достижения.

Разработчики РСТ – Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон, Д. Мюллер, Р. Толлисон, У. Нисканен и др. – обосновывают свои воззрения, опираясь на сугубо *прагматическое видение взаимодействия власти и общества,* при котором оно интерпретируется в категориях социального обмена. В отличие от М. Вебера, они роль экономических и юридических институтов в обеспечении эффективности государственной бюрократии рассматривают на синтетическом уровне их значений. И если веберовский подход делает акцент на строгом выполнении требований к управленческому процессу, процедурам, то неоинституционалисты – на результате. В известной монографии М. Бьюкенена и Г. Таллока «Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии» проводится аналогия между государством и рынком, а *отношения граждан с государством рассматриваются согласно принципу «услуга за услугу».* Сторонники теории общественного выбора придерживаются мнения, что исполнительная, законодательная власть и «большинство избирателей на самом деле не являются тем, чем их изображает теория государственного управления, – то есть идеальными органами власти, у которых нет иной цели, кроме заботы о благе общества». Тезис, что у государства нет иных целей, кроме как обеспечение общественных интересов, ошибочен. Чиновники используют правительственные учреждения, преследуя свои частные интересы [40, стр. 454] и зачастую занимаются поиском *политической ренты*. «Интерес общества» «есть не более чем мнение частного лица об этом интересе», на практике чиновник «стремится реализовать лишь свое частное, индивидуальное мнение об этих интересах». Следовательно, прав Д. Юм, что «при формировании любой системы правления и установления конституционных издержек и противовесов каждый человек предполагается плутом, и нет другого объяснения всем его действиям, кроме частного интереса. Через этот интерес мы должны управлять им, и заставить его, вопреки ненасытной жадности и амбициям содействовать общественному благу» [27, стр. 33-34].

Устранить частный интерес в системе государственно-управленческих отношений следует, опираясь на «теорию порядка» и концепцию «конституционной экономики»**, ориентированных на человека, его свободу, социальную защиту, открывающих путь к устойчиво саморазвивающемуся обществу. При этом артикулируется особая роль функционирования экономики строго в соответствии с конституционными нормами и соблюдения контрактных (договорных) условий, наличия контроля над государственным аппаратом со стороны гражданского общества, другими словами, обеспечения «конституционности экономики». Рыночные механизмы должны использоваться в деятельности государственного аппарата, оптимизируя его структуру, численность, затраты на его содержание и функционирование, обеспечивая его открытость и подотчетность. Нет правового (конституционного государства) без правовой (конституционной) экономики. Плюсом подобной трактовки является фокусирование на личных и узкогрупповых интересах в сфере управления государством, предлагается учитывать социокультурный контекст. Управленческая культура – категория абстрактная, в ее основе находятся ценности и установки конкретных носителей, которые с неизбежностью отражаются на государственных решениях, и, соответственно, качестве функционирования государственных органов.

Согласно веберовской идеальному типу бюрократического аппарата служение чиновника является беспристрастным, бескорыстным, политически неангажированным, характеризуется лояльностью не вышестоящей персоне, а правовому порядку, бюрократической системе, исключая любые личные предпочтения. Политика четко отделена от собственно административных управленцев. Согласно же теории общественного выбора в эмпирических реалиях носитель властных полномочий руководствуется, главным образом, собственными амбициями и выгодами, и групповыми и, более шире, классовыми интересами. И такой подход имеет под собой веские основания, поскольку политико-правовые, экономические и социокультурные институциональные факторы не действуют изолированно как автономные сферы. Суть управления государствообразующим обществом заключается в организующем воздействии на население определенной территории на основе суверенной публичной

власти, содержание функционирования которой определяется, в конечном счете, не только единством социальных интересов, но и *конкуренцией экономических и политических интересов управляющих и управляемых*. В теоретической юриспруденции указанный феномен именуют как соотношение узкогруппового и общесоциального начала. Государственное управление – институт, опосредующий не только «всеобщие» интересы, но и экономические и политические интересы властной элиты (точнее, интересы различных групп таковых в сфере власти и управления), которые не всегда и во всем совпадают с интересами гражданского общества [32; 33]. И чем более зрелый характер носит гражданская культура, тем выше потенциал общества, направленный на усиление общесоциального начала в государственно-управленческих процессах, использование технологических возможностей для служения общим интересам, общему благу. Такое понимание особенно актуально для России и Казахстана, в которых проблема сращенности власти и собственности носит еще нерешенный характер.

Вместе с тем, рассматриваемая теория излишне абсолютизирует степень автономности чиновника, рассматривая узкие личные интересы в качестве детерминанты всех взаимодействий в современном обществе. Нация как социальная общность конкретного государства, пишет Э. Дюргейм, формируется «числом индивидов, действительно находящихся не только в коммерческих, но и в нравственных отношениях, то есть не только обменивающихся услугами или конкурирующих друг с другом, но и живущих общей жизнью» [22, стр. 56]. Политико-правовая культура отдельного носителя власти – такое же абстрактное понятие, как и политико-правовая культура бюрократии либо политико-правовая культура общества. Чиновник действует не только как носитель индивидуальных, но и общесоциальных ценностей, среди которых, патриотизм и служение обществу являются одними из составляющих. Волюнтаризм принятия решений (в том числе, имеющих юридические последствия) социально значимого субъекта ограничивается наличием ресурсов, здравым смыслом и оценкой легитимирующего потенциала [50, стр. 294]. Невозможно отрицать влияние таких факторов, как понимание рисков и неотвратимости наказания и наличие объективных моральных установлений в системе государственного управления (установку на справедливость, совесть). П. Бурдье указывает на амбивалентность юридических значимых действий чиновника, существующее расхождение между официальной нормой, как она формулируется в административном праве, и действительностью административной практики. Вместе с тем, невозможно не узреть результатов деятельности нормы, требующей от него принести свои частные интересы в жертву обязательствам, входящим в их функции, он «не может не видеть эффектов личной заинтересованности в бескорыстии и всех тех разновидностях «лицемерного благочестия», появлению которых может способствовать парадоксальная логика бюрократического поля» [19, стр. 252].

Восприятие сферы государственного управления в контексте технологий бизнес-менеджмента характерно и для *новой теории государственного управления* (New Public Management Theory – NPM), получившей развитие в последние два десятилетия прошлого века как закономерное следствие укрепления в западном обществе идеи неолиберализма. Стоявшие у ее истоков Д. Осборн и Г. Геблер обосновали следующие принципы нового государственного управления: расширение конкуренции между поставщиками управленческих услуг; усиление прав граждан в деле контроля за деятельностью правительственных учреждений; оценивание работы государственных учреждений не по затратам, а по результату деятельности; ориентация на цели, а не законы и правила; приобретение клиентами статуса свободных потребителей, имеющими право выбора поставщика услуг; упор на превентивность возникновения проблем; преобладание прибыли над расходами; децентрализация управления; оказание предпочтений рыночным механизмам перед бюрократическими; фокусирование внимание не на оказании услуг, а на стимулировании решения возникающих в обществе проблем [50, стр. 709]. Новое государственное управление исходит из базовой посылки, что «частное всегда успешнее государственного», следовательно, инструменты управления, релевантные для использования в частном секторе, должны стать успешными и для публичного сектора. Вместе с тем, данная теория предполагает нечто гораздо большее, чем просто новый инструмент измерения эффективности.

Ориентация на потребности и ожидания граждан как потребителей оказываемых государством услуг – это своего рода измеритель демократии и степени контроля общества над властью [62, Pp.887-888].

Ныне само правотворчество, его качество с точки зрения юридической техники, содержания воспринимается как средство удовлетворения потребностей граждан с позиций их же собственной оценки. Современная эволюция государственно-правовой доктрины склоняется к восприятию целого спектра действий государства как услуги и оцениванию его эффективности на основе установления стандартов. Правоведы определяют государственную услугу как нормативно закрепленную, правомерную, индивидуализированную деятельность, включающую ряд целесообразных, совершаемых в определенной последовательности действий государственных органов, подведомственных им учреждений по запросу граждан или организаций или в порядке исполнения полномочий, возложенных на конкретные органы государственной власти, подведомственные им учреждения, имеющую полезный эффект, направленный на реализацию и обеспечение прав и законных интересов граждан (организаций) или исполнение возложенных на них обязанностей [61, стр. 46].

Начало масштабному закреплению за рубежом стандартов оказания публичных услуг было положено в Великобритании с принятием в 1991 году Хартии граждан (Citizens' Charter). Основная идея Хартии – установление стандартов качества публичных услуг и их улучшение посредством влияния на этот процесс потребителей государственных услуг – граждан [44, стр. 52]. В 1990-е годы по примеру Великобритании хартии были приняты в европейских странах, Канаде, Организации экономического сотрудничества и развития, Индии и многих других странах.

Однако задолго до того, когда этот процесс принял масштабный характер, идея сервисного управления уже успешно использовалась в практиках ряда государств. Так, Комиссия по публичным услугам Сингапура была учреждена в 1951 году и до сих пор является ключевым государственным органом, призванным отслеживать чистоту и ценности гражданской службы, обеспечивать принципы беспристрастности и меритократии [66]. Стандарты оказания услуг устанавливаются и в судебной системе. В качестве примера можно отметить опыт Новой Зеландии, где создана должность министра по государственным услугам. Хартией услуг Министерства юстиции данной страны, к примеру, устанавливаются стандарты услуг, оказываемых департаментами судов [65].

Сегодня в мире наблюдается тенденция перехода от идеи нового государственного управления к идее сетевого подхода (так называемая концепция «governance»), в рамках которого обосновывается равноправное сотрудничество государственных и негосударственных структур, при этом обе идеи отражают тенденцию к расширению круга субъектов управления [52, стр. 17]. Посредством сетевого подхода в управление делами общества и государства активно вовлекаются представители гражданского общества, и в сфере принятия управленческих решений устанавливается функциональная взаимозависимость между публичным и частным сектором [8; 9]. Трансформация государственного управления в условиях перехода к постиндустриальной модели развития западного общества обусловлена иными сравнительно с бюрократическим (веберовским) государством сущностными основаниями, когда государство и отдельное (физическое либо юридическое) лицо трактуются как равные партнеры. Дебюрократизация знаменуют переход от концепции классической, веберовской, «идеальной бюрократии» к новой информационной парадигме, основанной на открытых сетевых структурах и управлении по результатам [21, стр. 131]. Сетевая модель управленческих взаимосвязей тесно связана с концепцией сетевого права, реализация которой, по мысли А.И. Экимова, меняет содержательное наполнение понятия нормы права, которое теперь фиксирует не только властные веления, но и волю и интересы саморегулируемых организаций общества, что требует существенного пересмотра функциональных обязанностей государственных органов в сторону отказа от функций, которые могут быть реализованы без них [60, стр. 24-25].

В рамках сервисного управления актуализируется антропоцентристское обоснование взаимоотношений личности и государства, когда во главу угла ставятся интересы индивида. Плюсы ее заключаются в ориентировании государственных чиновников на уважение и соблюдение прав личности, качественное и своевременное исполнение своих обязанностей, прозрачность,

повышение ответственности за возложенный объем работ, установление упрощенных и доступных правовых процедур по оказанию государственных услуг гражданам, работу на результат, экономию средств и времени. С точки зрения западной парадигмы управления вся деятельность государства, по сути, есть система предоставления услуг личности и обществу, включая, прежде всего, услуги по обеспечению безопасности и порядка, защиту прав и свобод граждан, в том числе свободы информации, права граждан владеть, получать, искать и использовать информацию любыми способами, не противоречащими законодательству***.

Однако при этом следует учесть, что природа публично-правовых отношений сущностно отлична от природы частноправовых отношений, прежде всего, потому что государство является субъектом монопольного права на легитимное принуждение, следовательно, в отношениях с обществом и личностью всегда будут существовать вертикальные связи, наличествовать властная ассиметрия. Ошибочно редуцировать весь спектр функций государства до значения, свойственного частному сектору: государство как сложноорганизованный институт выполняет целый ряд общесоциальных (публичных) функций, связанных с правоохранительными задачами, международно-правовыми отношениями, обороной и иными, которые не вписываются (и не должны) в схему сервисного управления с ориентацией на удовлетворение потребностей граждан и установление стандартов оказания услуг. Кроме того, целью оказания услуги в частном секторе является, прежде всего, извлечение прибыли, цели же государства связаны с его общесоциальной сущностью. Если толковать сервисное государство буквально, то любая деятельность государства по взаимодействию с индивидом оказывается государственной услугой, вместе с тем, понятие сервиса характеризует лишь одну из сторон деятельности современного государства, а само предоставление услуг – одна из многих функций органов государственной власти [16].

Кроме того, нельзя игнорировать то обстоятельство, что государство и гражданин – не равнозначные партнеры во взаимоотношениях. «Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, – *пишут В.А. Бачинин и В.П. Сальников,* – то их разномасштабность позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [17, стр. 133-134].

Данное обстоятельство неизбежно предполагает необходимость наличия зрелого гражданского общества, способного контролировать государство с его бюрократическим аппаратом в интересах обеспечения традиционных абсолютных ценностей человека и гражданина [49].

Элементы сервис-ориентированного управления успешно используются в управленческих практиках и западных, и восточных государств. Говоря словами С.Ф. Ударцева, «современная информационная модернизация государственного управления вполне может функционировать, развиваться, возможно, менее эффективно, и в иных условиях, при иных политических режимах», и подобные процессы носят «надполитический, сверхрежимный, универсальный характер. Они продвигают в целом государственность на следующий технологический этап развития, независимо от ее форм и режимов» [54, стр. 60]. Для современных незападных государств свойственна трактовка концепции сервисного управления, главным образом, в контексте внедрения определенного набора институциональных инструментов, призванного способствовать адаптации государственного механизма к вызовам информационного общества, совершенствованию эффективности его функционирования, в то время как обеспечению прав и свобод личности придается дополнительное значение. Как замечает О.В. Мартышин, несложно заимствовать материально-технические средства, так же, как и организационные и процедурные формы, сложившиеся в ходе развития западной демократии, но в другой, «инородной», среде они

зачастую сводятся к церемониалу и утрачивают демократическое содержание [37, стр. 11]. В незападных государствах идея сервисного управления заимствуется преимущественно не столько в ее изначальном ценностно-смысловом наполнении, сколько в прикладном значении: она используется в целях совершенствования потенциала государственного механизма посредством использования новых технологий и ресурсов, усиления инвестиционной привлекательности. Так, по результатам проведенного сравнительного исследования казахстанские ученые отмечают: «Если классическим примером, где социальные потребности и ожидания стали стимулом для совершенствования процессов оказания государственных услуг, может служить Великобритания, то к числу стран, воспринявших качество государственных услуг в качестве средства повышения инвестиционной привлекательности страны, можно отнести Сингапур» [35, стр. 67-68]. В Концепции правовой политики РК указывается: «В условиях всеобщей глобализации и роста мировой конкуренции многие страны столкнулись с необходимостью модернизации правовых систем и максимального приближения их к нуждам и потребностям людей и интересам инвесторов» [5].

Сегодня евразийские государства вынуждены синхронно решать две задачи: обеспечивать функционирование государственного аппарата на принципах, свойственных веберовской трактовке деятельности бюрократии с ее строгой иерархией отношений, и при этом «встраивать» в государственно-управленческую сферу принципы и институты, свойственные постиндустриальному типу государства (с ориентацией на «горизонтальный» тип отношений). Сохраняют актуальность вопросы, которые решает бюрократическое государство по разграничению сферы влияния политических управленцев и сферы действий административной бюрократии, реализации принципа «разрешено лишь то, что прямо закреплено нормами права», в то время как согласно новым веяниям деятельность чиновника должна иметь большую свободу в принятии решений, большие дискреционные полномочия, поощряется государственно-частное сотрудничество. Вместе с тем, полагаем, не следует трактовать внедрение новаций, связанных с сервисной моделью управления, с позиции дихотомии «бюрократическая/сервисная модель управления». Внедрение элементов сервисного управления не предполагает необходимость дерегулирования общественных отношений. Напротив, в государствах, в которых доминируют нелиберальные политико-правовые установки, *использование новых управленческих технологий при условии их адаптации может запускать и ускорять процесс формирования государственного управления по веберовской классической модели со свойственными ей рациональными, основанными на ясных и понятных правовых нормах, принципах, процедурах* (Сингапур). Для евразийских государств проблема формирования ответственной перед обществом бюрократии, беспристрастной судебной системы, функционирующих строго в легальных рамках, весьма актуальна.

В этом ракурсе необходимо трактовать рассматриваемую идею в ракурсе усиления рациональной составляющей в деятельности государства, когда за счет «пошаговой» правовой регламентации процессов взаимодействия государственных органов, граждан, юридических лиц, установления стандартов осуществления государственных услуг решается задача совершенствования функционирования государства на рациональной, легальной основе, иными словами, продвижение к веберовскому идеалу бюрократического аппарата. Новый облик государства, связанный с ориентацией на сервисное управление, в условиях России и Казахстана связывается не с отказом от веберовской модели управления, а расширением форм, способов деятельности путем использования современных коммуникационных технологий, в том числе, заимствованных из частнопредпринимательского менеджмента.

Важной составной частью сервисного государства является обеспечение подконтрольности управленческих структур гражданскому обществу, вовлеченности последнего в сферу государственного управления, следовательно, большей ответственности носителей власти. Этому способствуют такие новые возможности, как обязательное размещение информации о деятельности государственных органов на официальных интернет-ресурсах, процедуры электронного документооборота, прямая трансляция с мест заседаний, размещение сведений о доходах государственных служащих, иные условия, связанные с активным использованием информационно-коммуникационных условий. К примеру, согласно

Закону РК «О доступе к информации» закрепляются нормы о проведении онлайн-трансляции открытых заседаний Парламента Республики Казахстан, его Палат, местных представительных органов области, городов республиканского значения, столицы РК и коллегий государственных органов, проводимых по итогам года. Другими способами доступа к информации являются письменные и устные запросы, размещение информации в помещениях, занимаемых обладателями информации (к этой информации должен быть обеспечен круглосуточный доступ населения). Кроме того, заслушивание отчетов руководителей центральных государственных органов, акимов. Отчеты акимов, а также отчеты министров являются важной формой обеспечения доступа граждан к информации и подотчетности власти.

Сутью концепции сервисного государства является идея о механизмах, способствующих функционированию *государственного управления в ракурсе служения интересам личности и обществу.* Стоит заметить, что трактовка государственного управления в терминах служения, ответственности и долга – многолетняя традиция общественной мысли на евразийском пространстве. При этом, служение понимается не в утилитарном или формально-правовом значении, а, прежде всего, нравственно-общественном. «Сотрудничество отдельных классов, профессий и лиц в общем деле, – *рассуждал С.Л. Франк,* – зиждется в конечном счете не на утилитарной его необходимости, а на нравственном сознании начала служения верховным принципам и на основном существе человеческой жизни. Таковы же смысл и нравственное основание связи между властью и подвластными: эта связь крепка лишь там, где она утверждена на идее совместного служения правде». Невозможно отрицать, что «в основе всякого, даже самого утилитарного, внешнего общения между людьми – будь то холодные договорные отношения или принудительное властвование одних над другими – лежит первичное внутреннее единство людей, начало непосредственного доверия и уважения человека к человеку, сознание внутренней близости, интуитивное взаимное понимание, коренящееся в последнем счете в первичном единстве «мы» [55, стр. 233-234]. Иначе говоря, под служением понимается не только служение власти общему благу, но служение всех членов общества идее правды. Роль государства понимается не в значении заключения общественного договора как необходимого консенсусного механизма, нейтрального арбитра по предотвращению конфликтов между индивидами (т.е., по сути, как результат самосохранения индивидов), а в контексте потребности в консолидирующей и мобилизующей функциях государства, осуществление которых гарантирует обществу сохранение в сложных условиях бытия на огромном, климатически недружелюбном, а также конфессионально и этнически разнородном пространстве (т.е. по сути речь идет о *самосохранении целостного политического организма*). Посему, если рассуждать в категориях социального обмена, то вопрос стоит об осознанном «самосужении» личного пространства отдельного индивида в обмен на социально-обеспечительную и системо-поддерживающую функции государства.

В классическом евразийстве функционирование идеократического и гарантийного государства понятие «служение» рассматривается не с позиций социального обмена, а общественного долга, как служение бескорыстное, посему не измеряемое. Государственная политика в представлении евразийцев должна базироваться не на предоставлении возможности наибольшего обогащения, а на началах служения власть имущих согражданам и народно- государственному целому [23, стр. 169]. Факторы ограничения государственной власти связываются либо с нравственными побуждениями (идея-правительница социального служения благу народа) либо с особым кадровым слоем, который заставляет государственную власть «идти по линии общественного служения» [12, стр. 379-381] в интересах обеспечения единства права и справедливости [26; 28; 59].

В связи с этим возникает вопрос, как соотносится евразийская идея сильного государства с идеей сервисного государства? Полагаем, в данном случае было бы неуместно ставить вопрос по формуле «или/или»: данные идеи не только не противоречат, а напротив, взаимно дополняют и усиливают друг друга. Они обе ориентируют на установление устойчивого правопорядка, режима законности, эффективного функционирования государственных органов, и в конечном счете нацелены на обеспечение конкурентоспособности в мировом сообществе государств. По Н.Н. Алексееву, будущее принадлежит

государству, которое сумеет сочетать твердую власть с народовластием и со служением социальной правде, и конституционными положениями должна быть установлена «постоянная и твердая правительственная власть», которая при этом находится «под контролем народа и других государственных органов» [11; 13, стр. 98]. Иными словами, следует исходить из перспективы симбиоза «сервисной» и «сильной» моделей государств, сопрягающего публичные и частные интересы, стабильность и поступательное развитие системообразующих социально-политических институтов, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина [31, стр. 747].

В наши дни интенсивно развивающиеся технологии объективно способствуют тому, что в арсенале современного государства появляются коммуникационные инструменты, позволяющие осуществлять управленческое воздействие на общественные отношения, основываясь на принципе сотрудничества с гражданским обществом. При этом с позиций либерального восприятия сервисное управление рассматривается как механизм саморегуляции общества, тогда как с точки зрения этатистской трактовки оно трактуется в контексте самоограничения власти. Но в том и другом случаях государство не понимается как «маленькое». Напротив, функционирование сетевого механизма взаимодействия государственных и негосударственных институтов не представляется действенным при слабом государстве, поскольку гражданское общество должно обладать определенным ресурсным потенциалом для способности к коллективной самоорганизации, а, как показывают исследования, в государствах, страдающих от административного дефицита, гражданское общество тоже является слабым [38, стр. 41-42].

В России и Казахстане внедрение модели сервисного управления является одним из важных направлений правовой политики. Особенности современной ситуации заключаются в том, что ценность служения государству и общему благу в нормативно-ценностных установках на евразийском пространстве существенно девальвировалась. Об этом свидетельствуют, в частности, данные социологических исследований. В 2010 году «лишь 20% даже на словах готовы были руководствоваться в серьезных для них вопросах интересами государства (4%) или коллектива (16%). При этом среди занятых в государственном и муниципальном управлении ни один (!) респондент не сказал, что он руководствовался бы в этом случае интересами государства, и лишь 6% руководствовались бы интересами коллектива». Автор указанного исследования резюмирует: «Это ли не наглядное признание того, что существовавшая ранее нормативная модель, основанная на идее «служения» государству/державе, уже потерпела полное фиаско, и постепенное размывание ее легитимности в нормативно-ценностной системе населения России лишь отражает уже совершившийся факт полного исчезновения соответствующих норм из сознания ключевой для успешной реализации этой модели группы – государственных служащих». Причина произошедших изменений в сознании работников государственного аппарата «сверху донизу» заключается в фактическом «уходе» государства в 1990-х гг. из социально-экономической сферы, в результате чего «характерная для российской культуры нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства в итоге делегитимировалась в глазах населения. В самом деле, зачем делегировать государству столько прав, если оно при этом не выполняет своих базовых обязанностей?» [53, стр. 15].

В этом ракурсе М.А. Супатаев отмечает фактор «ротационных циклов культурных изменений», в рамках которого происходит взаимообмен между профессиональной (элитарной) правовой культурой и правовой культурой широких слоев населения. И чем больше разрыв между ними, «особенно в условиях «социокультурного пограничья», тем больше формальный характер права, тем меньше степень легитимности (признания) его норм». Важным направлением обеспечения легитимности юридических норм в наши дни является формирование «срединной» культуры с учетом ценностно-смыслового ядра правовой культуры общества и при этом сближающую ее с установками на новации, отраженными в профессиональной правовой культуре [51].

В этой связи, реализация концепции сервисного государства призвана примирить западный (либеральный) и евразийский (этатистский) политико-правовые инструментарии государственного управления в той части, в какой обеспечивается воспитание

«дисциплинированного» (М.Фуко) государства и общества, функционирующих и взаимодействующих на рационально-легальных основаниях. Сервис-ориентированная модель призвана вытеснить ренто-ориентированный компонент политико-правовой культуры чиновников. Кроме того, методологическая востребованность сервисной концепции заключается в том, что разработанный в ее рамках правовой инструментарий позволяет делать суждения о качестве государственного управления на основе обратной связи, столь необходимой для устойчивости системы управления любой страны. Стало быть, *качество оказания государственных услуг есть показатель качества функционирования государственных институтов.*

В России распоряжением Правительства РФ №1815-р от 20 октября 2010 года принята Государственная программа «Информационное общество (2011-2020 годы)», в рамках которой утверждена подпрограммма «Информационное государство». Согласно указанной подпрограмме задачами создания информационного государства являются: повышение качества предоставления государственных услуг путем их перевода в электронный вид; развитие сервисов на основе информационных технологий для упрощения процедур взаимодействия и коммуникации общества и государства; развитие специальных информационных и информационно-технологических систем обеспечения деятельности органов государственной власти; создание и развитие электронных сервисов в области здравоохранения, образования, науки и культуры, в иных сферах; распространение лучшей практики информационного общества на уровне субъектов Российской Федерации. 27 июля 2010 года принят Федеральный закон РФ № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1].

В Концепции правовой политики РК закрепляются задачи по разработке правовой базы обеспечения государственных услуг, полноценного внедрения стандартов их оказания, расширения реестра, внедрения эффективного внешнего контроля за их исполнением с использованием новейших технологий [5]. В Указе Президента РК от 1 февраля 2010 года «О Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 года», среди пяти ключевых задач, на которых будут сосредоточены основные усилия государства в ближайшие десять лет, указаны услуги для граждан [3]. В «Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы», утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года, отмечается, что одной из предпосылок для коррупционных проявлений является наличие непосредственного контакта чиновника с гражданином. Следовательно, чем проще и прозрачнее процедура получения государственных услуг, тем меньше уровень коррупции. В этой связи устанавливаются меры по постепенной передаче ряда государственных функций в негосударственный сектор, увеличению объема услуг, оказываемых населению в электронном формате, включая выдачу разрешений. Процедуры оказания государственных услуг, в том числе в таможенной и налоговой сферах, в сферах сельского хозяйства, земельных отношений, банковской деятельности, будут максимально автоматизироваться. Расширится и перечень государственных услуг, предоставляемых населению по принципу «одного окна» [6].

В Казахстане в рамках модернизационной программы «План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ» [4] поставлена задача формирования *открытого государства.* Открытое государство – это открытость и доступность информации, касающейся деятельности органов государственной власти, в сопряжении с вовлеченностью граждан в управление делами государства и обеспечением общественного контроля, она призвана повысить легитимность государственной власти, способствовать снижению коррупционных рисков, привлечь иностранные инвестиции, а самое главное – создать условия для обратной связи с обществом. Указом Президента Республики Казахстан от 8 января 2013 года утверждена Государственная программа «Информационный Казахстан – 2020», среди основных задач которой установлено, наряду с другими, обеспечение эффективности системы государственного управления, при этом необходимость информационного сопровождения деятельности государства обосновывается тем, что в условиях перехода к информационному обществу государство нуждается в высоком уровне сопричастности каждого гражданина с жизнью страны, общественной солидарности и доверия к власти [7]. 15 апреля 2013 года Президентом подписан Закон РК «О

государственных услугах» [2].

В России (многофункциональные центры) и Казахстане (центры обслуживания населения) правовую основу получил порядок регулирования оказания государственных услуг по принципу «единого окна». Стоит отметить, что вопросы использования информационных технологий поставлены во главу угла и в деятельности таможенных органов государств-членов ЕврАзЭс. Первым шагом в этом направлении явилось Соглашение о единых подходах в применении информационных технологий при таможенном контроле за перемещением товаров и транспортных средств через границы. Особое место занимают мероприятия по созданию Интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза, а также развитие национальных автоматизированных информационных систем контролирующих органов государств-членов ТС [36, стр. 284].

Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 сентября 2015 года утверждена «Методика оценки состояния развития национальных механизмов «единого окна», которая *«будет использоваться с целью определения приоритетных направлений по сближению национальных механизмов «единого окна» для перехода на межгосударственное взаимодействие».* Кроме того, Коллегией утверждено «Положение об организационной структуре механизма, обеспечивающего выполнение плана мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности», включающее в себя Положение с описанием «основных управленческих элементов наднационального сегмента механизма управления, их полномочия и функции, а также описание взаимодействия наднационального сегмента механизма управления с национальными» [67]. Иными словами, странами ЕАЭС предпринимаются важные усилия по созданию правовых и организационных механизмов, позволяющих оптимально реагировать на потребности и интересы физических и юридических лиц в контексте функционирования ЕАЭС.

Между тем, перевод идеи сервисного управления в плоскость практического осуществления сталкивается с препятствиями, связанными главным образом с социокультурными факторами. Существует тесная корреляция успешности реализации сервисной модели государственного управления с траекторией эволюции общества в предыдущие исторические этапы. Нормы права, в том числе касающиеся регулирования государственных услуг, реализуются в действиях конкретных субъектов правоотношений как носителей определенных политико-правовых ценностей, между тем, для евразийской социокультуры не свойственно понимание реализации государственных функций с акцентом на правовой инструментализм и утилитаризм. В массовом правосознании и правосознании самих носителей власти оказание государственной услуги все еще не есть юридическая обязанность государственных чиновников, а их правомочие.

Выстраивание партнерских отношений государства и общества в правоуправленческой, т.е. обусловленной правом и законом, форме не приобрело прочную основу, государственные органы слабо ориентированы на активную деятельность в сфере услуг, востребованных населением, предпочитая решать вопросы посредством ограничений и запретов [20, стр. 186]. Разрешение конкретной проблемы с помощью юридических процедур все еще нередко трактуется в России и Казахстане не как услуга в точном ее понимании, а как воля конкретных лиц, наделенных властью. Физические и юридические лица – потребители государственных услуг – зачастую склонны решать свои проблемы не с помощью легальных инструментов, а «теневого права» [15]. Рациональное и прозрачное расходование бюджетных средств, учет оптимальности финансирования государственных органов на основе подсчета при «входе» и на «выходе» реализации конкретных управленческих решений, еще не стали жизненными реалиями. Реализация концепции сервисного государства пока плохо соотносится с евразийским политико-правовым менталитетом, о чем, в частности, свидетельствует масштаб коррупционных правонарушений и пока еще недостаточно активное участие общества, граждан в принятии управленческих решений. Иными словами, институциональные рамки затрудняют внедрение позитивного юридического инструментария сервисного государства.

Кроме того, сама по себе сервисная модель управления, предполагающая широкое

использование информационных технологий – ресурсозатратная, на ее обеспечение требуется соответствующая материально-технологическая база и информационно-коммуникационная инфраструктура, поэтому ее внедрение может сталкиваться с ограниченностью материальных ресурсов. К примеру, в 2009 году Япония затратила на информатизацию 44 млрд. долларов, а Евросоюз и США – 50 и 102 млрд. долларов соответственно. Плановый объем финансирования Государственной программы Правительства РФ «Информационное общество (2011-2020 годы)» на весь период только из средств федерального бюджета составляет 1,2 трлн. рублей [29].

Вместе с тем, указанные обстоятельства отнюдь не исключают того, что использование во взаимосвязях государства и общества идей государственных услуг, электронных форм управления, открытого правительства, и многих других идей, призванных ввести их (взаимосвязи) в правовые рамки, должны стать неотъемлемой частью парадигмы развития евразийских государств, если только они действительно ориентированы на ценности права, демократии и социальной справедливости. Полагаем, не следует форсировать процесс внедрения основ сервисного управления, как нельзя и тормозить, поскольку оно есть важное направление по формированию *институциональных предпосылок,* необходимых для продвижения к демократическому и правовому государству. Исторически сложившиеся политико-правовые установки не следует абсолютизировать, если они становятся тормозом для развития политико-правовой культуры общества. В этом аспекте позволим себе не согласиться с мнением, что идеология построения сервисной государственности в России из-за ее исторического опыта развития государственности лишена смысла [43, стр. 103-121]. Российское и казахстанское общества вполне могут вписаться в эту модель, как и иные незападные общества. Здесь уместно вспомнить слова Б.Н. Чичерина, что «надобно знать, имеют ли в себе либеральные элементы достаточной крепости и внутренней связи, чтобы из низшей области перейти в высшую, чтобы войти в состав верховной власти, не нарушая единства государственной жизни. Но если они действительно выросли и окрепли, если они получили силу и значение, каких прежде не имели, перемена становится неизбежною. Здесь надобно соображаться не с историческими началами, не с отвлеченными понятиями о свойствах известной народности, а с действительными, существующими в данное время условиями и потребностями» [58, стр. 540].

Внедрение основ сервисного государства тесно сопряжено с ценностной системой общества, находясь под ее влиянием, но и, при этом, само способно оказывать обратное воздействие. В этом ракурсе Д. Осборн отмечает, что новая парадигма управления разработана, исходя из условий западных государств. Социальные, политические и экономические реалии в других странах сильно от них отличаются, поэтому при проведении реформ необходимо осуществлять новые управленческие стратегии постепенно. Необходимо «фундаментальные ДНК» публичного сектора каждой страны «перекодировать» постепенно, стремясь не допускать самовоспроизводства системы и понимая, что «нет новых ДНК – нет трансформации» [64]. *На евразийском пространстве государству необходимо быть локомотивом развития правового сознания общества, и идея сервисного управления может оказать ощутимую в этом поддержку.*

В рамках казахстанского стратегического плана по осуществлению пяти институциональных реформ установлен комплекс мер по построению *подотчетного государства* [4]. В этом ракурсе следует отметить о существующих рисках в плане латентного сопротивления бюрократии, лишающейся условий для коррупционных возможностей. Тем не менее, осуществление принципа открытости и подотчетности государства обществу, безусловно, способствует пробуждению гражданской активности широких слоев населения. Несомненным плюсом сервис-ориентированной модели управления государством является ее *воспитательный* в правокультурном отношении эффект, выражающийся в более осознанном восприятии личностью своих прав и обязанностей и участии в управленческих процессах. Потенциал использования инструментария данной концепции существенный, он может оказать конструктивное содействие в совершенствовании управления делами государства на демократической и правовой основе в странах с евразийской политико-правовой традицией.

Таким образом, концепция сервисного государства является логическим продолжением

либеральной концепции государственного управления. Плюсы ее заключаются в ориентировании государственных чиновников на уважение и соблюдение прав человека, качественное исполнение своих обязанностей, установление эффективных и быстрых правовых процедур по оказанию государственных услуг обществу, работу на результат и экономию средств. Вместе с тем, данная концепция еще плохо соотносится с российским и казахстанским правовым менталитетом, о чем, в частности, свидетельствует масштаб коррупционных правонарушений и сохраняющееся отчуждение граждан от власти. Коррупция здесь носит институциональный характер [45; 46; 47]. Однако практическое воплощение элементов данной концепции способно оказать значительную помощь в совершенствовании управления делами государства на демократической и правовой основе в евразийских государствах. Использование ее принципов и технологий содействует созданию предпосылок для перемен в правовом менталитете управленцев, формированию нового типа управленческой культуры, развитию исполнительской дисциплины, сужению коррупционного поля. В этом ракурсе идею сервисной модели управления следует осмысливать в контексте деятельности государства, направленной на развитие политико-правовой культуры формирования системы социального партнерств, преодоления отчуждения граждан от управления, искоренения правового нигилизма.

Примечания

* Концепция сервисного государства тесно связана с коммуникативными аспектами деятельности государства, выражающими себя в организации взаимодействия (коммуникации) между гражданами и властью посредством создания различных коммуникативных систем с целью облегчения получения и пользования информацией. Ключевым звеном в коммуникативной деятельности является трансляция информации.

** «Конституционная экономика – это научное направление, изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве» (34, стр. 10). Ю.Е. Аврутин определяет термин «конституционность экономики» как «синоним легальных экономических отношений и легальной экономической деятельности, «правила игры» участников которой базируются на их четком закреплении в конституционном и текущем законодательстве» [10, стр. 53].
Позитивно относясь к идее конституционной экономики, профессор Н.С. Бондарь полагает, что она не исчерпывает конституционно-экономической проблематики. «Особенно, – *как он пишет,* – если иметь в виду не только нормативно-правовую статику, но и динамику, реализацию рыночно-экономических конституционных начал в их взаимосвязи с широким спектром исторических социокультурных факторов, также имеющих конституционное значение». Учитывая данное обстоятельство, исследователь предлагает авторские подходы к пониманию экономического конституционализма как относительно самостоятельной категории [18, стр. 24].

*** В докладе британского правительства в 1993 году открытое государство трактуется как важная составляющая часть эффективной демократии, которая призвана обеспечивать гражданам доступ к информации в целях ее анализа, позволяющего оценить качество государственной деятельности [42, стр. 2].

Список литературы

1. Федеральный закон РФ № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 17. – Ст. 1387.
2. Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2013 года № 88-V «О государственных услугах» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2013. – № 5-6. – Ст.29.
3. Указ Президента РК от 1 февраля 2010 года «О Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 года» // Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. – 2010. – № 10. – Ст.115.
4. План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ: Программа Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева // Казахстанская правда. – 2015. – 20 мая.

5. Концепция правовой политики Республики Казахстан // Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. – 2009. – № 35. – Ст.331.
6. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 годы (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года) // Казахстанская правда. – 2014. – 30 декабря.
7. Государственная программа «Информационный Казахстан – 2020» (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 8 января 2013 года) // Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. – 2013. – № 11. – Ст. 200.
8. Абезгильдин Р.Р. Взаимодействие политических сетей и институтов власти: актуальность проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 182-193.
9. Абезгильдин Р.Р. Государственное управление и политические сети // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 84-89.
10. Аврутин Ю.Е. Конституционность экономики: эманации глобализационных процессов развития западной и российской цивилизации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С.52-54.
11. Алексеев Н.Н. О будущем государственном строе России // Новый град. – 1938. – № 13. – С. 91-114.
12. Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Н.Н. Алексеев Русский народ и государство / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. – М.: Аграф, 2003. – 635 с.
13. Алексеев Н.Н. Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. – Берлин: Издание евразийцев, 1936. – 102 с.
14. Алтынкович Е.Е. Современные концепции информационного общества: философско-антропологические основания возникновения // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 133-140.
15. Баранов В.М. Теневое право: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. – 165 с.
16. Бачило И.Л. Государство социальное или сервисное? (информационно-правовой аспект) // Право. – 2010. – № 1. – С. 3-11.
17. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
18. Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 272 с. – (Библиотека судебного конституционализма. Вып. 7).
19. Бурдье П. Дух государства // П. Бурдье Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
20. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски: Коллективная монография / Под ред. О.Н. Полухина. М.: Юрлитинформ, 2016. – 416 с/
21. Дубровин Ю.И. Новые направления современных административных реформ в ведущих странах Европейского Союза // Власть. – 2009. – № 1. – С.131-134.
22. Дюргейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. – М., Канон, 1995. – 352 с.
23. Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. – 1927. – Вып.IX.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
26. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
27. Институциональные проблемы эффективного государства / Под ред. В.В. Дементьева, Р.М. Нуреева. – Донецк: ДонНТУ, 2011. – 372 с.
28. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
29. ИТ в регионах России 2015. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // Портал об ИТ в госуправлении и бизнесе Tadviser. URL: https://drive.google.com/file/d/0BzpiIBsGLoCOd2FSc1ZPdGxTb0k/view.
30. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И.Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 607 с.
31. Коженко Я.В. Концепции «сильного» и «сервисного» государства в контексте модернизации государственного

управления в России: общее и отличное // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3. – С. 744-748.
32. Колядин А.М. Политическая элита современной России: является ли она субъектом развития? // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 70-76.
33. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 45-53.
34. Конституционная экономика / Ответ. ред. Г.А. Гаджиев. – М.: Юстицинформ, 2010. – 256 с.
35. Майдырова А.Б., Муксимов С.С. Совершенствование процесса оказания государственных услуг в Республике Казахстан. – Астана, 2015. – 211 с..
36. Мансуров Т. Евразийский проект Нурсултана Назарабаева, воплощенный в жизнь. – М.: Реал-Пресс, 2014. – 362 с.
37. Мартышин О.В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. – 2005. – № 4. – С. 9-17.
38. Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении: Монография. – М.: КДУ, 2013. – 332 с.
39. Моль Р. Энциклопедия государственных наук / Пер.: А. Попов. – М., 1868. – 599 с.
40. Нуреев Р.М. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. – М.: Таурус Альфа, 1997. – 560 с.
41. Оль П.А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ: Монография / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
42. Открытое правительство за рубежом. Правовое регулирование и практика: Монография / Отв.ред. И.Г. Тимошенко. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 210 с.
43. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография. – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.
44. Садлер Дж. Повышение качества государственных услуг: опыт Великобритании // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – № 3. – С.52-55.
45. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
46. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
47. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
48. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
49. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
50. Социокультурная антропология права: Коллективная монография / Под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 840 с.
51. Супатаев М.А. Проблемы легитимации российского права: традиции и современность // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 1. – С.22-27.
52. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). – М.: Юриспруденция, 2015. – 192 с.
53. Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995-2010 годы // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 5-19.
54. Ударцев С.Ф. Государственная служба и модернизация государственного управления: зарубежный опыт внедрения новых технологий // Правовое обеспечение государственной службы и новых механизмов управленческих решений: опыт, проблемы и тенденции. – Астана, 2010.
55. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. – Париж: УМСА Press. 1930. – 314 с.
56. Функция государства в условиях современного мира (на материалах независимого Казахстана) / Отв. ред. М.Т. Баймаханов. – Алматы: КазГЮУ, 2005. – 336 с.
57. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
58. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М., 1866. – 810 с.
59. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
60. Экимов А.И. Отечественная юридическая наука: надежды на будущее // Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 27-28 марта 2015 года. – М.: РУДН, 2015. – 565 с.

61. Ястребов О.А., Амбарцумян К.А. О концептуальных признаках категории «государственные услуги» // Теория и практика общественного развития. – 2015.- № 2. – С.44-46.
62. Kapucu N. New Public Management: Theory, ideology, and practice // In A. Farazmand & J. Pinkowski (eds.) / Handbook of globalization and public administration. New York, NY: Taylor & Francis. 2007.
63. Patrick Glenn H. Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law.
64. URL: http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan025253.pdf
65. URL: http://www.justice.govt.nz/publications/court-users/service-charter/folder_contents
66. URL: http://www.mfa.gov.sg/content/dam/mfa/images/media_center/MFA_CSC_UNDP_book
67. URL: https://docs.eaeunion.org/sites/storage1/Lists/Documents/0f8563b9-4688-44f2-9081-c2b6acf6e152/a19a6e91-ca62-4e83-b5ad-ec981dcef550.pdf

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ЛЫСОВА Галина Константиновна,
магистр юридического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: galinalysova@bk.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

СЕМЬЯ И БРАК В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Рассматриваются вопросы, связанные с определением условий и порядка заключения брака по законодательству Российской Федерации. Формулируется задача сформировать представление (систему взглядов) об условиях, препятствиях и порядке заключения брака, определить особенности данной юридической процедуры.*

Ключевые слова*: заключение брака; законодательство; Семейный кодекс Российской Федерации; семейная политика; семейно-духовные ценности.*

LYSOVA G.K.

FAMILY AND MARRIAGE IN MODERN RUSSIAN LAW: SOME REFLECTIONS ON THE RELEVANCE OF THE PROBLEM

The summary. *Issues related to the definition of the conditions and procedure for marriage under the legislation of the Russian Federation are considered. The task is formulated to form a representation (the system of views) about the conditions, obstacles and order of marriage, determine the specifics of this legal procedure.*

Key words: *marriage; legislation; Family Code of the Russian Federation; family policy; family and spiritual values*

В ст. 38 Конституции Российской Федерации провозглашено, что «семья находится под защитой государства», однако права и обязанности членов семьи, гарантированные семейной политикой государства и законом, возникают и существуют при определенных юридических фактах, одним из которых является факт заключения брака в установленном законом порядке в органах записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС).

Важным, основным и приоритетным началом семейного законодательства, согласно п.1 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), является необходимость

укрепления семьи и брака. Безусловно, что право на заключение брака и порядок его заключения имеют огромное значение не только для граждан, желающих вступить в брак, но и для общества, в целом.

Наиболее масштабные изменения предлагается реализовать в проекте Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации (далее – Концепция) [1] и Предложениях по совершенствованию семейного законодательства (далее – Предложения). Однако, предложенные в данных документах реформы, на экспертном уровне подвергнуты критике, что предопределяет необходимость их совершенствования и дальнейшей проработанности, детализации, в том числе по вопросам заключения брака.

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 (далее – Концепция государственной семейной политики), содержит положение о том, что решение поставленных в Концепции задач предполагает «пропаганду ценностей семьи… в целях формирования в обществе позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих нескольких детей или принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей».

В современном мире, когда утрачены семейно-духовные ценности, полагаем, что семейная политика в свете совершенствования правового регулирования права на создание семьи в результате заключения брака, брачно-супружеских отношений, в целом, и отношений по порядку заключению брака, в частности, должна быть основана на принципах эффективного взаимодействия государства с институтом семьи, как подчеркнуто в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, и разрешать стоящие перед обществом задачи социально-экономического и демографического развития.

Представляется, что, несмотря на существование института сожительства, все же традиционным и наиболее распространенным способом создания семьи в современном российском государстве является регистрация брака в органах ЗАГС, придание ему государственной защиты и особого правового статуса [2; 3; 5].

Поскольку брак является основой возникновения и прекращения имущественных и личных неимущественных отношений между супругами, которые порождают немало спорных и неурегулированных вопросов в правоприменительной деятельности, вопросы, связанные с возникновением брачно-супружеских правоотношений в результате официальной регистрации брака, оставались и остаются актуальными и затрагивающими интересы каждого индивида. Именно от состояния лица в зарегистрированном браке, заключенном в установленном законом порядке, зависит имущественное положение супругов, сожителей, их взаимные права и обязанности.

В научной юридической литературе вопросы, связанные с определением условий и порядка заключения брака по законодательству Российской Федерации, не получили достаточной научной проработанности.

Анализ правовой регламентации и научное осмысление института брака, в целом, нашли свое отражение в трудах следующих ученых: М.В. Антокольской, Ю.Ф. Беспалова, Е.М. Ворожейкина, Б.М. Гонгало, О.Ю. Ильиной, О.Ю. Косовой, П.В. Крашенниникова, А.Н. Левушкина, Н.В. Летовой, Л.Б. Максимович, А.В. Мыскина, Р.П. Мананковой, Л.Ю. Михеевой, А.М. Нечаевой, А.М. Рабец, В.А. Рясенцева, С.Н. Тагаевой, Н.Н. Тарусиной, А.В. Фиошина, О.А. Хазовой, С.Ю. Чашковой, Е.А. Чефрановой, Т.В. Шершень и других.

В рамках современных диссертационных работ вопросы, касающиеся брака и права на его заключение, рассматривались с разных позиций О.Г. Куриленко «Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации» [6], Н.А. Матвеевой «Институт брака в семейном праве России, Украины и Беларуси» [7], О.С. Микаелян «Условия и порядок заключения брака в законодательстве России XI-XX вв.: проблемы правового регулирования» [8]; С.А. Закировой «Правовое регулирование брачных отношений в законодательстве Российской Федерации» [4]; О.И. Рудык «Эволюция института брака в советском семейном праве (1917–1996 гг.)» [9] и других.

Очень важным является разработка совокупности теоретических положений и новое обоснование сложившихся в доктрине взглядов о системе формирования и применения условий заключения брака и определения порядка

(процедуры) его заключения в соответствии с нормами семейного законодательства Российской Федерации.

Поставленная цель предопределяет необходимость решения следующих взаимосвязанных, научно-обоснованных задач:

- определение права на заключение брака, анализ истории развития данного права и современной юридической доктрины;
- изучение основных условий заключения брака по семейному законодательству Российской Федерации;
- определение правовой природы согласия мужчины и женщины на вступление в брак как предпосылки и условия его заключения;
- разработка предложений по вопросам установления брачного возраста;
- выработка рекомендаций в отношении правового регулирования законодательно установленных препятствий к заключению брака;
- выявление практических проблем, связанных с реализацией права на заключение брака в России;
- научное обоснование и правовой анализ необходимости медицинского обследования лиц, вступающих в брак;
- правовой анализ государственной регистрации заключения брака и альтернативных ей процедур, определение последствий этих действий;
- проведение сравнительного исследования теоретических подходов, раскрывающих сущность условий и порядка заключения брака;
- выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации в исследуемой сфере права и практики его применения.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу заключения брака, выявления и определения условий и препятствий к его заключению, а также порядка (процедуры) его заключения.

Предметом исследования в соответствии с целями, задачами и методологией являются нормы ранее действовавшего и современного семейного и гражданского законодательства Российской Федерации, семейного законодательства зарубежных стран, устанавливающие условия и порядок заключения брака, правоприменительная практика, научные работы отечественных и зарубежных авторов по проблемам определения условий и порядка заключения брака в Российской Федерации.

Методологической основой научного исследования, способствующей озданию целостного теоретического представления, служит диалектический метод научного познания правовых отношений в сфере определения условий и порядка заключения брака. При исследовании можно применять и другие методы. Прежде всего, наряду с базовым общенаучным диалектическим методом познания, позволяющим определить содержание условий заключения брака, исходя из их функциональной направленности, рассмотреть проблематику формирования и применения условий и порядка заключения брака, важно использовать также общенаучные теоретические методы исследования – теоретического анализа, синтеза, аналогии, индукции, дедукции, лингвистического анализа, функциональный и структурный подходы; а также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический.

Нормативной базой исследования выступают положения международных договоров, нормы российского семейного и гражданского законодательства, а также положения семейного законодательства государств-участников СНГ и некоторых стран дальнего зарубежья.

Специальное внимание следует уделить анализу нормативных документов, определяющих стратегию государственной семейной политики Российской Федерации, прямо либо опосредованно регламентирующих правоотношения по заключению брака, отдельным правовым источникам иностранных государств, представляющим интерес для решения поставленных в работе задач.

Эмпирическую базу исследования должна составлять судебная практика: опубликованные и не опубликованные в официальных источниках за период 2007-2017 гг. (в том числе электронных ресурсах) акты судов общей юрисдикции г. Москвы, Белгородской, Московской, Липецкой, Рязанской, Ростовской, Самарской, Ульяновской, Саратовской областей и других субъектов Российской Федерации (всего важно изучить не менее 300 дел); руководящие разъяснения Пленумов Верховного Суда и

результаты обобщений, обзоры судебной практики Верховного Суда по делам, возникающих из семейно-брачных правоотношений; решения Конституционного Суда РФ; решения и постановления Европейского Суда по правам человека; опубликованные в официальных источниках статистические данные по вопросам семьи и брака Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, о работе судов общей юрисдикции и других юрисдикционных органов, а также материалы, полученные в ходе осуществления представительских функций в судах общей юрисдикции (более 100 гражданских дел).

Научная новизна исследования должна предполагать представление концептуальных основ обоснования и применения условий и порядка заключения брака, которые в своем единстве формируют целостное представление о заключении брака, условиях его совершения и препятствиях, что позволяет расширить границы семейно-правовой теории и с помощью поставленных и разрешенных теоретических проблем продолжить реформирование норм российского семейного права, направленного на совершенствование порядка заключения брака.

В результате проведенного нами исследования можно вести речь о следующих новых или содержащих элементы новизны положениях:

1. Постулировано, что осуществление лицами, желающими вступить в брак, своих субъективных прав объективно детерминирует необходимость возникновения между ними организационных семейных правоотношений, в рамках которых осуществляется государственная регистрации акта гражданского (семейного) состояния – факта законной регистрации брака, а также последующая регламентация совершаемых супругами юридически значимых действий.

Применение норм гражданского, а в отдельных случаях и административного законодательства, свидетельствует о межотраслевых связях семейного права и законодательства при регулировании порядка заключения брака в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Российское федеральное семейное законодательно на основе норм Семейного кодекса Российской Федерации, устанавливая материальные условия вступления в брак и порядок его заключения, призвано обеспечить соблюдение предусмотренных субъектами Российской Федерации особенностей в отношении применения условий и порядка заключения брака с учетом культурных, исторических, географических, национальных, религиозных и других особенностей и потребностей народов, проживающих на территории субъектов России.

Определено, что законы, принятые на уровне субъектов Российской Федерации об условиях и порядке вступления в брак лицами, не достигшими 16 летнего возраста, по сути, дублируют особые обстоятельства, закрепленные в п. 1 ст. 11 СК РФ и не учитывают национальные, религиозные, культурно-исторические традиции и иные особенности. Сами по себе факты беременности или рождения ребенка несовершеннолетней, не достигшей 16 лет, не должны рассматриваться в качестве потенциальной возможности вступления в брак до достижения брачного возраста. Такой законодательный подход способен завуалировать реальные жизненные ситуации, связанные с нарушением прав и интересов несовершеннолетних, их половой свободы. Ранние браки не способствуют укреплению семейных ценностей и при определении возможности их заключения необходимо учитывать допустимость и целесообразность возникновения такого семейно-брачного союза только исходя из соблюдения интересов несовершеннолетних лиц, желающих заключить брак, защиты их прав.

3. Нормативное урегулирование вопроса о выдаче разрешения на заключение брака лицам, не достигшим возраста 16 лет, на уровне специальных законов субъектов Российской Федерации порождает противоречия в правовом регулировании брачных отношений на территории всей России. Несмотря на то, что выдача разрешения на заключение брака несовершеннолетним лицам, желающим вступить в него, производится с целью соблюдения прав, законных интересов и правовой защиты таких лиц, считаем недопустимым установление на уровне федерального законодательства – Семейного кодекса Российской Федерации условий, при наличии которых в порядке исключения возможно вступление в брак до шестнадцатилетнего возраста.

4. Доказано, что между мужчиной и женщиной, желающими вступить в брак, еще до его заключения возникают не только социальные, но и правовые связи. Объектами таких связей являются, в основном, нематериальные блага, в частности: право на информацию о здоровье

будущего супруга; медицинская тайна, право на заключение брака, в том числе, право на подачу заявления; право на заключение соглашения о помолвке; право на выбор отдела ЗАГС для регистрации брака; право на снижение брачного возраста; иные нематериальные блага, например, в сфере нравственности – любовь, уважение, взаимная забота.

Факт подачи заявления о заключении брака характеризует первоначальное намерение лиц, подписавших его, вступить в брачно-семейные отношения и не порождает для них правовых последствий супружества, однако само заявление о регистрации брака все-таки имеет определенное юридико-правовое значение: выражает юридический поступок (юридический факт) и является элементом сложного юридического состава, предпосылкой возникновения брачно-семейного правоотношения.

Теоретическая значимость исследования условий и порядка заключения брака в российском семейном праве определяется тем, что разрабатывается подход к определению условий и порядка заключения брака в России. Предложенная система взглядов и представлений может значительно расширить полученные ранее теоретические учения об условиях и порядке заключения брака в нашей стране. Предложенные определения, теоретические понятия и выводы могут послужить доктринальной базой для дальнейших научных разработок и способствовать развитию науки семейного и гражданского права в направлении совершенствования семейного законодательства и практики применения норм в отношении заключения брака на территории Российской Федерации.

В результате проведенного комплексного исследования современного семейно-правового регулирования условий и порядка заключения брака на монографическом уровне можно сформировать представление (систему взглядов) об условиях, препятствиях и порядке заключения брака, определить особенности данной юридической процедуры.

Список литературы

1. Экспертное заключение по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.07.2014 № 132-1/2014) // СПС КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RJ&n=129293#08709224266216395
2. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
3. Бондаренко О.Г. Правовая природа и применение института брачного договора в России и за рубежом // Актуальные проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Сб. матер. межрегиональной науч-практ. конф., 20 мая 2015 г., г. Орел. / Под ред. Е.Н. Щендригина, Д.П. Майоровой. – Орел: ОрлГУ им. И.С. Тургенева, 2015. – С. 75-78. – в сб. 292 с.
4. Закирова С.А. Правовое регулирование брачных отношений в законодательстве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону: Кубанский государственный аграрный университет, 2014. – 171 с.
5. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
6. Куриленко О.Г. Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2003. – 188 с.
7. Матвеева Н.А. Институт брака в семейном праве России, Украины и Беларуси: Матвеева Н.А. Институт брака в семейном праве России, Украины и Беларуси: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005. – 181 с.
8. Микаелян О.С. Условия и порядок заключения брака в законодательстве России XI-XX вв.: проблемы правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – 174 с.
9. Рудык О.И. Эволюция института брака в советском семейном праве (1917–1996 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. – 167 с.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ЕГОРШИН Виктор Михайлович,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник МВД СССР (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: egorshin-vm@list.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ГОСУДАРСТВО И КОРРУПЦИЯ: ГЕНЕЗИС БЮРОКРАТИИ (КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ)

Аннотация. *Анализируются исторические корни формирования института коррупции в России. Приводятся меры, принимаемые в попытках искоренить коррупцию в имперской России, при Советской власти и в настоящий период. Формулируются авторские взгляды на современное состояние проблемы.*

Мнение редакции не всо всем совпадает с мнением автора.

Ключевые слова: *коррупция; чиновники; взятки; откаты; антикоррупционное законодательство.*

EGORSHIN V.M.

STATE AND CORRUPTION: THE GENESIS OF BUREAUCRACY (A SHORT DIGRESSION INTO THE HISTORY OF STATE ADMINISTRATION AND LAW ENFORCEMENT)

The summary. *The historical roots of the institution of corruption in Russia are analyzed. Measures are being taken to eradicate corruption in imperial Russia, under Soviet power and in the present period. Author's views on the current state of the problem are formulated.*

The opinion of the editorial board does not always coincide with the opinion of the author.

Key words: *corruption; officials; bribes; kickbacks; anti-corruption legislation.*

«Даров не приимет;
ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых»
Ветхий Завет Исход 23-8

Работу «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» В.И.Ленин написал в августе 1917 года, где отметил, что в самом распространенном сочинении Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и капитала» говорится, что государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть, также, «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходима сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умерила противоречие, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но стоящая над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство. В этой формулировке, говорит В.И.Ленин, с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства. Исходя из этого он дает более короткую, но емкую формулировку, говоря, что государство есть продукт и проявление НЕПРИМИРИМОСТИ классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно НЕ МОГУТ быть примирены. И наоборот, существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

То, что происходит сейчас по этому важнейшему вопросу, характеризует наше государство относительно к науке, экономике, обороне, образованию, социальной защищенности граждан и другим аспектам, характеризующим наше государственное устройство и как форму, и как внутреннее состояние отношений как содержание.

Похоже, что наши руководители различного ранга незнакомы с постулатами великих государственников и, что самое обидное, не только не изучают многовековой опыт государственного строительства, но и не хотят учиться на собственных ошибках [42].

За последние двадцать пять лет, прошедших с момента великой перестройки, выросло поколение, которое знает о сверхдержаве СССР только по рассказам родителей, дедушек и бабушек, и по учебникам. А если учесть, что за это время произошло огромное количество событий, которые современные политики интерпретируют по-разному, в основном в свою пользу, то от количества их интерпретаций по историческим событиям и безапелляционности суждений у поколения «пепси» информационная каша в голове.

К чему это может привести, можно в какой-то степени попытаться спрогнозировать, опираясь на те фактические данные, которые имеются.

Это может показаться несколько утрированным, но тем не менее, нынешнее состояние государственного устройства и соответственно управления в обществе напоминает структуру отношений автомобилистов и работников ГАИ-ГИБДД. Если коротко – прав тот, у кого больше прав. А прав больше у тех, кто с «мигалками» и охраной, кто игнорирует требования, касающиеся всех. Это категория неприкасаемых небожителей.

Практически каждое государство характеризуется наличием и состоянием экономики, сельского хозяйства, обороны, науки, преступности и социальной защищенности. Это конечно не полный перечень аспектов, характеризующих государственное устройство страны и состояние его граждан.

Чтобы говорить об особенностях нынешней России и причинах, не позволяющих ей добиться результатов СССР, следует остановиться на таких краеугольных составляющих государственной

стабильности, как чиновничество, коррупция, преступность и социальная защищенность членов общества. В свое время, как отметил Д. Миндич, кормление с должности – одна из древнейших традиций российского чиновничества, и в этом смысле современный инспектор ГИБДД недалеко ушел от приказного времени Алексея Михайловича. Однако дело не только в коррупционности чиновников, но и в специфических представлениях наших соотечественников о власти, мало изменившихся за последние четыреста лет [43].

Никто не может точно сказать, когда и кто получил на Руси первую взятку, как и назвать того, кто ее дал. Всякого рода подношения и подарки представителям власти существовали не одно столетие и не считались чем-то зазорным. При этом, чем выше был ранг подносящего, тем значительней и дороже были подарки и подношения. Конечно, размер вознаграждения зависел еще и от того, кому он предназначался. Такие подношения в далекой древности нашего государства были основным источником содержания, как сейчас бы сказали, государственных служащих. В Древней Руси на этом была построена система кормления административных чиновников. Суть системы заключалась в том, что представители центральной власти на местах не получали материального довольствия, а содержались, а точнее кормились, за счет населения на территории, которую они обслуживали. Размеры подобных поборов закреплялись документально или в силу обычаев. Поэтому говорить в то время о таком кормлении, как о взятничестве, нельзя, так как чиновник официально имел такое право [61].

Подобная система изменилась в первой половине XVI века в связи с изменением системы государственного управления, когда начал формироваться аппарат управления, которому требовались профессиональные служащие. А как только появились профессиональные чиновники, появилась и бюрократия, то есть чиновники, получающие жалование из казны. А поскольку процесс появления чиновничества был не таким уж и быстрым, то они впитали в себя и традиции, бывшие до них, в первую очередь кормление от должности. Разница между прежними госслужащими и новыми заключалась в том, что если раньше кормление происходило от территории, то теперь от должности.

К концу XVII века система взяток еще больше усовершенствовалась. Существовало три основных их вида. Наиболее часто применяемая была система оплаты за работу, которую чиновник должен был делать бесплатно, например, за оформление документов. Не менее распространенными были подарки чиновникам. Назывались они «почестями» или «поминками» и считались не подкупом, а знаком уважения к представителю власти. Третьим был способ элементарного подкупа чиновника с целью добиться положительного для подносящего результата и назывался он «посулом». Разница между двумя первыми способами подкупа чиновника и «посулом» заключалась в том, что уголовное преследование наступало только в отношении «посула». Но грань между разрешенной «почестью» и запрещенным «посулом» была очень четкой. И пойманные с «посулом» чиновники могли оправдаться тем, что они «взятков не имали, а давали им из воли (т.е. добровольно) в почесть».

Молодая российская бюрократия того времени воспринимала отказ поднести «почести» как нарушение их традиций и тем самым неуважение к власти. Чиновничество, уже втянувшись в свое обогащение, разработало систему, защищающую их право на взятку. Одним из наиболее действенных и безотказных методов была знаменитая чиновничья волокита, при которой все дела, требовавшие разрешения госорганами, должны были решаться в городах, где и находились государственные учреждения. При этом порядок рассмотрения дел требовал постоянного участия, притом личного участия просителя. С учетом того, что жизнь в городе была недешевая, а документы лежали под сукном, то проситель быстро понимал, что дешевле дать «на лапу», чем жить в городе и ждать решение на свое прошение.

Характерно, что бесконечные поборы ложились тяжелым бременем на плечи населения, но подобная система устраивала всех. Происходило подобное по той причине, что размеры «почестей» и «поминок» были общеизвестны и ко всему прочему освещены традициями. Население в лице рядовых обывателей и состоятельных граждан было уверено, что при условии проплаты определенной суммы его прошение будет рассмотрено с положительным результатом. Если возникали какие-то нестыковки и нарушения в

отлаженной системе, то воспринимались они весьма болезненно.

Поборы с населения были настолько обыденным явлением, что запрет чиновнику брать мзду приравнивался к наказанию за недобросовестную службу. Не по чину берет, говорил известный герой в знаменитом «Ревизоре». В истории есть конкретные примеры, когда царь Алексей Михайлович требовал приказным, т.е. приказчикам, работать бескорыстно, иначе бесплатно, не принимая ни «почести» ни «поминки». Но тот же Алексей Михайлович, будучи сердобольным правителем, в отдельных случаях на правление каким-то регионом посылал небогатых придворных специально для того, чтобы они смогли поправить свое финансовое положение.

Подобная должность считалась очень выгодной. Примером может служить новгородское воеводство, считавшееся богатым, на правление которым направлялись, как правило, знатные москвичи. Став воеводой, исполняя свои обязанности, они получали от населения от нескольких тысяч до десятков тысяч рублей в год, что значительно превышало их официальное жалование и доходы от своего поместья и вотчины. По навету от недоброжелателей, как они писали в Москву в 60-х годах XVII века, один из воевод скопил за несколько лет 200 тысяч рублей, столько же, сколько за это время получила казна в виде податей и повинностей от новгородцев.

Вступивший на престол Петр I ознаменовал свое правление тем, что на землю российскую начал переносить, на его взгляд, все прогрессивное, что увидел за рубежом. Его реформы были направлены на создание грамотного госаппарата, способного служить процветанию государства. Реформы касались в первую очередь искусства, науки, армии, промышленности, торговли и т.д. Он считал, что идеальное государство должно работать, как хорошо отлаженный механизм, деятельность которого регулировалась ясными, действенными и мудрыми законами. Чиновникам, в его понимании, отводилась роль винтиков, служба которых должна подчиняться достижению государственных целей. Это было, так сказать, в теории. Но гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить [23; 30].

Запретив чиновникам получать какие-либо подношения, он надеялся, что так оно и будет. Однако, за редким исключением, большинство как воровало, так и продолжало этим заниматься, не беспокоясь о расплате. Богатеи петровских времен, тем более втянутые в государственное и хозяйственное переустройство, были связаны сложной системой клановых отношений и круговой порукой. Примером может служить эпизод, когда в начале 1710 годов в злоупотреблениях были уличены несколько чиновников Мундирной канцелярии, которые за вознаграждение приняли от подрядчиков 8 тысяч пар гнилых сапог. Глава канцелярии Головин, бывший в доле с чиновниками, сумел замять скандал. Подкупленный им Сенат дело, которое было у него на расследовании, вернул для дополнительной проверки тому же Головину.

Однако наиболее крупных коррупционеров из числа «птенцов гнезда Петрова» сложно отнести к категории взяточников в полном соответствии смыслу этого слова [52]. Самый известный из них – А. Меньшиков – большую часть своего колоссального состояния скопил не за счет поборов с населения. Его уровень был гораздо выше, он был коррупционером высшего разряда, так как брал у казнокрадов рангом пониже, преступления которых и покрывал для личного блага.

Царь болезненно реагировал на подобные случаи, но практически в одиночку справиться с воровством не мог. Тот же Меньшиков несколько раз был на волосок от смерти, но вернув часть похищенного и получив по спине петровой палкой, умудрялся оставаться при должностях и званиях. Происходило это по простой причине – у царя-реформатора было слишком мало сторонников, которым он доверял, почему и приходилось прощать воровство и казнокрадство. Типичный пример кадрового голода и отсутствия скамейки запасных на госдолжности разных уровней.

Еще с большей нетерпимостью Петр I относился к мздоимцам более низкого ранга. С укоренившейся до него практикой кормления от должности он боролся, как позволяла практика его времени. Как правило, репрессивными полицейскими методами. Так, для надзора за чиновничьим аппаратом и расследования должностных преступлений было создано особое ведомство фискалов и контролеров, наделенных самыми широкими полномочиями. Но когда доходило до необходимости поручить одному чиновнику слежку или проверку в отношении другого, то

идея просто проваливалась по причине того, что фискалы были тоже людьми, которым ничто человеческое, вроде соблазна обогащения, не было чуждо. Случилось, что и должно было случиться – те, которых они, как говорится, разрабатывали, брали их в долю, так что за какие-то десять лет фискальное ведомство полностью себя скомпрометировало и было распущено.

Петр I, поднявший Россию на «дыбы», прорубивший «окно в Европу», построивший флот и армию, проиграл полностью противодействие чиновникам. Взятки оказались сильней.

После императора практика взятничества претерпела изменения. Петровские преобразования привели с одной стороны к непомерному увеличению и разрастанию бюрократического аппарата, с другой к изменению социального образа казнокрада и взяточника. Среди чиновников появилось много новых людей, которые уже не придерживались традиций, порожденных их предшественниками, отношения которых раньше регулировались между ними и простым народом лучше, чем законами. Чиновники превратились в касту. Система поборов теперь стала более жесткой и циничной, так как теперь она регулировалась не обычаями и законами, а руководствовалась усмотрением и решением конкретного представителя власти. Начатое Петром так и не успевшее прижиться было практически утрачено уже при Екатерине I. Причиной столь резкой трансформации послужило банальное недофинансирование бюрократического аппарата. По этой причине низшее чиновничье сословие было вообще оставлено без жалования. Вместо этого им на официальном уровне было разрешено брать плату (так называемые акциденции) за ведение делопроизводства, никоим образом, не регламентируя суммы этих акциденций.

Позднее от этого новшества отказались, как от ретроградского, но так как жалование чиновников оставалось мизерным, взяточничество продолжало процветать. Происходило подобное по самой простой причине, так как низшее звено чиновничьей лестницы находилось в непосредственном взаимоотношении с населением. Поборы в виде взятки «натурой» назывались «деревенской» или «Аркадской», были распространены в повседневной жизни среди чиновников средней и низшей ступени.

Новым видом взятки, ранее не существовавшей, стала так называемая промышленная взятка, которую брали судейские чиновники, как правило, за гражданские дела. Если в суде оспаривалось завещание, то чиновник мог решить судебную тяжбу в любую сторону за треть завещанной стоимости имущества. В случае оспаривания сделки купли-продажи судейский гарантировано мог рассчитывать на десятую долю от спорной суммы.

Существовали и совершенно изуверские виды взяток, например, «капканная» применялась по отношению к обвиняемым по уголовным делам, то есть к лицам, прочно сидевшим на крючке у чиновников. При этом, несмотря на то, что виновность мог определить только суд, чиновников совершенно не интересовало, виновен человек или нет. Судейские специалисты в первую очередь выясняли платежеспособность клиента, а потом доводили его порой до полного разорения.

Следующий вид вымогательства средств путем взятки назывался «мертвая» или «удавка», заключался в расправе судейских по сфабрикованным делам, в результате чего собственник банкротился, но и «заказчик» тоже раскошеливался за развод. Появившиеся в наше время оборотни, оказывается, имеют исторические корни.

Анализируя, в какой форме принимались подношения и взятки за рассматриваемый период, следует обратиться к истории вопроса. Как незаконное, но очень приятное для получателя дело взятка, в процессе ее получения, получала различные названия. Так, в допетровской России распространенными подношениями были различные виды пирогов, поэтому взятки, даже денежные, называли – «пирожок». Порой подобный «пирожок» мог стоить как хорошее имение. Однако наиболее специфичный народный фольклор расцвел после Петровских реформ. Чего стоят, например, такие названия, как «подсунуть барашка в бумажке», «дать умыться с серебра», «сунуть под хвост», «вставить серебряный глазок». Чиновник, желавший получить взятку, просил «одолжить ножичек починить перышко».

Статистики взяточничества в XVIII-XIX веках, как таковой, не было, поэтому размеры явления оценить сложно. Можно сказать только то, что подобное положение в обществе было как бы обыденным явлением. Оно вызывало двоякое отношение и постоянные критические

замечания, несмотря на то, что взятки как явление были понятны всем и привычны. На этом фоне чиновник, бравший по совести и по чину, считался честным человеком. Не бравший – считался как бы юродивым или прокаженным.

У чиновников высокого уровня и сановных особ взяточничество считалось, как ни странно, чем-то унизительным, присущим простолюдинам. Их богатство складывалось в основном за счет фаворизма и безудержного казнокрадства. Среди них были особо знаменитые личности. К примеру, в царствование Екатерины II сенатор Р.Воронцов, отец первой женщины-Президента Академии наук Е.Дашковой, был известен непомерной жадностью и не брезговал никакими поборами, даже мелочными. По этому поводу Императрица называла его «Роман – большой карман», а чтобы ославить и подчеркнуть его жадность перед двором, подарила ему большой кошелек.

В реестре взяточников губернаторы занимали особое место, так как брали не только много, а очень много, особенно служившие в Сибири и на Дальнем Востоке. Далекая от царского двора Сибирь была как бы создана для взяточничества. Само положение региона способствовало этому – богатейший край и бесконтрольный со стороны, как бы сейчас сказали, центра. Уже первый сибирский губернатор князь М. Гагарин прославился такими поборами местного населения, что императору пришлось его повесить, несмотря на аристократическое происхождение и высокий пост. Решатся ли наши власти на подобный шаг? Не похоже. Пока губернаторы гибнут не по воле закона, а в дорожных происшествиях или разборках.

Поэтому эпизод с Гагариным, наверное, единичный в истории, так как на протяжении XVIII века редкий сибирский губернатор не находился под следствием, но в конце концов Фемида была бессильна. Примером может быть И.Пестель, отец декабриста, генерал-губернатор Сибири в царствование Александра I, затмивший своими деяниями всех своих коллег. Несмотря на то, что его злоупотребления были общеизвестны, хорошие связи при дворе были сильнее закона. При этом после ухода в отставку ему была высказана высочайшая благодарность за отличное исполнение своих обязанностей. Теперь понятно, с кого берет пример нынешняя история.

Пестель своей должностью и приближенностью ко двору оставил после себя достойных преемников, которые сделали из этих постулатов соответствующие выводы, используемые и сейчас нашими чиновниками. Так, назначенный по протекции Пестеля иркутский губернатор Троскин сам взяток не брал. Это делала его жена, прозванная в народе Трощихой. Губернаторша не просто брала взятки. Делала она это для достижения благородной цели. Они поклялась собрать по пуду ассигнаций на каждого из своих детей, которых у нее было семеро. Следует отметить, что свою мечту она осуществила. Семь пудов ассигнациями были вывезены в Европу в замороженных осетрах.

Из известных самый грандиозный коррупционный скандал произошел во второй половине XIX века из-за поставок хлеба в армию. Начался он вроде с незначительного на первый взгляд события. В 1874 году сгорела мельница, принадлежавшая коммерц-советнику И.Овсянникову, миллионеру, скопившему состояние на поставках продовольствия для военного министерства. Прокуратура заподозрила его в умышленном поджоге с целью сокрытия финансовых махинаций. Изюминка заключалась в том, что к этому моменту Овсянников проходил фигурантом 15 уголовных дел, в скором времени прекращенных с одной и той же формулировкой – за недоказанностью. Но, как говорят, и на старуху бывает проруха. Дело о поджоге мельницы коммерц-советника попало к дотошному следователю, который, несмотря на статус и чины подозреваемого, осмелился и провел дома у него обыск. Результат фантастический. Горе-миллионер хранил по месту жительства списки конкретных чиновников военного ведомства, получавших откат от предоставления выгодных подрядов.

Несколько сот лет из истории вопроса о взяточничестве в России и их самый беглый обзор, еще без описания других лет России, СССР и опять России, наводят на грустные мысли. Складывается впечатление, что кормление от должности у нас постоянно и неизбежно, как закон всемирного тяготения. Законодательство во все времена нашей истории грозило различным чиновникам, в том числе неправым судейским или продажным правоохранителям, всевозможными и самыми суровыми карами. Однако в нашей истории как при Алексее Михайловиче брали, так и сейчас берут. И дело здесь не только в несовершенном законодательстве, которое в

настоящее время в этой части торпедируется депутатами и сенаторами, или низких зарплатах чиновников, особенно низшего и среднего звена, как наиболее значимой их части. Корни проблемы взяточничества и казнокрадства лежат в отношении человека, в том числе и нашего российского, к власти, которое воспитывалось этой же властью на протяжении столетий.

До настоящего времени представление о власти в лице государства, что бы она не обещала, как о механизме, обслуживающим общество, у нас так и не сложилось. Обыватель привык видеть госвласть в двух ипостасях, в зависимости от исторического периода. Или это был недостижимый царь (барин, Генсек, президент), или инспектор ДПС. Бог высоко, царь далеко, а инспектор и ему подобные чиновники близко, и с ними легко выстроить личные неформальные отношения. Чиновник или тот же инспектор ДПС берет, но если правильно попросить, то он, как отец родной, в обиду не даст и поможет.

Н. Гоголь, сказавший знаменитые слова о двух бедах России, дураках и дорогах, не упомянул о третьей беде, которая сопутствует России с незапамятных времен до наших дней. Складывается впечатление, что эта болезнь неизлечима. В разные периоды она доставляла то большее, то меньшее беспокойство государственному организму, не раз подводила его к критическому состоянию, но, несмотря на многообразные способы лечения, никогда не исчезала полностью.

Так и последующие правители государства российского, кроме всех проблем и достижений своих предшественников, принимали непобедимую коррупцию.

Павел I, несмотря на небольшой срок управления государством, в истории запомнился тем, что перенимал в армейской составляющей все зарубежное, в частности прусское, начиная от мундиров по их образцу и париков до палочных наказаний виновных. Однако следует быть справедливыми – Павел пытался в той же армии провести меры направленные на ее оздоровление. Он стремился ввести в войсках дух справедливого отличия и наказания. Так, офицеров отдавали под суд в два раза чаще, чем рядовых, и очень многих за казнокрадство. Хотя с другой стороны, что могли стащить рядовые. В наше время другое дело…

Александр I, победив Наполеона, будем считать так, приструнить коррупцию в своем отечестве не смог. Она оказалась значительно сильнее корсиканца. Складывалась ситуация, при которой язва казнокрадства, если брать от императоров, то есть от Петра I, который очень успешно боролся с этим негативом, переходила как бы по наследству от одного монарха к другому.

Нельзя сказать, что каждый из них не принимал мер или принимал явно недостаточно. Принимали. В родном Отечестве постоянно кого-то уличали, затем жестоко наказывали, но само явление носило массовый характер и было непобедимо до такой степени, что правители дивились такому чуду. Так в качестве притчи можно привести пример, когда во время Крымской войны вскрылись жуткие хищения при снабжении армии боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Возмущенный выявленным император Николай I в разговоре с наследником заметил: «Сашка! Мне кажется, что во всей России не воруем только ты да я».

Обеспокоенный тем, что происходит и чтобы узнать есть ли в России честные чиновники, Николай I поручил Третьему охранному отделению выяснить, кто из 56 губернаторов в Российской империи не берет взяток. Доклад «охранки» был неутешительный. Из всех губернаторов не брали взятки только двое. Киевский губернатор Фунуклей и ковенский Радищев. Было над чем задуматься. Объяснение подобному феномену царь нашел в том, что Фунуклей не берет по той причине, что владеет такими богатствами, что подношений ему не требуется. Честность автора бессмертного произведения «Путешествие из Петербурга в Москву», актуального и сегодня, сочли просто чудачеством, если говорить мягко, объяснив подобное тем, что автор крамольных статей, по меркам того времени, не может быть нормальным, если отказывается от взяток. О Функулее следует упомянуть еще раз в связи с тем, что отказываясь от подношений, он весьма лояльно относился к взяткам для полицейских чинов, полагая, что если им не будут помогать деньгами просители разного уровня, то недостающие для нормального существования средства они найдут, вернее, получат, от преступников. Молодец, его бы в наше время. Но это в качестве лирики, а если конкретно, то во время правления Николая I

самым коррупционным скандалом его эпохи стало дело тайного советника А.Политковского, директора канцелярии Комитета 18 августа 1814 года (Инвалидного Комитета, где Политковский сформировал, вернее, сфабриковал, несколько личных дел на вымышленных инвалидов. Дело было поставлено так, будто бы они лечились за казенный счет, после чего отбывали по месту жительства в какой-нибудь Мухосранск).

В середине XIX века русская армия вела активные боевые действия на Кавказе. В списки раненых солдат и офицеров мошенники вписывали «мертвые души», которые якобы лечились, становились инвалидами и ехали в отпуск домой. За такие «мертвые души» живые деньги получали Политковский с сотоварищами. Как и всегда, жуликов сгубила жадность. Они обнаглели до того, что деньги из кассы брали авансом еще до того, как липовые ранения были оформлены надлежащим образом, а деньги поступили на счета Инвалидного Комитета из казны. Была выявлена недостача, которую мошенники из алчности не погасили, и афера стала явной. Председатель судебной комиссии генерал-фельдмаршал Паскевич в ходе судебных слушаний признал растрату в 1 200 000 рублей серебром. Осуждены были только помощники, так как сам Политковский умер.

Характерно в этом эпизоде то, что подобным казнокрадством ни в то, ни в наше время тем более трудно кого-либо удивить. То, что произошло после суда над шайкой Политковского, поразило многих, если не всю Россию. Камергер Яковлев из личных средств сделал два пожертвования Инвалидному Комитету по 500 000 рублей серебром каждое, восполнив тем самым потери Комитета от ущерба, причиненного Политковским.

Другая громкая история времен Николая I – дело петербургского обер-полицмейстера Кокошкина, которому царь неоднократно выказывал неудовольствие от работы, о чем говорил министру внутренних дел Л. Перовскому. Министр, в свою очередь, разработав целую систему по улучшению работы подконтрольного ему ведомства, настаивал, что перелом произойдет в том случае, если от должности будет отстранен Кокошкин, поскольку он «сильно берет взятки» [50, стр. 96-105].

Царь не уволил Кокошкина, объясняя, что он спит спокойно, если у полиции города есть Кокошкин. Однако, сколько веревочка не вьется, но Кокошкин был все-таки уволен, однако только после того, как в Петербургской управе благочиния были вскрыты хищения на 150 000 рублей. Но царь не оставил своего любимца и своей милостью проштрафившегося полицмейстера назначил сенатором. Как все знакомо…

Продолжая бороться с мздоимцами, Николай I решил, что интеллигент взяток не должен брать, и назначил министром графа Л. Перовского, который решительно начал борьбу с коррупцией. Для начала он организовал проверку надворного суда в Петербурге. То, что проверяющие ревизоры там накопали, было в принципе приговором, так как в заключении по проверке говорилось, что чиновники суда занимаются только теми делами, по которым с заинтересованных лиц можно получить мзду, а прочие дела по гражданскому и уголовному судопроизводству свалены в кучу вокруг канцелярских столов и работы по ним в течение многих лет не проводилось и не проводится.

На заключении Николай I, начертав «Неслыханный срам! Беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем не извинительна», уволил петербургского генерал-губернатора графа Эссена.

Перовский запомнился своим современникам не только проверкой надворного суда, а тем, что он не раз выступал против коррупции. Так, пытаясь, навести порядок в торговле, он в 1842 году создал специальную торговую полицию, прообраз БХСС – ОБЭП, в обязанность которой входил контроль за ценами, санитарией, клеймением весов и мер, а главное – недопущение обмана, обмеров и обвесов в торговле. Новая служба состояла из гласных городской Думы, выделяемых на один месяц, и торговых смотрителей, выбиравшихся ежегодно купечеством. Торговая полиция была серьезной организацией того времени и наделена соответствующими полномочиями. В них входило, например, наложение штрафа за первое нарушение торговли на продавца в 30 рублей, а за второе – 60 рублей. После третьего – закрытие торгового заведения и конфискация половины незаконно проданного или перекупленного товара. Также, по требованию членов торговой полиции, уличенный в обмане торговец был обязан возвратить обманутому им покупателю сумму, втрое больше полученной с него.

Но не бывает дыма без огня. Дело в том, что штатные полицейские в силу служебных обязанностей должны были всемерно помогать торговой полиции. На деле же происходило обратное. Низовой состав полиции, говоря современным языком, нередко «крышевал» недобросовестных торговых работников. А поэтому активность проверяющих из торговой полиции воспринималась настоящими полицейскими как желание отнять у них, хотя и противозаконный, кусок хлеба. Со временем чиновники торговой полиции тоже стали грешить. И как результат – доклад знаменитого начальника Третьего отделения собственной Его Величества канцелярии графа Бенкендорфа, в котором он, в частности, сообщал царю, что чины введенной Петровским торговой полиции «пользуясь доверием начальства, извлекают из своей должности большие для себя выгоды. Таким образом, и сила полиции потрясена, а польза от этих нововведений не всегда оправдалась». После этого доклада или по какой другой причине, но торговая полиция вскоре была расформирована.

Говоря о правоохранительной системе, следует отдельно отметить полицию. В те годы мздоимство полицейских чинов в виде праздничных подношений в форме подарка было как бы фактически узаконено. Принимались различные меры, чтобы искоренить этот порядок. В частности обер-полицмейстер Санкт-Петербурга Власовский пытался отучить своих подчиненных от привычки принимать подарки путем совершенно секретного циркуляра, в котором в частности говорилось: «Ввиду наступления праздников Рождества Христова и Нового года обеспечить безусловное выполнение о неприятии от жителей, каких бы то ни было, подарков по службе под опасением немедленного выполнения от занимаемых должностей».

Не от хорошей жизни приходилось рассылать подобные депеши, потому как мздоимство того времени имело вполне объяснимые причины.

Если при Екатерине II жалование чиновников можно было назвать вполне достойным, то со временем оно съеживалось и девальвировалось, говоря современным языком, как шагреневая кожа. В первую очередь подобное происходило потому что в XIX веке чиновники получали зарплату ассигнациями. Но если во времена Екатерины покупательная способность серебряных и бумажных денег была практически сопоставимой, то разница со временем стала только увеличиваться больше и больше. К примеру, столоначальник Пермского горного правления получал в год 600 рублей ассигнациями, что было эквивалентно 438 серебряным рублям. В 1829 году жалование выросло до 1200 рублей, которые соответствовали 320 рублям серебром.

Следует также учесть, говоря о полиции, что оклады полицейских даже по тем временам были мизерными. Так оклад квартального надзирателя, по-современному участкового, составлял не более 50 рублей, из которых еще производились выплаты. Помощник околоточного получал 28 рублей.

Понимая, что на такое жалование семью не прокормить, дачу и машину не купить, детей в Лондон на учебу не отправить, начальство сквозь пальцы смотрело на «шалости» подчиненных. Побочные доходы, ко всему прочему, зависели от участка. Это был своеобразный рычаг управления в руках руководства, которое в качестве поощрения или наказания могло перевести сотрудника с одного участка на другой. В частности, в Москве было около 70 кварталов, и соответственно каждый квартальный надзиратель заранее знал, на каком из них он может рассчитывать на что-то. Чтобы было понятно, следует пояснить, что доходность квартала зависела от количества торговых и промышленных заведений, находившихся там, и колебалась от 2 000 до 40 000 рублей в год.

Видимо, поняв всю бесполезность противодействия коррупции, следующий правитель России Александр I только сетовал на казнокрадство, а каких-то решительных и целенаправленных мер для его устранения не предпринимал. Его заботили другие реформы, в частности, отмена крепостного права, что способствовало еще большей безнаказанности чиновников.

Так, чтобы получить разрешение на открытие предприятия, необходимо было обратиться в Министерство внутренних дел, где желающему стать предпринимателем, не мудрствуя лукаво, выдавали список лиц и сумм, чтобы «позолотить ручку».

В 1864 году в России были утверждены основные акты судебной реформы [4; 35; 37; 41; 51; 76; 80], в результате которой появилась новая фигура судебного процесса – присяжный поверенный, он же адвокат. Помогать судейским

теперь стали выборные присяжные поверенные, которые были, как говорится, плоть от плоти народной. Того самого российского народа, который испокон веков нес чиновнику подношения в различных, как уже говорилось ранее, формах. Того самого народа, в котором на генном уровне закрепилось терпимое отношение к чиновным ворам и взяточникам. Видимо, поэтому у присяжных рука не поднималась осуждать тех, кто их обкрадывал. Видимо этим обстоятельством были обусловлены судебные победы знаменитого адвоката Ф. Плевако и других его коллег, защищавших расхитителей, растратчиков и взяточников.

В этом плане характерен пример, когда Плевако поспорил с миллионером С.Морозовым о том, что сможет выиграть за одну минуту судебный процесс, в котором он должен был защищать священнослужителя, уличенного в растрате казенных денег.

Как поведал О.Логинов, речь Плевако в суде была, как блистательной, так и краткой, в срок, который он оговорил в споре. «Уважаемые господа судьи и присяжные заседатели. Уважаемый народ православный! Конечно, поступок батюшки нехорош», – сказал он. Но взглянем на дело по-людски, по-христиански. Ведь почти тридцать лет он молится за нас и отпускает нам грехи. Так отпустим и мы ему один грех, люди русские!». Пари Плевако выиграл, суд присяжных оправдал священника [40].

Видимо все дело в загадочной русской душе, в которой порой и преступления вызывают не возмущение, а совсем другие чувства. Мошенник Хлестаков и мздоимец городничий в «Ревизоре» Н. Гоголя вызывают смех, а убийство старухи ростовщицы у Достоевского – сочувствие к убийце Раскольникову. Видимо поэтому в некоторых кабинетах оперативников по раскрытию экономических преступлений висит портрет Ф.М. Достоевского, а его творчество тщательно изучают не только филологи, но и современные ученые-юристы [26; 27; 28; 64]. Возможно, только в России перо писателя обладает столь волшебной силой. И продолжая экскурс в литературу нельзя не упомянуть книгу Э. Перцова «Искусство брать взятки», пользовавшуюся в XIX веке особой популярностью у читателей всех сословий [53]. В этом сатирическом исследовании содержалась подробная классификация взяток. Подарки, сюрпризы, обеды, вещи, словно забытые нечаянно, и, конечно, деньги – предпочтительно ассигнации, потому что они «переходят из рук в руки без шума и стука». Есть в книге и очень полезные советы, например, «Возьмите от того, кто дает больше, а прочих с шумом и гневом проводите за дверь».

Нечто похожее происходило и в годы революционных потрясений XX века. Так, например, М.Горький активно участвовал в компании по освобождению из-под ареста легендарного Камо (Тер-Петросяна) и других революционеров, обвиняемых в экспроприации 250 000 рублей из Тифлисского банка. Вроде бы благое дело, но никто из прогрессивной общественности того времени не принял во внимание то, что при операции погибли два городовых, три казака и ранены 16 случайных прохожих. В то же время арест боевика назвали политическим произволом. В результате все арестованные по делу были выпущены на волю.

Однако более серьезной предпосылкой революций 1917 года, как февральской, так и октябрьской, стала неспособность власти справиться с коррупцией, которая, несмотря на подвижки в промышленности, науке, сельском хозяйстве и других отраслях, все сильнее разъедала власть, делая ее слабой и бессильной.

Наглядным примером тому служит так называемое правление Распутина, ознаменовавшееся тем, что малограмотный мужик раздавал должности столичным генералам. Доходило до того, что премьер-министр России Трепов, чтобы снять с должности Министра внутренних дел Протопопова [50, стр. 345-353], предлагал Распутину взятку в форме дома в Петербурге, оплату всех расходов, телохранителей и 100 000 рублей наличными. Но Распутин от взятки отказался, власть важнее и весомей денег. Зато ближайшее окружение Распутина дышало совсем не ровно и, пользуясь близостью к нему, с легкостью приумножало свои капиталы.

Следует особо отметить тот факт, что незадолго до революции журнал «Русский мир» поместил большую статью, посвященную русскому взяточничеству. Если не знать время публикации статьи, то можно подумать, что какой-то провидец описывал сегодняшнее настоящее. «Нескончаемой вереницей тянутся сенаторские ревизии за ревизиями, идут газетные разоблачения за разоблачениями. И всюду встает одна

и та же, лишь в деталях разнящаяся, картина».

Воистину «от хладных финских скал до пламенной Колхиды сенаторские ревизии и газетные разоблачения открывают обширные гнезда крупных, тучных, насосавшихся денег, взяточников, а около них кружатся вереницы взяточников более мелких, более скромных, более тощих.

Около каждого казенного сундука, на который упадет испытующий взгляд ревизора, оказывается жадная толпа взяткодавцев и взяткополучателей, и крышка этого сундука гостеприимно раскрывается перед людьми, сумевшими в соответствующий момент дать соответствующему человеку соответствующую взятку.

Сейчас за взяточничество взялись весьма основательно. За границей уже успела образоваться новая колония своеобразных эмигрантов – бывших взяточников».

В дальнейшем, когда мы подойдем к дням сегодняшним, сравним, насколько был прав прорицатель сто лет назад.

Вместе с тем разложение общества и деградация власти в годы правления Николая II были настолько очевидны, что свержение самодержавия, в котором виделся источник всех бед, казалось лучшим выходом. Но как показало время, к победе над коррупцией победа над самодержавием не имела никакого отношения.

Период с февраля до октября 1917 года оставим в покое, так как ничего интересного для нас в нем не было, так как политические деятели того времени больше красовались друг перед другом и сводили счеты между собой. Но большевики во главе с В.Лениным, взяв власть, стали наводить железной рукой революционный порядок.

Уже на третий день после свержения Временного правительства была создана рабоче-крестьянская милиция, а 20 декабря 1917 года подписан Декрет о Всероссийской чрезвычайной комиссии. В ЧК были образованы отделы по борьбе со спекуляцией и по борьбе с преступлениями в государственном аппарате, превышением власти и взяточничеством.

Обстановка была далеко не простая, как в политике, так и в экономике и госустройстве. Заводы стояли, до 70% хлеба добывалось у спекулянтов. Органы власти формировались без системы, партий было больше, чем надо, в чиновники рвались люди далеко не из лучших представителей партий, различные авантюристы, целью которых было обогащение и карьера. Пока время было мутное, нового ничего не предвиделось, по крайней мере на ниве взяточничества, так как новые чиновники были той же плотью от плоти русского народа. Уже 2 марта 1918 года Московский революционный трибунал осудил четырех сотрудников следственной комиссии, обвинявшихся во взяточничестве и шантаже, приговорив их к шести месяцам тюремного заключения.

Узнав об этом, председатель Совнаркома В. Ленин, как профессиональный юрист, распорядился пересмотреть дело в связи с легкостью приговора. Во второй раз трое из них получили по 10 лет лишения свободы. Видимо, мягкость и снисходительность к взяточникам со стороны ревтрибунала настолько задели Ленина, что 8 мая 1918 года по его указанию Совнарком издал декрет о взяточничестве, в котором в частности говорилось: «Должностное лицо Советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профсоюзов и т.п. учреждений или служащие в таковых, виновные в принятии взяток, наказываются до пяти лет лишения свободы».

Вот пример демократии и равенства всех перед законом, если субъектами права на одном уровне были члены правительства и члены домовых комитетов.

Дальше – больше. Уже 1 июля 1921 года на свет появился декрет ВЦИК и СНК РСФСР о мерах по борьбе с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями способствующими хищениям. В Декрете говорилось, что к должностным лицам, способствующим хищениям, при наличии отягчающих обстоятельств, таких как неоднократность, массовый характер хищений, ответственность по занимаемой должности, может приниматься высшая мера наказания – смертная казнь.

В 1922 году по настоянию Ленина, понимавшего, что бороться с взяточничеством надо бескомпромиссно, смертная казнь за взятку была внесена в первый Уголовный кодекс Российской Федерации. Как в давние петровские времена, за взятку стали лишать жизни, но похоже, что даже это не научило коррупционеров. В том же году отделением по борьбе с должностными преступлениями ОУР НКВД РСФСР было выявлено

более 3000 фактов взяточничества. А при НЭПе коррупция приобрела угрожающие размеры. Так, Ленин в письме своему заместителю Л.Каменеву писал, что иностранцы теперь взятками покупают наших чиновников и вывозят остатки России. Руководитель ВЧК Ф.Дзержинский высказался еще более пессимистично, что если советская власть не справится с взяткой, то взятка советскую власть доконает.

Поэтому ответ взяточникам был в полном соответствии с духом времени и актуальностью проблемы. Взяточников к стенке ставили безжалостно, не принимая во внимание прошлые заслуги. Например, в мае 1924 года Верховный суд рассмотрел дело по обвинению во взяточничестве 42 следователей и судей Ленинградского губернского суда, из которых 17 приговорили к высшей мере социальной защиты – расстрелу.

Вообще в годы НЭПа было немало громких коррупционных скандалов и судебных процессов. По ленинградскому торговому порту, по хлебному отделу Госбанка, по наркомату путей сообщения и ряду других, которые заканчивались расстрельными приговорами.

Меры, хоть и жестокие, оправдали себя. Коррупционная волна пошла на спад. Видимо в связи с этим, в 1927 году смертная казнь за должностные преступления была отменена.

Однако в целом положение с взяточничеством не было побеждено. Расцветшее и укоренившееся в годы новой экономической политики явление, переориентировавшись в обстановке, ушло в тень. Похоже, что послабление наказания было продиктовано, скорее всего, идеологическими факторами, так как коррупция, как и некоторые другие явления – набожность, безграмотность – считалась пережитком царизма, которому в развивающемся социалистическом государстве не место.

Как продолжение государственной политики построения бесклассового общества, все негативное, что было из прошлого, считалось пережитком, достойным порицания. Так в соответствии с новой идеологией, в 1929 году взяткой стал считаться популярный на селе магарыч, без которого нельзя было обойтись ни в постройке дома, ни в сватовстве, ни в похоронах, ни в прочих житейских ситуациях, тем более на селе. В разгар компании по раскулачиванию пленум Верховного суда определил: «Все случаи получения должностными лицами магарыча, то есть всякого рода угощений, в каком бы то ни было виде, подлежат квалификации, как получение взятки».

Следует признать, что советское государство пошло дальше своих предшественников в отношении чиновников высшего ранга. Партийная система изобрела удивительно эффективный механизм сокращения коррумпированности чиновников. Крупным чиновникам, так называемым номенклатурным работникам, создали такие условия, что брать взятки просто не стало надобности. Для этого были созданы спецбуфеты, спецобслуживание, спецмедицина, спецкурорты, спецдачи и много других «спец». Но жизнь есть жизнь и всегда хочется чего-то такого, что не входит в категорию «спец». Чтобы соблазнов не было, были созданы системы ограничений и в первую очередь контроля. Информация о нескромном чиновнике, живущем не по средствам, очень быстро проходила все ступени доклада, вплоть до высших партийных органов. Сажать не сажали, переводили на другую работу или могли отлучить от «кормушки».

Социалистическая экономика того времени, плановая и строго регламентированная, тем не менее не была застрахована от хищений и махинаций. Видимо в связи с этим в 1937 году, когда велись тотальные чистки на всех уровнях и среди всех ведомств, в системе органов внутренних дел были созданы подразделения по борьбе с хищениями социалистической собственности. И скоро сотрудники БХСС доказали право на свое существование, подтверждая, что не даром едят свой хлеб. В 1939 году было выявлено 268 организованных преступных групп расхитителей, в результате к уголовной ответственности было привлечено 1886 преступников. В последующем эти показатели удвоились. Было выявлено 538 группировок, на скамье подсудимых оказалось 3573 расхитителя.

Но взяточников среди расхитителей и прочих нарушителей преступлений против экономики и управления было очень мало, из чего можно предположить, что в связи с проведенной в 1937 году и продолжающимися чистками, в основном среди руководителей, масштабы коррупции в СССР были небольшими. Данные статистики свидетельствуют, что основными статьями того времени, по которым судили номенклатуру, были измена Родине, подготовка покушений на товарища Сталина и шпионаж в пользу всех разведок.

В годы Великой Отечественной войны произошел всплеск экономической преступности [17; 38; 48; 49; 62; 68], что вполне объяснимо, так количество чиновников, особенно в оборонных наркоматах, возросло значительно, чтобы не быть в рядах действующей армии. После войны вал экономической преступности удалось сбить по разным причинам [16; 67] и казалось еще немного, еще чуть-чуть – и жизнь станет прекрасной и удивительной, так как если победили Гитлера, то с воровством, спекуляцией и общеуголовной преступностью покончим тем более. Но оказалось, что победить человеческую напасть, имевшую столетнюю историю, не так-то просто.

Тем не менее следует сказать, что во времена так называемого тоталитаризма появились отдельные индивидуумы, о которых нелишне вспомнить и сейчас. Одним из самых ярких аферистов довоенного и послевоенного времени был Н. Павленко.

Для сталинской эпохи это был феномен. Начало Великой Отечественной войны он встретил воентехником первого ранга, капитаном. В то время, когда все рвались, как нам говорили, на фронт, Павленко старался оказаться подальше от передовой и как можно подольше. Он не прятался по подвалам или чердакам у родственников, а развил необыкновенную бурную деятельность.

С помощью обмана и взяток Павленко создал в тылу собственную военную часть «Участок военно-строительных работ Калининского фронта» (УВСР-5). На бланке со штампом «УВСР-5» подготовил письма в военную комендатуру и добился, чтобы ему направляли в часть отставших от воинских частей или после выписки из госпиталя военнослужащих. Вскоре воинское подразделение трудилось в поте лица, выполняя дорожно-строительные работы по подрядным договорам с различными организациями.

Пока шла война и бойцы Красной армии ковали победу над врагом, Павленко не щадя живота своего ковал деньги. Следуя за наступающими войсками, его часть прошла Польшу и закончила «боевой путь» под Берлином, где строители занялись банальным и откровенным грабежом местного населения. Чтобы вывезти награбленное, которого было немало, Павленко с помощью взяток установил хорошие отношения с военпредами Управления вещевого и обозного снабжения Министерства обороны СССР и представителями военной прокуратуры. В результате подобной бурной деятельности он получил в свое распоряжение целый железнодорожный состав из 30 вагонов.

На родину шабашники от армии возвращались с более, чем богатой добычей – 10 грузовиков, пять тракторов, несколько легковушек, десятки голов домашнего скота и много чего другого. В качестве морального поощрения Павленко сумел выбить для своих подчиненных 230 орденов и медалей. В то же время более 200 генералов, не принимавших участие в боевых действиях, за всю войну не получили ни одной медали, не говоря уж об орденах [19].

Наградив наиболее отличившихся бойцов, командир не забыл самого себя любимого. Его грудь украшали ордена Отечественной войны первой и второй степеней, орден Боевого Красного Знамени, орден Красной Звезды и несколько медалей.

Возвратившись на родину и сворачивая свою мошенническую деятельность в армии,, Павленко уже фронтовиком-орденоносцем развернулся еще в больших объемах на восстановлении разрушенного народного хозяйства. Как бы то ни было, но в атмосфере всеобщего контроля и подозрительности его липовое Управление военного строительства с 1948 по 1952 год заключило по фиктивным документам 64 подрядных договора на сумму свыше 38 млн. рублей. Сумма по тем временам огромная. Теперь Павленко был уже инженер-полковником и, стоя на праздничных трибунах, махал демонстрантам ручкой рядом с руководителями области.

Но органы тем временем не дремали и система, хоть и поздно, но оказалась сильнее мошенника. В 1952 году Павленко был арестован и по приговору суда расстрелян.

Начатое Сталиным всевластие партии большевиков в довоенное время, а особенно после «дела Тухачевского» привело к тому, что партийная номенклатура стала фактически неприкасаемой, поскольку контролировала силовые структуры по партийной линии. Самое страшное, что могло произойти с партийным коррупционером – это отстранение от номенклатурной кормушки и исключение из партии.

Без одобрения партийного руководства соответствующего уровня, сотрудники право-

охранительных органов не могли возбудить уголовное дело не то что на крупного руководителя, а даже на его приближенных. Например, руководству УБХСС Свердловской области пришлось получать разрешение у первого секретаря обкома Б.Ельцина на привлечение к уголовной ответственности его водителя и… секретарши.

Легкая промышленность, которая в силу различных причин плелась за тяжелой промышленностью, закономерно давала сбои. Она не успевала ни по качеству, ни по моде за зарубежными аналогами. Поскольку природа не терпит пустоты, то образовавшуюся нишу заполнила продукция цеховиков, пробивавшихся на рынки путем раздачи взяток. Например, цеховик подпольщик Хейфец умудрился создать подпольный трикотажный цех в самом центре Москвы в универмаге «Москва». Производство заработало так активно и масштабно, что завалило своей продукцией, майками, теннисками и женским бельем всю торговую сеть, вытеснив из продажи более качественную, но менее модную официальную отечественную продукцию. Сырье Хейфец приобретал за взятки на государственных базах и предприятиях, а щедрые подношения представителям власти позволяли ему спокойно заниматься своей нелегальной деятельностью. За пять лет работы подпольного производства было похищено имущества на 2,5 млн. рублей.

Конечно же, по приговору суда Хейфец как злостный расхититель социалистической собственности и взяточник был расстрелян, но это не остановило подпольное стахановское движение цеховиков. Цель оправдывала страхи, так как на подпольном бизнесе они делали фантастические состояния.

Следующий этап ужесточения наказания за взятки и связанные с ними, как правило, экономические преступления, наступил при Н. Хрущеве, когда только в 1960 году к высшей мере наказания приговорили 183 расхитителя и взяточника.

Власть опять пошла своим путем. Вместо того, чтобы исправлять перегибы в экономике и устранять причины и условия, способствующие подобному положению, ужесточили наказание за экономические преступления. Вместе с тем джинн обогащения, вкупе с нерасторопной экономической политикой, был выпущен из-под контроля, и перекосы приобрели болезненный характер.

В эти годы и последующие не только в легкой промышленности, но и практически во всех остальных, касающихся выпуска товаров народно-хозяйственного назначения, наметился их явный дефицит. Именно это стало основной причиной развития организованной экономической преступности в СССР и сыграло основную роль в последующем распаде государства.

В стране появилась торговая мафия. Руководители баз, магазинов и ресторанов обрастали связями с властными структурами, которые защищали их от повышенного интереса сотрудников БХСС. Полным ходом развивалась теневая экономика. Цеховики проводили целые секретные симпозиумы по обмену опытом и разделу сфер влияния. В конце 1970-х годов в Кисловодске состоялась знаменательная сходка криминалитета и представителей экономической мафии, на которой произошло окончательное сращивание экономической и уголовной преступности.

Однако руководители страны в лице престарелых членов Политбюро не хотели, да и не могли замечать то, что происходило в стране, несмотря на то, что имелось более чем достаточно данных о том, что коррупция в СССР набирает обороты.

Лучше всех ситуацию в стране понимали сотрудники БХСС, особенно те, кто специализировался на борьбе со взяточничеством. Например, еще в 1960-1970 годах по уже упоминавшейся Свердловской области прокатилась волна так называемых «лесных дел».

Одним из самых крупных стало дело по незаконной отправке леса в Узбекистан. К уголовной ответственности было привлечено более 20 руководителей лесозаготовительных предприятий, отпускавших лесоматериалы за взятки. Одним из главных фигурантов был некто Ключинский, классический теневой делец. Ловкий, изворотливый и конечно прекрасный организатор. Используя свои способности, он создал глубоко законспирированную систему посредников, которые за взятки добывали ценное сырье для узбекских колхозов. Система была построена таким образом, что посредники не были связаны между собой, работали каждый самостоятельно, и каждый посредник замыкался только на Ключинского. Но оперативники БХСС смогли выявить всю сеть благодаря данным, полученным практически на всех дельцов. Когда пошли

аресты руководителей лесозаготовительных структур, это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Никто не мог поверить, что таких высокопоставленных и неприкасаемых чиновников могут посадить, как простых смертных. Когда же это стало действительностью, то казнокрады настолько присмирели, что надолго зареклись участвовать в каких-либо махинациях.

Но это было только началом. Настоящим апофеозом борьбы с преступностью в сфере экономики и партийными чиновниками стало так называемое «хлопковое дело», началом которого следует считать с январь 1984 года.

Сотрудниками УКГБ по Москве был задержан директор Учтепинского хлопкоочистительного завода Муминов и товаровед Дустликского хлопкозавода Халматов, которые пытались дать взятку в размере 40000 рублей главному инженеру Серпуховского хлопчатобумажного комбината Иванову.

За эти деньги Иванов должен был оформить фиктивные документы на, якобы полученные комбинатом 150 тонн хлопка. Иванов денег не взял, а сообщил об этом в КГБ, и машина, как говорится, завертелась.

Союзный КГБ полученную информацию направил тогдашнему руководителю страны Черненко, который дал команду «разобраться следственным путем». Силовики получили зеленый свет. До конца года было возбуждено 70 уголовных дел. Раскрылось беспрецедентное по масштабам хищение в системе хлопкового хозяйства Узбекистана. Было выявлено, что приписки составляли более миллиона тонн хлопка в год. Чтобы скрыть истинное положение дел, руководители узбекских хлопкозаводов отправляли на предприятия России, Украины и Казахстана вместо хлопка его отходы, так называемый лунт. За прием каждого вагона отходов давалась взятка в 10 тыс. рублей. В результате подобных махинаций узбекским предприятиям было выплачено из госбюджета более трех миллиардов рублей. Следователи Гдлян и Иванов, ставшие народными героями, вскрыли страшную систему коррупции в Узбекистане.

Но это как бы отдельный случай, а система, притом довольно длительное время, существовала и продолжает существовать до настоящего времени, остается в торговле. Особенно в Советском Союзе эта сфера деятельности процветала как коррупционная, потому как являлась распределителем злополучного дефицита. Подобная напасть касалась всех республик Советского Союза, но особо значимо это проявлялось в столице, где были сосредоточены все щупальца коррупционного спрута, так как близость к верхам позволяла столичным торговым руководителям заблаговременно получать информацию о грядущем очередном повышении цен на тот или иной товар. Например, директор универмага «Сокольники» Кантор за день до повышения цен скупил в ювелирном отделе своего же универмага изделий из золота на сумму 300 тыс. рублей, перепродав которые, получил прибыль в 150%.

Ситуация в борьбе с криминалом резко изменилась, когда главой государства стал Ю. Андропов. С его подачи началось планомерное наступление на торговую мафию. Начались громкие процессы по разоблачению расхитителей и мздоимцев.

Одним из первых был арестован директор Елисеевского гастронома №1 Соколов. Его задержали с поличным в момент получения очередной взятки. К сожалению, в «награду» за сотрудничество, как сейчас говорят, со следствием его приговорили к высшей мере наказания, чтобы обрубить концы в отношении его покровителей из высших эшелонов власти. Стрелочник был наказан, а остальные, слегка испугавшись, остались при существовавшей системе, сделав соответствующие выводы. И для многих других стало очевидным, что омерта – закон молчания – действует не только в Сицилии, но и в Москве.

Тем не менее, процессы продолжились, и только в Москве было привлечено более 15 тысяч работников торговли. В числе них был уже упоминавшийся директор универмага «Сокольники» Кантор, но приземлить его было сложно, так как у него была очень влиятельная «крыша» в лице главного партийного чиновника Москвы Гришина.

Операцию по его изобличению начали, когда его покровитель был в зарубежной командировке. Во время обыска в его квартире было обнаружено большое количество антиквариата, а в тайниках – ювелирных изделий более чем на миллион рублей. В ходе следствия было установлено, что всего за три года работы Кантор обогатился более чем на несколько миллионов рублей. Однако, характерно, что не в пример Соколову, Кантор не сотрудничал со следствием и своих

покровителей не сдал, за что и получил вместо вышки восемь лет строгого режима.

Еще одним резонансным уголовным делом было так называемое дело рыбной мафии. Началом ему послужила ситуация, когда в Лондонском порту была вскрыта бочка с селедкой. Обнаружив вместо селедки какую-то черную массу, чиновник порта поднял шум. Как оказалось, бочка под завязку была наполнена черной икрой. К уголовной ответственности было привлечено много чинов Краснодарского края, а затем и министр рыбной промышленности Рытов, который был приговорен к высшей мере наказания.

Апофеозом коррумпированности среди высшего руководства СССР стало разоблачение злоупотреблений в ближайшем окружении главы государства Л. Брежнева. Началось с посадки на девять лет секретаря Брежнева Бровина, который начав с получения подарков в виде часов, дубленки, а потом и денег, за 13 лет пребывая в должности дорос до взяток в несколько десятков тысяч рублей. Поэтому закономерно, что к середине 1980-х годов стало очевидным, что в СССР серьезные проблемы с экономикой и с коррупцией. И только власть не хотела замечать этого.

Считалось, что в социалистическом обществе, строящем коммунизм, не может быть ни организованной преступности, ни коррупции. Об организованной преступности открыто заговорили только в конце 1980 годов, а о коррупции только в начале 1990 года, когда уже нельзя было не замечать этих явлений и не говорить о них.

Но чтобы быть объективными, следует признать, что путь криминалитету в России положила перестройка, начатая М.Горбачевым, в результате которой развернулось кооперативное движение, ларечничество, появились «челноки» и новые спекулянты, ставшие бизнесменами. А раз появились деньги, то появились сначала рэкетиры, а потом и правонарушители посерьезнее. Коррупция достигла размеров девятого вала. Перестройка, благая по своей сути, с самого начала пошла наперекосяк, когда ее форма никак не хотела соответствовать содержанию.

Что стоил только один закон «О кооперации». Кто его готовил в настоящее время уже, наверное, не установить, потому как под кооперативами авторы закона, видимо, понимали сборщиков грибов и ягод, мастерящих незамысловатые игрушки или что-то шьющих. В законе ни сном, ни духом не было прописано о том, где и как кооператоры могут получать сырье и продукцию, которую еще надо реализовать. Ни слова не было сказано о том, как контролировать их деятельность, и какую они несут ответственность за нарушения.

Поскольку старый и новый законы о кооперации были диаметрально противоположными по своей сути. Это способствовало только развитию теневой экономики. Говоря об авторах нового закона «О кооперации», вероятнее всего предположить, что его авторами были подпольные цеховики, которым закон давал возможность законно легализоваться. А то, что в нем не было прописано, где и как получать сырье, как платить налоги, как взаимодействовать с правоохранительными органами, они знали как никто. Было ясно, что если что-то нельзя законным образом приобрести, то можно украсть или приобрести за взятку. Ко всему прочему, министр внутренних дел Власов [50, стр. 471-473] по совершенно непонятной причине строго настрого запретил милиции не только проверять кооперативы, но даже заходить в них. Подобное решение было чем-то вроде будущего «не кошмарить бизнес». А поскольку милиции было запрещено соваться в кооперативное движение, то в него вошел криминал, обложивший кооператоров, как и раньше цеховиков, данью. Появилось новое направление в преступности – рэкет, объединивший разбой, грабеж и вымогательство.

Как следствие – о такой «новой экономической политике» государства, да еще вкупе с повсеместной борьбой с пьянством, денег в казну практически не поступало, но тем не менее СССР добился очевидных результатов, оказавшись в числе первых стран с наиболее развитой теневой экономикой, «объем» которой составил около 60-70 млрд. рублей. И пошло-поехало. Борьба за сферы влияния, за рынки сбыта, как и за сырьевые рынки, разразилась неимоверная. Убийства, разборки между группировками с применением оружия и взрывчатых веществ стали нормой. Ни дня не было без убийств известных лиц. Отметился в этот период и Ленинград, город трех революций, переименованный в Санкт-Петербург и ставший криминальной столицей.

Как закономерность, власть, как уже неоднократно было в истории, не могла управлять по-новому, а низы жить по-старому. Произошло

то, что и должно было произойти – власть перешла к тем, кто хотел порулить, как КПСС. Порулили так, что до сих пор икается, но тем не менее, наобещав воз с маленькой тележкой, прорвались во власть, развалили СССР, и стало много суверенных и независимых. Последствия этих перемен наблюдаем уже больше двадцати пяти лет и, слава Богу, что нет, как говорили раньше, войны, а то вообще неизвестно, что было бы от некогда могучего государства, входившего в первую тройку мировых лидеров.

Пришедшие на смену коммунистам демократы с недостаточно продуманными рыночными реформами также способствовали расцвету и процветанию коррупции уже в новых социально-экономических условиях. Основной идеологией, за отсутствием другой, стала идеология стяжательства [29]. «Новые русские» бизнесмены в первую очередь старались напоказ выставить свое богатство, это становилось главным и для других. За бесценок с помощью продажных чиновников скупались заводы, газеты и пароходы.

Подобные действия превратились не то что в компанию по обогащению, а стали государственной политикой. Правительство, менявшееся с завидной быстротой, комплектующееся бывшими завлабами, мелкими лавочниками и им подобными, «пекло» законы, которые устраняли последние препятствия на пути коррупции. Целенаправленно били по рукам правоохранительной системе, в частности ослабели милицейский в целом и оперативный контроль над бизнесом. Сначала милиции было запрещено вмешиваться в процессы первичного накопления капитала, не потому, что не читали классиков, а гораздо прозаичней – чтобы не задушить ростки рыночной экономики. Затем запретили проводить проверки по обоснованности передела собственности, опять-таки с вроде бы благой целью – чтобы не использовать силовой ресурс в спорах хозяйствующих субъектов.

Все развивалось по классической схеме круговой поруки, чтобы каждый участник действия, тем более с криминальной составляющей, был «замазан» в преступных действиях. Происходило все, как в уголовном мире, когда для «замазывания» одних вовлекают в «темные» дела или покупают, других запугивают или устраняют из процесса обогащения. Подобным образом поступило и государство, вовлекая в коррупционную орбиту все новых и новых людей.

Получилось, что даже закон против коррупции стал, наоборот, ее щитом. Так, до применения нового Уголовного Кодекса 1997 года нечистые на руку руководители коммерческих предприятий, в том числе и банков, могли спокойно брать взятки за коммерческий подкуп. Борьба с коррупцией в 90-х годах сводилась в основном к отлову и привлечению «мелкой сошки». Крупные чиновники чувствовали себя совершенно спокойно и безнаказанно. Тем временем их аппетиты росли, как говорят, не по дням, а по часам. Система, сложившаяся к тому времени в государстве, надежно защищала неприкасаемых казнокрадов. Одних нельзя было трогать из-за депутатской неприкосновенности, другие были защищены телефонным правом и заступничеством высоких покровителей, благодаря административному ресурсу.

Но, несмотря на такие препоны, оперативные службы работали, и случались прецеденты, когда удавалось привлечь к ответственности крутых чиновников. Так произошло в частности с руководителями Госкомимущества, которые умышленно занизили стартовую стоимость пакета акций РАО «Норильский никель». Вместо стартовой стоимости предприятия в 310 млн. долларов оно было выставлено на торги за 170 млн. долларов. А дальше, злоупотребляя служебным положением, приложили все силы к тому, чтобы «Норильский никель» целевым образом достался ОНЭКСИМ-банку, устранив от участия основного и законного конкурента ОНЭКСИМ-банка – ТОО «Конт».

В ходе следствия всплыл еще такой неблаговидный для чиновников Госкомимущества факт, когда они помогли АООТ «Эксиком» незаконно приватизировать нежилые помещения в Москве, за что получили от бизнесменов 20 квартир по копеечной балансовой стоимости. Но никто из чиновничьей братии наказания не понес. Все были освобождены от ответственности – кто из-за плохого состояния здоровья, кто по амнистии, кто вообще по надуманным основаниям.

Происходили подобные метаморфозы по той причине, что российские политики на словах гневно обвиняли высокопоставленных мздоимцев, а на деле в высших эшелонах власти не были заинтересованы в том, чтобы борьба с коррупцией действительно началась, и не дай Бог

стала реальностью.

Примером может служить типичная для того времени ситуация, когда в декабре 1999 года Председатель Совета министров Е.Примаков направил в Госдуму проект соглашения между Объединенным институтом ядерных исследований (ОИЯИ) и правительством РФ. Принятие данного соглашения давало некоторые льготы ОИЯИ, поэтому институтские были крайне заинтересованы в его скорейшей ратификации Нижней Палатой. В то же время сотрудникам аппарата Думы данное решение никаких выгод и льгот не сулило, в связи с чем они и не торопились его продвигать.

Чтобы как-то придать ускорение застрявшему соглашению, сотрудники института вышли на руководителя Комитета по международным делам Государственной Думы РФ В.Трофимова и попросили пролоббировать продвижение законопроекта. Для заинтересованности предложили экскурсию в Дубну или обед в ресторане. Святая наивность, но это простительно, так как на тот момент у большинства служащих сохранялся советский менталитет, согласно которому за бутылку можно было решать проблемы.

Трофимов – чиновник новой формации, и предложение физиков показалось ему несерьезным, если не унизительным, для его статуса. Тогда ему пообещали поездку в Женеву в командировку за институтский счет. На это чиновник ответил, что стоимость подобной поездки 1500 долларов, депутатский запрос стоит 500 долларов, а они хотят за такой мизер провести такое важное соглашение. И предложил копеечное, по нынешним меркам, решение. Построить дачу под Москвой или наличными 10 тысяч долларов.

Бедные ученые наскребли эту сумму, но решили хапугу наказать, о чем сообщили в ФСБ. Операция была проведена качественно и образцово-показательно. Взяточника взяли с поличным.

На следствии были выявлены еще факты коррупционной деятельности в биографии Трофимова. Так он получил 800 (Восемьсот) долларов от рыбаков-колхозников за вызволение судна колхоза, задержанного береговой охраной США. Процесс над суперкоррупционером широко освещался в средствах массовой информации, так как это дело было первым в то время, которое дошло до суда, а не развалилось по дороге к нему. Московский городской суд, проявив принципиальность, приговорил бедолагу к девяти годам лишения свободы.

Казалось бы, вот она, карающая рука закона. Свершилось. Чиновник-мздоимец наказан. Но не тут-то было. Уже через несколько месяцев, летом 2000 года Верховный суд за четыре момента: хорошую характеристику с места работы Трофимова, то есть из Думы, ходатайство профкома аппарата Госдумы, наличие у него дочери, состояние его здоровья, скостил ему по году за каждый момент из жизни осужденного, в результате чего бывшему чиновнику осталось отбывать чуть больше половины назначенного ему срока.

Но на этом эпопея высокопоставленного сидельца не закончилась. После снижения срока на четыре года Президиум Верховного суда нашел еще какие-то смягчающие обстоятельства. Вроде того, что раз Трофимов просил взятку, то физики могли и не платить ему и не жаловаться в ФСБ, а посему срок отбытия наказания ему был снижен с оставшихся пяти лет до трех. Далее думского взяточника амнистировали и выпустили на свободу. Таким образом, Трофимов отсидел всего два года, да и те в СИЗО.

Примером тому, что оперативникам и следователям «выворачивали руки», если они пытались вывести на чистую воду мздоимцев, может служить уголовное дело в отношении главы Московской регистрационной палаты Александрова и его заместителя Севастьянова.

С одной стороны, доказательства взяточничества чиновников казались достаточными. Так руководитель фирмы «К-9» А.Дмитриев показал, что с осени 1997 года по февраль 2000 года передал Александрову и Севастьянову за содействие в разрешении профессиональных вопросов 28 тысяч долларов. Кроме показаний, взятка была зафиксирована на звуко- и аудио носители. В то же время в ходе судебного заседания выяснилось очень важное обстоятельство в пользу подсудимых, а именно, что они порядочные люди, а все остальное козни оперативников УБЭП, которые заставили Дмитриева дать показания под моральным давлением, а кроме всего этого, они неправильно оформили и хранили аудио- и видеоматериалы записи передачи денег, так как они не санкционировались прокурором.

В конечном итоге Мосгорсуд признал Александрова полностью невиновным, а

Севастьянова виновным, но не во взяточничестве, а в мошенничестве, и осудил его на пять лет условно.

Происходили и вообще невероятные вещи. Под следствие попадали не коррупционеры, а бойцы оперативных служб с коррупцией. Подобное произошло в Свердловской области. Двое сотрудников ОБЭП г. Екатеринбурга попытались выяснить судьбу 19 млрд. неденоминированных рублей. Деньги были перечислены из бюджета районной администрации и пропали бесследно в системе взаимозачетов. Проведя предварительную проверку, сыщикам удалось установить, что администрация одного из районов Екатеринбурга вместо того, чтобы направить деньги напрямую предприятиям, с которыми была связана договорными обязательствами, организовала целую систему взаиморасчетов с участием ряда коммерческих структур, выполнявших роль промежуточных звеньев.

В результате аферы значительные средства изымались из бюджета и крутились в коммерческих структурах, принося им немалую прибыль, ко всему прочему не облагаемую налогами. Ущерб государству в виде сокрытых налогов и невыплат обязательных платежей составил 19 млрд. неденоминированных рублей. Это же подтвердила проверка, проведенная КРУ.

Было возбуждено уголовное дело по факту сокрытия от налогообложения, которое через три недели было прекращено.

Вместо этого на свет появилось другое уголовное дело, но уже по факту превышения служебных полномочий оперативниками ОБЭП, которых сразу же арестовали, а затем и осудили. Одного на шесть лет лишения свободы, другого на четыре. Руководитель районной администрации, фактически растратчик, вскоре стал председателем бюджетного комитета области.

После этого борьба с коррупцией становилась уделом камикадзе.

Но говорить, что коррупция непобедима, было еще рано, так как 2000 год стал как бы знаменательным в противодействии коррупционерам. Существенным противодействием стали вновь образованные межрегиональные подразделения, суть которых была в финансовой, материально-технической и административной независимости от местных властей. Начались, как говорится, посадки. Процессы над чиновниками уровня мэров городов, а некоторых и повыше, стали как бы повседневностью. Под следствием оказывались даже чиновники губернаторского уровня. Самую большую взятку, доказанную в суде, получил вице-губернатор Красноярского края В. Суладзе, которому сначала дали 250 тысяч долларов, а потом 7,5 лет неволи.

Рекордом при получении взятки было задержание с поличным начальника управления кредитных организаций Федеральной налоговой службы Алексеева, у которого было изъято при задержании 1 миллион долларов.

Следующим рекордом, если дело дойдет до суда, может быть уголовное дело в отношении руководителей Федерального фонда обязательного медицинского страхования. Суммы, которые чиновники получали в качестве откатов за возможность обеспечивать льготников бесплатными лекарствами, нормального человека шокируют. По прогнозам, общая сумма взяток по этому делу может достигнуть 375 миллионов долларов.

Другим резонансным делом может служить уголовное дело в отношении мэра Миасса в Уральском федеральном округе. Чиновник из г. Миасса Челябинской области был фигурой приметной, так как в течение шестнадцати лет был и депутатом Госдумы двух созывов, второй срок был в кресле мэра, но аппетиты росли параллельно занимаемой должностям.

А между тем в соответствующие структуры правоохранительных органов стала поступать информация, что Григориади, так была фамилия мэра Миасса, вымогает деньги с предпринимателей за различные виды услуг, в частности миллион рублей за оформление земли под новое здание и автостоянку.

Дальше началась работа оперативников ГУМВД России по УрФО, согласовавших свои действия с Управлением ФСБ по Челябинской области. Были проведены негласные проверки, беседы с предпринимателями. Изучалась деятельность самого главы Миасса. Зафиксировали на аудио- и видеоносители переговоры мэра с предпринимателями. И на передаче 155 тысяч рублей, как части из запрошенного им миллиона, Григориади был задержан с поличным. Подобная операция в УрФО была проведена впервые. Оперативные мероприятия проводились совместно со следственным отделом Генеральной прокуратуры.

Но главным было не задержание и арест

взяточника, о чем информация распространилась по городу очень быстро. Главное заключалось в том, что, не смотря на звонки, административный ресурс и различных ходоков, изменить в судьбе мэра ничего не удавалось. Рычагов воздействия на ГУ МВД России по УрФО никто найти не мог, а поэтому Григориади был приговорен судом к 8 годам лишения свободы.

В отношениях с чиновниками бизнесмены почувствовали значительные изменения. Чиновники любого уровня решали любые вопросы в срок и не требовали вознаграждения за это.

За делом Григориади последовало еще насколько уголовных дел, вызвавших широкий общественный резонанс. К уголовной ответственности был привлечен глава МО «Верхняя Тура» Свердловской области Селезнев, который, злоупотребляя своим положением, продал за бесценок несколько муниципальных магазинов, существенно занизив их стоимость. Так своей жене он продал магазин за 3 тысячи рублей при настоящей стоимости в 186 тысяч рублей. Другой магазин чиновник продал своей матери за 702 тысячи рублей, а на самом деле он стоил 1 702 000 рублей.

Проделывать такие фокусы с недвижимостью Селезневу помогало то, что он возглавлял городскую комиссию по продаже муниципальной собственности, а поэтому протолкнуть решения в пользу своих родственников ему было по плечу.

Дальше все прошло, как обычно. После ареста чиновника в адрес прокуратуры поступило письмо от руководителей предприятий В.Туры об изменении меры пресечения Селезневу. Кроме этого, за него просили священнослужители, проведя за него молебен.

Но справедливость восторжествовала. Первого августа 2006 года Селезнева мало того что приговорили к четырем годам лишения свободы, но еще ему было запрещено занимать руководящие должности в течение трех лет после истечения срока пребывания в колонии.

В ситуациях с уголовными делами в отношении чиновников были и уникальные случаи, порой даже анекдотического характера. Так было в отношении заместителя губернатора Челябинской области Бочкарева. Бочкарев, без проведения необходимого в подобных случаях конкурса, подписал договора купли-продажи предметов искусства с ЗАО «Маричевич Файн Арт» и ЗАО «Файн Арт», по которому оплата осуществлялась векселями «Уралпромбанк» на сумму 180 млн. рублей. При этом реальная стоимость приобретенных произведений искусств составляла не более 70 млн. рублей. Ущерб бюджету области составил больше 100 млн. рублей. Прикол в данной ситуации состоял в том, что после комплексной экспертизы, проведенной специалистами Эрмитажа и Русского музея, было категорически установлено, что приобретенные администрацией картины оказались подделками под Шишкина и Маковского, а обе вазы имеют очень сомнительную художественную ценность.

Рассматривая период раннего демократического этапа в России следует отметить, что в этот период, да и впоследствии, электорат при выборе того или иного кандидата в депутаты или губернаторы руководствовался принципом, что выбирать следует того, кто уже наворовал, так как новый, честный и бедный, в конце концов будет тоже брать, но больше, чем тот, который уже имеет все, что ему нужно.

Например, чиновники Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов отметились в коррупционной деятельности тем, что ни дело в отношении их, то непременно на десятки и сотни миллионов рублей.

По этому поводу, в то время начальник ГУ МВД России по УрФО В.Кучеров сказал, что чиновниками из аппарата ХМАО был создан режим наибольшего благоприятствования для ряда нефтяных компаний округа. Договорные отношения с нефтяниками об организации геологоразведочных работ заключались не на конкретной основе, без проведения тендеров. При этом для восстановления минерально-сырьевой базы неоднократно выделялись денежные средства, которые использовались по нецелевому назначению, а сумма хищений составила 1600000 рублей.

К уголовной ответственности за злоупотребления служебным положением были привлечены директор Департамента по нефти, газу и минеральным ресурсам ХМАО Панов и заместитель председателя правительства ХМАО по вопросам ТЭК и недроиспользования В.Карасёв.

По другому делу был привлечен к уголовной ответственности депутат Думы ХМАО, занимавший должность директора ОАО «Юганскнефтегаз», Гильманов. По оперативным данным он на протяжении нескольких

лет продавал добытую нефть по заведомо заниженной стоимости компании ЮКОС, обеспечив тем самым уклонение от налогов на восстановление минерально-сырьевой базы и за пользование недрами в сумму 3,6 млрд. рублей.

Бывший депутат Тюменской областной Думы Ткачев изобличен в том, что он по заведомо заниженной цене реализовал в пользу коммерческой организации свыше 70 муниципальных коттеджей на берегу Черного моря, предназначенных для работников нефтеперерабатывающих районов севера, причинив тем самым государству ущерб более чем на 24 млн. рублей.

Но самым громким коррупционным скандалом в ЯНАО, наверное, следует считать уголовное дело в отношении заместителя губернатора Линка. Сумму в 12 млн. рублей для приобретения жилья населению нефтегазоносных территорий Линк передал в распоряжение коммерческой фирме, учредителем которой являлся его сын.

Также он приобрел мошенническим путем имущественные права на доли уставных капиталов ряда коммерческих структур на 16,5 млн. рублей, которые потратил на приобретение квартиры в Москве.

Север огромный. И огромный во всем, в том числе в размерах взяток. Исполняющий обязанности начальника Управления по экологическому и технологическому надзору по ЯНАО Паршин предложил руководителю «ГАЭФЛОТ» дать ему взятку в размере 300 тысяч рублей.

Начальник Ноябрьского отдела управления Тюменского округа Гостехнадзора РФ Меньшиков получил взятку в размере 432 тысячи рублей от ООО «Гейодлбент» за три лицензии.

Примеры, подобные приведенным, можно приводить еще и еще, но вывод нужно сделать один – главный результат борьбы с коррупцией не уголовные дела и приговоры по ним, а формирование четкой установки, из которой следует, что власть дается чиновнику не для личного обогащения, а для служения народу. И чем более неотвратимым будет спрос, тем быстрее эта установка дойдет до чиновников.

Продолжая изучение ситуации с коррупцией уже в наше время, первое десятилетие XXI века, мы получаем очередные суждения, которые приводит, в частности в предкризисный 2007 год, А.Наджаров о следующих фактах. Национальный антикоррупционный комитет (НАК) Российской Федерации и международная организация «Трансперенси Интернейшнл» подвели итоги в борьбе с коррупцией, и несмотря на то, что обе фирмы работают в одном здании и соседних помещениях, они тем не менее пришли к разным результатам. В Трансперенси считают, что по уровню коррупции Россия переместилась с 126 на 122 место в мире. В НАКе уверены в обратном, что положение, наоборот, усугубилось. Такие разные оценки одного и того же явления свидетельствуют скорее всего не об уменьшении взяточничества в стране, а в убывании интереса российского общества к этой проблеме. А как результат, снижение количества публикаций на эту тему в СМИ, что в «Трансперенси Интернейшнл» и приняли за реальный прогресс в борьбе с коррупцией. В то же время очевидно, что в вопросах борьбы с коррупцией, как и с транснациональной преступностью, необходимо международное сотрудничество и через Интерпол [6; 10; 31; 32; 33; 34; 57], и через Европол [75], и в рамках как материального, так и процессуального права [9; 11; 12].

А в наше время, в частности в 2007 году, уже почти ежедневно говорили о проблеме коррупции. Так система образования оценивала систему мздоимства в 2 млрд. долларов. И речь не идет о банальных взятках в школах и институтах. Одна только проверка в типографиях выявила, что только медвузы заказали заведомо завышенное количество бланков дипломов. Видимо поэтому чуть ли не 300 тысяч российских гадалок и знахарей любому проверяющему могут показать диплом о высшем медицинском образовании. Впрочем, как считает глава Фонда «Индем» Г.Сатаров, грех обвинять во всем ректоров, деканов или институтских хозяйственников, так как стоит посмотреть на их зарплату и обеспечение вверенных им учебных заведений. Но видимо это и сломало систему высшего образования в России, которая опять пошла по ею же выбранному пути, за счет зарабатывания внебюджетных средств. Да разве это только в России – на всем постсоветском пространстве [5; 46; 58], об этом пишут исследователи из разных прежних республик Советского Союза, а ныне суверенных государств [44; 45].

Подобное происходило и в сфере государственного управления, потому что в то время В. Путин, как президент, дважды в Послании Федеральному собранию говорил о коррупции, которая стала основой хозяйственного и

политического управления страной, и которая не дает возможности нормальной работы вертикали власти.

Говорить, что ничего не делалось в то время с происками коррупции, нельзя, так как были моменты и довольно резонансные. Но можно ли было гордиться такой борьбой, если отметившийся в знаменитом в то время деле мебельного магазина «Три кита» зам. генпрокурора Бирюков оказался членом Совета Федераций от Ненецкого автономного округа.

По утверждению председателя Национального антикоррупционного комитета К. Кабанова, наша страна превратилась в криминально-коррупционное государство, что было подтверждено на конференции по борьбе с коррупцией, прошедшей в то время в Гватемале. В доказательство он приводит множество примеров, поражающих воображение. В самом деле, разве можно было бы вывозить из Европы, да еще без законного таможенного оформления, тысячи вагонов ширпотреба? Причем на адрес воинской части ФСБ РФ. Мало того, оплачивать транспортировку контрабанды из госбюджета. Потому самым удобным оказался Китай, который для подобных операций намного интереснее, чем европейские государства. А в подобных связях с этой страной, по сведениям НАКа, замешаны не только хозяева небезызвестного Черкизовского вещевого рынка в Москве.

В плане наступательности на коррупцию в феврале 2007 года Указом Президента был устранен Совет по борьбе с коррупцией и создана межведомственная рабочая группа во главе с В. Ивановым. Был разработан проект реального федерального закона о противодействии коррупции, в котором давалось и определение этому явлению. Обосновывалась необходимость экспертизы законодательных актов разного уровня на предмет их коррупционности. Был подготовлен большой пакет дополнений в законодательство. Тогда же принято решение о создании самостоятельного следственного подразделения в прокуратуре, прообраз Следственного Комитета. Появились интересные научные публикации, продолжаются они и сегодня [2; 39; 54; 77].

Но если на тот период по уровню коррумпированности среди правоохранительных органов лидировали милиция и прокуратура, то по мере выявления взяточников выяснилось, что основная масса коррумпированных средств стала уходить в суды, которые к тому времени получили значительные права и защищенность. Судьи были допущены к материалам оперативно-розыскной деятельности, секретной информации, и им было предоставлено право принимать решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий согласно «Закона об ОРД». В то же время судей нельзя было разрабатывать, останавливать, проверять и прочее. Они стали неприкасаемыми. Но, похоже, рано. Независимость судебной системы оказалась мифом, за которым по существу часто скрыта «независимость» распространения коррупции в судебной системе.

Существует ли какая-то система мер по противодействию коррупции в мире? Есть, и достаточно много и эффективных [59; 60; 78; 81]. Главная их особенность это, как ни парадоксально – страх. Так специальные подразделения ФБР в США ежегодно проводят операции в своей судебной системе, и каждый год арестовывают судей десятками. И не только судей. Известно, как мэр Нью-Йорка навел порядок в городском парке, где нельзя было пройти, не став жертвой грабежа, изнасилования или убийства. ФБР внедрили в полицию своих людей, два года присматривались к работе блюстителей закона, после чего арестовали сразу 180 офицеров городской полиции, получивших до 20 лет тюрьмы за свои коррупционные художества.

То же самое они осуществили и в армии, где воруют не меньше, чем в нашей, в результате чего совместно с армейской контрразведкой успешно сажают офицеров-воров американской армии.

Следует еще отметить и тот факт, что американцы до сих пор не отменили, не в пример нам, смертную казнь. Они, видимо, не без основания считают, что это единственное, что может удержать либеральное демократическое государство от скатывания в пучину преступности. Каждый год число смертных приговоров в США возрастает, но их это не беспокоит, и ни один из губернаторов в США не пользуется своим правом отмены смертного приговора.

В 2007 году противодействие коррупции усилилось, но не по причине того что накипело и власть обеспокоилась на самом деле ситуацией с чиновниками, безмерно погрязшими в мздоимстве. Объяснение самое простое – в то время Совет Европы начал изучать, или как теперь говорят, проводить мониторинг российского

антикоррупционного законодательства. Но с антикоррупционным законодательством в России происходят странные метаморфозы. Стоит вспомнить, что еще в декабре 2003 года Россия одной из первых подписалась под конвенцией ООН против коррупции и в частности под положениями о декларировании доходов госслужащими, о поиске и аресте с конфискацией имущества, возвращении из-за рубежа расхищенных активов государства. Вроде бы хорошо. Но в том же году в законодательстве нашего государства был ликвидирован институт конфискации имущества, в том числе из УК, как вид уголовного наказания. Видимо, кто-то очень хочет, чтобы коррупция расцветала и разлагала общество. Иначе чем объяснить, что в тот же период, когда верстались предложения в антикоррупционное законодательство, «добрые» зарубежные советники активно выступали против применения Россией так называемых «законов РИКО». Это именно те законы, на основании которых американцы подавили коррупцию, рэкет, организованную преступность и наркобизнес. Эффект от их применения был связан, не в последнюю очередь, как раз с конфискацией. Наши законодатели сделали все наоборот, может быть, с подачи «добрых» советников, мечтающих уж точно не о сильной и могучей России.

Примером того, что не все благополучно в нашем отечестве, служит исследование, приведенное группой экономистов под руководством профессора М. Мусина, по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений в сфере экономики. Итогом исследования стал кошмарный вывод – ежегодно в России, в то время в 2007 году, отмывалось до 27% ВВП [47].

Авторы считали, что ситуация с коррупцией настолько серьезна, что об этом вынужден был сказать и В. Путин. В процессе исследования было выявлено 15,5 трлн. рублей хищений и скрытых доходов, выведенных вместе с коррупционной рентой по фиктивным договорам в теневой сектор экономики. Из них в отношении 13,3 трлн. рублей были установлены 731 тысяча конкретных юридических лиц, организовавших их отмывание. Найти же конкретных физических лиц, стоящих за этими махинациями практически не составило никакого труда. Были установлены и закономерности распространения криминально дохода внутри России, и взаимосвязь роста капитализации бизнеса с ростом его криминализации. Лидерами этого процесса являются предприятия сырьевого сектора экономики.

Были выявлены и установлены свыше 438 тысяч криминальных фирм, легализовавших, в том числе и через банки, более 9,7 трлн. рублей. При этом 519 банков попали в группу рисков по классификации Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, так как каждый из них в большинстве случаев легализовал криминальные деньги, а не выводил их в теневой сектор. Были среди банковских структур и уникальные. Так, 10 банков легализовали 15% всех криминальных доходов, в том числе 2,6% ВВП, а 12 банков вывели в тень 21% всего объема незаконного обналичивания, или 3,7% ВВП. Кроме этих «великих» кандидатов на отдельное обследование, было выявлено 604 банка, через каждый из которых по фиктивным договорам было выведено в теневой сектор экономики не менее 1 млрд. рублей. Далее еще более впечатляюще – 271 банк вывел по 10 млрд. рублей, а 35 банков – свыше 100 млрд. рублей каждый. Кто конкретно? Не столь уж важно для этого материала, так как сведения носят предварительный характер и еще проверяются, но тем не менее начинать плановую и объективную проверку следует, как говорил в свое время А.Коржаков, начиная с первой буквы алфавита. 129 млрд. рублей отмыл известный банк так называемого «первого призыва».

В результате исследований по факту хищений сокрытия доходов в сумме 10,5 трлн. рублей или 18,3% ВВП ежегодно были получены все необходимые материалы для предъявления обвинения конкретным фигурантам по фактам мошенничества и хищений в особо крупных размерах.

Созданная, вернее, разработанная экспертами система может не только отследить все теневые финансовые потоки, но главное, позволяет выявлять коррупционные связи чиновников с криминалитетом и со всеми фигурантами причастными к обслуживанию бюджетов всех уровней, от федерального до муниципального. Установлено было, что из этих бюджетов за период с 2002 по 2007 год были похищены следующие суммы прямых хищений:

- в организациях, находящихся в федеральной собственности 88 991 млн. рублей;
- в организациях, находящихся в государственной (кроме федеральной) собственности 45 974 млн. рублей;

- из средств бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов 25 573 млн. рублей;
- из средств федерального бюджета 22 727 млн. рублей;
- из прочих средств бюджета 6 679 млн. рублей;
- из средств государственных и других внебюджетных фондов 2 585 млн. рублей.

Происходит подобной масштабное «раздербанивание» народных денег по причине отсутствия эффективного контроля над деятельностью руководителей предприятий госсектора, а также за расходованием средств бюджетов всех уровней. Для этого нужны меры, достаточные для контроля над всей деятельностью, связанной с расходованием и использованием бюджетных средств.

Вообще картина воровства более чем впечатляющая, как и масштабы «посадок». Установлено, что из бюджетов всех уровней за пять лет, которые мы упоминали, 525590 бюджетополучателей получили 9,6 трлн. рублей, из которых напрямую, то есть внаглую, было похищено 57,5 млрд. рублей. Есть, конечно, и обнадеживающая статистика.

Так, две трети получателей или 338840 организаций, получив из бюджетов 540 млрд. рублей, не украли ни копейки! Оставшаяся же треть, 162276 фирм, получив из бюджета 9 трлн. рублей, сразу вывела в теневой сектор экономики 3 трлн. рублей [20].

Данных о том, сколько было возбуждено уголовных дел и сколько «героев» пофамильно и пофирменно были привлечены к ответственности, нет до сих пор, то есть даже через столько лет после проведенного исследования и получения столь шокирующих данных. Впору объявлять госпрограмму по спасению денег, иначе все будет разворовано, так как выявленный масштаб уже установленных фактов нарушений в сфере экономики переводит проблему уже на уровень политический, а не экономический.

Но политическое решение принять очень сложно, считает К.Кабанов, так как современная российская бюрократическая система управления строится в основном по двум принципам – коррупционному и принципу личной преданности. Эти принципы разрушают управленческий аппарат, в результате чего высшее руководство страны уже не может в полной мере им управлять.

Можно ли изменить ситуацию? Наши соседи финны считают, что можно. При этом повышать зарплату чиновникам не следует. Достаточно запретить принимать подарки, так как под них можно замаскировать взятки. И не надо принимать особо репрессивных мер за взяточничество и хищения. Важнее последствия наказания, по которым преступника, связанного с экономическими преступлениями, пожизненно лишить права работать в государственных органах, что затруднит его жизнь, так руководители даже в коммерческих структурах будут думать, брать или не брать на работу взяточника, который за мзду может и их сдать конкурентам. У нас же, чем круче расхититель или взяточник, тем почетней и его охотней берут на работу, так как попался он случайно, а опыт у него большой по оприходованию бюджетных средств. Видимо, правы те, кто считает, что хищники это те, кто похищает в особо крупных размерах, а остальные сотни тысяч – это случайно попавшиеся «голубые воришки».

По данным «Левада-центр», на середину 2007 года считалось, что именно коррупция являлась главным препятствием на пути экономического развития России. А среди наиболее коррумпированных считались Минздравсоцразвития, МВД, Минфин и Минэкономразвития.

Принимавшиеся меры, в том числе и законодательные, каких-либо ощутимых результатов не дали. Видимо, как в анекдоте. На вопрос, почему так вяло ведется борьба с коррупцией, отвечают – потому что чиновник, отвечающий за борьбу с коррупцией, до сих пор не получил от программы по борьбе с коррупцией обещанного отката.

Происходившие коррупционные скандалы были скорее частными случаями, чем системой. Антикоррупционная программа «Чистые руки», позволившая в Италии за несколько лет очиститься от влиятельных коррупционеров, в России не работает.

Принятый в 2006 году закон о конфискации незаконно нажитого «непосильным трудом» имущества в силу так и не вступил. Аресты высокопоставленных чиновников в Минэкономразвитии говорят только о том, на каком уровне находится коррумпированность. Объясняя подобную ситуацию, депутат Госдумы, много лет проработавший в МВД, В.Васильев говорит, что нередко при принятии решений приоритет отдается не государственным, а

узкокорыстным интересам.

Причина живучести российских коррупционеров состоит в слишком широком зазоре возможностей чиновников при выдаче различных разрешений или согласований. До сих пор нет спроса с чиновников, милицейских или судейских чинов, владельцев миллионных особняков и шикарных автомашин, на какие средства приобретены эти богатства.

Специалисты, в частности из МВД, говорят, что имеется достаточно фактов, чтобы начать масштабную компанию по зачистке коррупционеров. Но не дают им такой возможности, пугая тем, что быстрое лечение не только невозможно, но и опасно. Объясняют подобную опасность зависимостью российской экономики от «коррупционной смазки», без которой резкое вмешательство в уже отлаженные процессы может привести к открытому саботажу, дать непредсказуемый эффект или даже поставить под угрозу политическую стабильность государства.

Фактически признается тот факт, что при круговой поруке высшего чиновничества и правоохранительных органов начать антикоррупционную компанию без принятия политического решения невозможно.

В начале своего первого президентского срока В. Путин подписал Указ «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», смысл которого в том, что чиновникам напоминали, что они представляют государство, а в связи с этим и вести себя должны соответственно [1].

Может показаться, что этот указ и последующие законодательные акты в какой-то степени непонятны, так как объявляют вроде бы известные принципы. Мы уже показали из истории вопроса, что российские чиновники исторически относились к российской государственности с презрением и цинизмом. Поэтому любой российский царь, генеральный секретарь или президент старались и стараются призвать чиновников к порядку. Но они противятся, а поэтому российская государственность постоянно терпела крах. Рухнула Российская империя, развалился СССР. В нынешней, посткоммунистической России циничное отношение чиновников к государству тоже не слишком-то изменилось. Поэтому в очередной раз следует указание, что они плоть от плоти своего государства.

Как ни странно, российские чиновники всегда прекрасно знали, что они представляют именно государство и тем отличаются от остальных граждан. Как отмечал Гоголевский Чичиков, готовясь дать взятку, «сам служил, дело знаю». Ничего не изменилось и сейчас, через сто лет. Главное, наверное, в другом. В том, как относится чиновник к государству, на которое работает, и которое его содержит. В других странах тоже есть чиновничий аппарат, но европейские или американские чиновники относятся к своему государству обычно с уважением, по крайней мере, рабочий день начинают с исполнения гимна своей страны, а наши – с презрением к окружающим, и конечно без гимна.

Можно удивиться подобному отношению, но это так. По-другому и быть не может, так как чиновники – плоть от плоти своего народа, который тоже с презрением относится к собственному государству, а уж у народа запросы не меньше, чем у чиновников, или, по крайней мере, не меньшие надежды на эти запросы. И поэтому поведение российских граждан отличается от поведения европейских. Впору издавать указ об общих принципах повседневного поведения граждан.

Русский человек доверчив и терпелив [21]. Он ходит голосовать только потому, что верит в обещанное благополучие. И как говорится, дай Бог, если обещанное сбудется. При помощи сырьевых денег, или по какой другой причине, но сбудется. Надеяться на то, что к 2020 году на пенсию можно будет прожить, или на зарплату можно построить дом, дать образование детям, поправить здоровье, достойно похоронить стариков. Но какова будет цена этого благополучия-2020, если мы по-прежнему будем бояться полицейского, призыва в армию, силовиков, неправедного суда, районного начальства, чиновника в окошке. Будущее может быть счастливым не потому, что оно станет сытым, а потому что будет без страха. Доживем ли до этого?

Подводя итоги, перед началом так называемой первой волны экономического кризиса, президент отметил, что коррупция всегда сопровождает развивающиеся рынки и развивающиеся страны. Это, к сожалению, общая беда. Особенно было тяжелое время в начале – середине 90-х, когда структуры разрушились, когда часть нашего экономического бомонда ожила за счет государственных ресурсов, даже в обход действующего тогда законодательства приобрели

огромные состояния. Более того крупные корпорации просто целенаправленно продвигали в госструктуры своих людей. Зарплату там мало кто получал, и она была неинтересна.

Нужно время, конечно. Нет такой таблетки от коррупции, раз проглотил – и все, и государство выздоровело. Система мер должна быть большая. И усиление репрессивных мер, и укрепление правовой системы… Нужно повышать денежное содержание чиновников, как бы не смотрелось на первый взгляд «криво» то, что они много получают. Общество должно понять, что лучше чиновникам платить приличные деньги, но требовать от них честного исполнения своих обязанностей, чем держать на нищенском пайке и как бы подталкивать к коррупционной деятельности».

Это было начало 2008 года, когда чиновники как класс новой России уже состоялись. Это с их помощью произошла ваучерная приватизация и появились мультимиллионеры и миллиардеры.

Очевидно, начав разговор о повышении зарплат чиновникам, президент сказал то, что раньше говорить считал неприличным. Жалование чиновников и без того выше средней российской зарплаты. Происходит непонятное. Нам стараются объяснить и одновременно убедить в том, что при росте промышленного производства и уменьшении количества бедняков зарплата людей, которые стоят у распределителя средств, должна быть достаточной.

Получится так или нет, проблематично. На наш взгляд проблема с чиновничьей братией в другом. За время перестройки в демократической России выросло уже не одно поколение чиновников различного уровня, которым даже в разы увеличенная зарплата так же неинтересна, как и нынешняя. Одной зарплатой при их аппетитах сыты они не будут, сколько их не корми, вернее, сколько не увеличивай пособие на их содержание.

В российских законах и ведомственных инструкциях для исполнителей достаточно лазеек, которые позволяют обойти эти препоны. Некоторые инструкции к тому же как бы специально написаны для этого. В то же время антикоррупционные законы, в том числе и конвенции ООН, нормы которых должны перейти в отечественное законодательство, предусматривают иную трактовку и исполнение этих актов.

Одно из этих положений является приговором нынешним нашим чиновникам, занимающим любые посты. В этом случае незаконно нажитым будет считаться имущество, в том числе и близких родственников, происхождение которого будет невозможно объяснить. Какие объяснения могут быть про роскошные автомашины, городскую и загородную недвижимость, в том числе и за рубежом, у скромных чиновников департаментов, таможенных служащих, полицейских и судейских чинов, и даже у простого гаишника?

Именно поэтому, как предполагает замдиректора Института общественного проектирования М. Рогожников, разработка проекта буксует. Право распоряжаться государственным имуществом как собственным нынешние чиновники вынесли еще из советских времен, а нормы международных конвенций они обойдут. Части же из них придется отвечать, если они будут уличены и начнут… Кто заметит выбывших?

Как пример обхода законов, можно привести закон о госзаказе, придуманный ими для себя любимых, как закон по противодействию коррупции. Закон работает уже длительное время, но никто его не отменяет, а только дополняют.

Госзаказы – это тендеры, аукционы, конкурсы, которые проводятся под надзором властей. Предполагается, что в честной борьбе должна выиграть та фирма, которая убедит, что выполнит задание чиновников лучше всех остальных. Н.Викторова считает, что фирма работает и ей платят деньги из бюджета. Но все чаще предприниматели предъявляют претензии к распределителям госзаказов. Действует логика – если ты не свой, то благодарность (откат) за данную тебе возможность заработать с тебя не возьмешь, а потому и до конкурса тебя допускать незачем, вдруг выиграешь – жалуются бизнесмены, говорит Н. Викторова, корреспондент «АиФ». В 2007 году число жалоб в ФАС стало рекордным – более 7 тысяч (за 2006 год -3 тысячи). Но это не мешает чиновникам, даже федерального уровня, продолжать наживаться за госсчет [8].

Уже в то время появился термин «норма отката», то есть нижний предел взятки в отрасли, о котором считается незазорным договариваться чиновнику и бизнесмену. В 2007 году, по словам директора российского отделения международного центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернейшнл-Россия» Е.Панфиловой, в результате различных исследований установлено, что норма отката за

автомобили порядка 10-15%, среди застройщиков до 30%.Если на важные государственные цели понадобятся лампочки или туалетная бумага, то норма отката 10%. В подобных случаях следует учитывать, что даже небольшой процент от заказа на миллион ручек составит довольно внушительную сумму.

Откаты и нецелевое использование средств от госзаказов происходит сплошь и рядом. От закупок шампуров для шашлыков авторской работы стоимостью 461 тысяч рублей, до закупки «Мерседесов» за 8,5 млн. рублей. По мнению начальника управления контроля над размещением госзаказа ФАС М.Евраева, в 2007 году общий объем госзаказов составил почти 4 трлн. рублей. Когда же ФЗ № 94 заработает в полную силу, то экономия бюджетных средств составит до 1 трлн. рублей, поскольку расходы на коррупцию несет вся система распределения госзаказов.

К сожалению, пока закон не работает, поэтому убытки от чиновничьего произвола составляют более 1 трлн. рублей.

В последний день сентября 2008 года президент России внес в Госдуму пакет законопроектов о противодействии коррупции. Специалисты по-разному оценивали предполагаемые новшества. Первый зампредседателя комитета Госдумы по безопасности на тот период М.Гришаков ожидал, что сведения об имуществе должны будут предоставлять не только чиновники, но и члены их семей. За искаженную информацию предполагалось ужесточение ответственности вплоть до увольнения.

Декларирование доходов и имущества предполагалось сделать обязательным для сотрудников силовых ведомств – военнослужащих, ФСБ, МВД, прокуроров и судей. Этим предполагалось поставить барьер для конфликта интересов, когда интересы госслужащего и личные отношения могут пересечься, о чем соответственно госслужащий должен информировать свое руководство.

Предполагалось, что должна быть ужесточена ответственность юридических лиц. Кроме того, по сведениям гендиректора Центра политической информации А.Мухина, борьба с коррупцией должна быть распределена между заинтересованными ведомствами ФСБ, МВД, Генпрокуратурой под личным контролем Президента. В тоже время, несмотря на наличие указанных ведомств, коррупция не только не снижается, а наоборот процветает – ежегодно наше государство теряет около 20 млрд. долларов. Согласно рейтингу международной неправительственной организации по борьбе с коррупцией «Трансперенси Интернейшнл», обнародованному в 2008 году, Россия заняла 147 место наряду с Бангладеш, Кенией и Сирией. За ней идут Таджикистан и Белоруссия, Лаос. Как заметил С.Нарышкин, в то время глава администрации президента, на совещании в генпрокуратуре, посвященном борьбе с коррупцией, «отступать нам уже некуда». Об этом же говорил и Р.Нургалиев, бывший министр внутренних дел, что больше половины криминальных доходов в стране идет на подкуп чиновников. Две трети чиновников признаются в опросах, что, так или иначе, имели дело с взятками.

Иллюзии, связанные с принятием нового пакета законодательных актов против коррупции, развенчивает также председатель Национального антикоррупционного комитета К.Кабанов. Он обосновал свой пессимизм тем, что прохождение пакетов законов о противодействии коррупции через парламент может столкнуться с серьезным сопротивлением. Я не удивлюсь, сказал он, что в итоге число родственников госслужащих, обязанных декларировать имущество, сократится до понятий «жена» и «муж».

Примечательно, что в то время депутат зампредседателя комитета Госдумы по безопасности Г.Гудков говорил, что, наверное, будут попытки выхолостить содержание закона, сгладить его положения. Никто не хочет по собственной воле лишиться «бешеных бабок». Так что главное не в терминах и формулировках, а в том, насколько эффективным будет контроль над чиновниками [14]. Знал бы Г.Гудков, что будет с ним самим через несколько лет…

В 1996 году корреспондент «АиФ» спросил у Маргарет Тэтчер, как бороться с коррупцией. Она ответила, что ничего не надо придумывать. Найдите несколько честных людей, дайте им хорошую зарплату и не мешайте работать. Просто, как все гениальное, но видимо не для России.

На этот же вопрос А.Коржаков, в то время руководитель службы безопасности президента, прокомментировал ситуацию следующим образом. Неужели рядовой чиновник стал бы брать взятку, если бы ему не потакало начальство. И если бы он сам не был обложен

данью, размер которой ему определили сверху. Достаточно обезглавить коррупцию в высших эшелонах, тогда прекратят брать и рядовые [36].

Продолжая говорить о мерах, принимаемых против коррупции в 2008 году, следует признать, насколько мы все были наивными думая, что приняв закон, поправки к нему и ту же конфискацию, с коррупцией будет покончено. Депутат Госдумы М.Гришанков считал, что антикоррупционная политика – это не только поимка конкретного чиновника, но и целый комплекс профилактических мер, которые выражены целым рядом основных условий, таких как наличие политической воли, выраженной руководством страны предельно четко, наличием стратегии противодействия коррупции, которая имеет национальный план противодействия ей, создание действенных и эффективных законов, создание условий в координации деятельности органов власти, которые этим занимаются, поддержка обществом инициатив руководства страны.

Красивые мероприятия, глобальные планы, вера в законы против коррупции, которые покончат с ней. Все как обычно, гладко было на бумаге, да забыли про коррупцию. Ей то это нужно или нет. Похоже, уже тогда она неплохо себя чувствовала и плевала на все потуги борьбы с ней. На все это мафия ответила одним ходом. Ликвидацией подразделений по борьбе с организованной преступностью. Решение об этом беспрецедентно. Большей подлянки от властей, ратующих за борьбу с коррупцией, придумать невозможно.

Специалисты теряются в догадках, пытаясь найти смысл и логику в данном решении. Тем не менее все, кто соображает, о чем идет речь, понимали, что передача полномочий по ликвидации оргпреступности структурам уголовного розыска и борцам с экономической преступностью, не имеющим для этого ни опыта, ни ресурсов, имеется в виду оперативных, означает полную дезорганизацию работы. Что сейчас, через несколько лет, видим в полном объеме.

Кризисный 2009 год показал, что страшилки про него реальны, и касаются уже не далекой Европы и еще более далекой Америки, а непосредственно России. Даже многоопытный и осторожный президент Торгово-промышленной палаты Е.Примаков говорил в то время о возможности дефолта [55]. И время показало, что пока власть думала, как лучше и успокоительней подготовить население к надвигающейся беде, народ сам разобрался в ситуации и стал массово менять рубли на валюту. Очереди к обменникам выросли, как в далеком 1998. Если в Москве еще была какая-то эйфория от прошлых лет, то в регионах полным ходом шло сокращение зарплат и увольнение ставших ненужными рабочих и служащих. Многое зависело от позиции властей. Сможет ли власть удержать ситуацию или, упаковав чемоданы, элита рванет не заранее подготовленные «запасные аэродромы» в туманном Альбионе, на Лазурном берегу и в других сказочных местах. Власть должна была дать сигнал, что этого не произойдет. Что элита заплатит по счетам, и именно в России. Важно было, чтобы люди окраин, рабочих слободок и малых городов почувствовали, что они не брошены на произвол судьбы. Чтобы те, которых в народе называют олигархами и зажравшимися буржуями, ожиревшей попсой и продажными чиновниками, разделили все тяготы навалившегося кризиса.

Но время показало, что, ни власть, ни так называемое высшее общество не желали делить эти тяготы. В то время как в Европе и США руководители фирм урезали бонусы на вознаграждение, пересаживались с дорогих автомашин на более дешевые, продавали свои личные самолеты и яхты, наши нувориши и им подобные демонстрировали верх цинизма.

Несмотря на то, что жилищное строительство сокращалось, количество элитных магазинов росло, как и количество покупаемых автомобилей. Одним трудно было купить бутылку молока, которое за год подорожало на 50%, другие же заказывали окна с золотым покрытием. Тон расточительности задавали и избранники народа. В киоски Госдумы были завезены наборы золотых и бриллиантовых украшений, стоимость некоторых из них превышала десятки тысяч долларов. Ничего страшного, депутаты разобрали их моментально.

Говорить о том, что за рубежом при наступлении кризиса лили слезы и затягивали пояса, конечно, неверно, так как элита и там себя не забывала. Но у них были хоть какие-то моральные ограничения. Взять ту же Германию, где доходы самых высокопоставленных составляли разницу в 70 раз от средней зарплаты по стране. Конечно, это много. Но результаты обследований уровня доходов руководителей крупных

российских компаний поражают своим цинизмом. Разрыв более чем в 225 раз. Следует отметить, что речь идет не только о частных компаниях, где владельцы платят себе из собственного кармана. Хуже то, что подобное имеет место и в государственных компаниях, где раздаются, в принципе, наши с вами деньги.

Противнее всего то, что воспользовавшись кризисной ситуацией и раздачей денег из госзаначек, бизнесмены вырывают халявные деньги у государства. Так алмазодобывающая компания России «АЛРОСА», добывающая не торф, а алмазы, по оценке специалистов одна из лучших в мире, умудрилась получить 44 млрд. рублей на погашение долгов. По свидетельству английской газеты «Обсервер», российское государство выделило попавшему в беду Р. Абрамовичу около 2 млрд. долларов. Наши средства массовой информации почему-то постеснялись тревожить наш народ.

У народа в то время накопилось довольно много вопросов по теме кризиса!

Почему госкорпорациям позволили залезть в долги перед заграницей?

Почему был допущен беспрецедентный вывоз за границу предоставленных бизнесменам госсредств?

Почему в условиях кризиса в США, Японии и Европе ширпотреб, продовольствие и бензин дешевеют, а у нас наоборот – цены продолжают расти?

Куда смотрела «Единая Россия», считающаяся глазами, ушами, но вряд ли, совестью народа? Наверное, все притупилось, а то и вовсе исчезло после того, как за докризисные годы бюджет партии вырос в 40 раз.

Ответов на вопросы нет, и скорее всего, не будет, так как пример перестройки должны подать «верхи» и требовать вниз по цепочке.

По крайней мере, как в Великобритании, где содержание Елизаветы II и членов ее семьи обходится налогоплательщикам в 66 пенсов (231 рубль) в год. При этом Букингемский дворец ежегодно публикует отчет о своих расходах, что бы народ знал, как расходуются их налоги.

А во что обходится наша власть народу? Нужно ли столько машин для сопровождения кортежей всех уровней? Нужно ли столько госрезиденций, которых вроде 15? Время ли сейчас для благоустройства новых дворцов, типа Петровского дворца – Дворца приемов?

Время для ужимания расходов на «явление народу» с полицией, охранниками, раздутые штатов заместителей и помощников, как раз необходимо в такое время.

Но жизнь есть жизнь. Чиновникам есть что скрывать. Чиновником быть очень трудно. Они не хотят быть на виду, и тем более не хотят, чтобы об их жизни, доходах и расходах знали посторонние.

Первое, что стоит знать налогоплательщикам – это то, что численность чиновников постоянно растет. Независимо от времени и правителей. При этом происходит подобное независимо от того, есть ли реальная необходимость в них или нет. Приводить статистику численности чиновников и попытку их сокращения до революции 1917 года и после нет смысла, так как после громогласно объявленных сокращений число аппаратчиков начало тихо возрастать, о чем уже не информировалось.

Происходило подобное в соответствии со знаменитым законом Паркинсона, гласящего, «чиновники создают работу друг для друга и стремятся множить число подчиненных, а не соперников».

Последние метаморфозы выглядели таким образом. Например, в 2004 году, когда началась очередная административная реформа, в Кремле решили провести сокращение штатов. Количество сотрудников администрации президента урезали с 1,5 до 1,2 тысячи человек.

Говорить, что это только у нас, неверно, так как подобное происходит во многих странах, но не так беспринципно, нагло и цинично.

За рубежом знают о законе Паркинсона и стараются, чтобы периоды безудержного роста госаппарата каждый раз сменялись решительным обрезанием лишних должностей. Например, в США в 1990 году было 5,3млн. чиновников (включая учителей, врачей, пожарных и т.д.), а в 2008 году число чиновников сократилось с 540 до 500 тысяч. В этом же направлении действовали немцы, японцы и другие государства.

У нас, как всегда, все по-нашему, по-российски. По данным Росстата, за период с 2000-2008 год число чиновников в России увеличивалось фантастическими темпами. В 1994 году было 485 тысяч госслужащих, а в 2008 году их число выросло до 846 тысяч, что было значительно больше, чем во времена позднего СССР. Характерно, что за этот же период численность

населения России сократилась с 144,5 до 142 миллионов человек. Но и это еще не все. На бюджетные деньги живет огромное количество работников власти, которых формально не включают в число федеральных госслужащих. Это муниципалы.

Поэтому, если суммировать все должности, получится, что в период с 1994-2008 год численность чиновничьего аппарата выросла с 1 до 1,2 млн. человек. Причем в эту цифру не входят 1,2 млн. военных, 821 тыс. сотрудников милиции, 250 тыс. бойцов внутренних войск. В общей сложности это еще 2,3 млн. человек, получающих зарплату от государства.

Возникает законный вопрос – а за счет чего растет армия чиновников?

Оказалось, что двигателем роста численности госслужащих являются местные органы власти. Подтверждением тому является то, что за этот период число федеральных чиновников увеличилось на 0,6%, а поголовье региональных бездельников выросло в 1,65 раза, муниципальных в 2 раза.

Расходы на их содержание тоже впечатляют. В 2008 году казна раскошелилась на содержание чиновничьей армии в 1 трлн. рублей. Причем это уже скорректированная цифра, а изначально она составила 1,2трлн. рублей.

Примечательно, что расходы по этой статье росли быстрее, чем траты на науку, образование, здравоохранение и национальную оборону. Видимо в этом основная причина отставания и провалов реформ в этих направлениях. Иными словами, содержание чиновников обходится стране в 15% бюджета, как никакое другое направление в деятельности государства.

Для сравнения, в европейских государствах, где в число госслужащих включены врачи и учителя, на их содержание уходит не более 10% казны. Но они нам не указ.

Мы как всегда, ищем и идем своим путем. В 2009 году Минздравсоцразвития РФ и Министерство экономического развития разработали программу мер не по снижению количества чиновников, а по борьбе с коррупцией в их среде. Для этого были приготовлены предложения по ротации гражданских служащих, то есть ограничение срока их пребывания на конкретной должности. Нечто подобное, в бытность министром обороны, предлагал С.Иванов – менять сроки пребывания в должности военных комиссаров, чтобы они не обрастали коррупционными связями. С военными понятно – у них судьба такая, военная, кочевая. С гражданскими сложнее. При этом ставится вопрос о снижении уровня коррупции, а не численности чиновников.

Характерно, что рейтинг коррупции в мире ежегодно составляется международной неправительственной организацией по противодействию коррупции «Трансперенси Интернейшнл» на основе опроса экспертов и участников деловых кругов 180 стран мира.

В 2008 году Россия показала самый худший за последние восемь лет результат по этому показателю, опустившись на 147 из 180 мест в мире. Это на одном уровне с Кенией, Сирией и Бангладеш. Характерно, что положение с противодействием коррупции в России только ухудшается. В рейтинге 2006 года она была на 121 месте, в 2007 году на 143.

Для сравнения, наивысшие баллы получили Дания, Новая Зеландия и Швеция, четвертое место досталось Сингапуру, пятое Финляндии и Швеции. В десятку стран с наименьшим уровнем коррупции вошли Исландия, Нидерланды, Австралия и Канада.

Последнее место в рейтинге заняла Сомали. В десятку аутсайдеров вошли Конго, Экваториальная Гвинея, Чад, Гвинея, Судан, Афганистан, Гаити, Ирак и Мьянма.

Поэтому борьба с коррупцией путем перемещения чиновников с одного места на другое – не больше, чем очередная профанация. Чиновничья среда, нормы ее формирования, существования и выживания формировались веками, если не тысячелетиями, о чем мы уже говорили раньше. Поэтому, если дойти до такой крайности, как ежедневное перемещение чиновника-бюрократа-здоимца с одного места на другое, все равно нельзя будет лишить полностью его возможности получать взятки, используя свое положение.

Подобная система не допустит сбоя, если просто заменить одного равнозначного элемента на другой. С понижением или повышением в новой должности тоже ничего положительного не произойдет.

Нигде нет какой-либо таблицы ли тарифной сетки по взяткам – за что, кому и сколько заинтересованное лицо должно принести. Однако при смене чиновников каким-то неведомым образом всем мгновенно становится известно об изменении тарифов. Чиновнику, оказавшемуся на

новом месте, даже не придется подбирать клиентуру. Система отстроена таким образом, что на хлебные места просители идут самотеком.

Сломать ситуацию можно только всем обществом, договорившись не давать взяток. Сами чиновники от их получения не откажутся. Система каждый раз будет перенастраиваться под новые условия, чтобы обеспечить максимальную безопасность и максимальный комфорт своим элементам. Ту же ротацию чиновников будет осуществлять не бездушный компьютер, в программу которого, кстати, при желании так же можно оперативно внести изменения, а такие же бюрократы. Ворон ворону глаз не выклюет.

Продолжая исследовать принцип ротации, следует иметь в виду, что российские чиновники используют уже проверенный временем рецепт. Аналогичные меры принимались еще в средневековой Ломбардии, где периодически меняли руководителей банков. Эти же принципы нормально действуют в системе госслужбы Канады и корпоративной практике крупных японских компаний.

Наши законодатели, зная о подобном опыте в той же Японии, где ротация проводится через пять лет, предлагают свое мнение, говоря, что один-два года мало. Следует срок пребывания в должности увеличить. По крайней мере, так считает зампред законодательного собрания Красноярского края В.Семенов, так как за это короткое, по его мнению, время не войти в курс всех дел новой должности.

По словам гендиректора Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернейшнл – Россия» Е. Панфиловой, основная проблема состоит в том, что перемещать чиновников будут те же чиновники в условиях, когда общество может только наблюдать за этим со стороны, вероятность коррупции только возрастает. Реально изменить ситуацию может только ротация команд в условиях реальной политической конкуренции. Панфилова предлагает ввести «прозрачную систему кадрового отбора должностных лиц, контракты, которые заключаются с ними, должны быть публичными, чтобы люди знали, за что отвечает чиновник и что нужно делать в случае его плохой работы». Сейчас ограничения для должностных лиц закопаны в законах так глубоко, что не каждый эксперт найдет их.

А значит, новые веяния могут свестись к известной басне Крылова «Квартет», в которой говорится, а вы друзья, как не садитесь…

Но это тоже не выход, по крайней мере, для России, где еще с советских времен приход новой команды не приносил каких-либо конкретных благ народу, кроме новых фамилий в кабинетах власти.

Есть положительный опыт борьбы с коррупцией в Сингапуре, где за короткое время добились значительных результатов, переместившись с одного из последних мест в рейтинге коррупционности на четвертое место. Прогресс неслыханный, в отличие от нас, скатывающихся все ниже и ниже.

Был положительный опыт, вернее идея, как эффективно бороться с чиновничьим произволом в работе В.И.Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», но она так и осталась идеей, которую неплохо было бы воплотить в жизнь в настоящее время. Но об этом поговорим ближе ко времени настоящему.

В Китае борются с коррупцией жесткими репрессивными методами, в которые наши чиновники не верят. Их не страшит, как и китайских чиновников, смертная казнь и большие сроки. С 2000 года, когда началась компания по борьбе со взятками, суды Китая приговорили к расстрелу 10 тысяч чиновников, и еще 120 тысяч загремели в тюрьму на сроки от десяти до двадцати лет. Имущество конфискуется, семьям коррупционеров, которых приговорили к смертной казни, высылают счет на 8 юаней (36 рублей) за две пули [22]. К высшей мере приговорили даже вице-мэра Пекина Лю Чжихуа, получившего взятку в 2 млн. долларов. С осени 2007 года в Китае учреждена новая структура – Госуправление по предупреждению коррупции, которое возглавляет женщина-министр Ма Вэнь. В специальном постановлении чиновникам запрещается под страхом уголовного наказания покупать квартиры и машины по «низким ценам», ездить в Макао, играть в азартные игры и устраивать родню на хорошую работу. Бюро общественной безопасности (аналог КГБ) обратилось к гражданам с просьбой сообщать о фактах коррупции в Интернете. После этого последовал шквал компромата. Первым выложили фото сотрудника администрации города Нанкин Чжоу Цэюгена, который при зарплате в 400 долларов носил часы 15 тысяч. Чиновник был уволен, затем арестован, объяснения типа «друзья подарили» не прошло. У нас проходит,

так как законодательство против мелких коррупционеров еще как-то работает, а вот в отношении верхних элементов «неприкасаемых» – только по указке еще больше «неприкасаемых».

Почему такое происходит? Наверное, самое объективное определение начала такому положению дал Э.Радзинский. «Ельцин создал особый строй – царская демократия. Он правил, как царь. Мог напасть на собственную республику. Разбомбить свой парламент. Так ведут себя цари. Они не дискутируют – они приказывают. Эта царская демократия у нас и теперь». Потом, после ухода Ельцина, он, его семья и «семья» вокруг семьи получили неприкасаемость. Поэтому на вопрос, где посадки, ответа не будет долго [56].

Несколько отвлекшись от основной темы, следует все-таки понять, почему подобное происходит. А происходит все закономерно, так как последнее десятилетие круто изменили нашу мораль, меры оценок и, конечно, историческую память. Издержки этих перемен состоят в том, что многие достойные и уважаемые люди из числа ученых, писателей, артистов, чьи имена десятилетиями были на слуху, становятся невостребованными, как военноначальники, конструкторы или простые рабочие или бывшие колхозники. На слуху не их имена, сделавших свой талант «достоянием республики» – почести воздаются «авторитетным бизнесменам», «авторитетным политикам», «авторитетным шоуменам» и прочим авторитетам. Тем, кто может проплатить за «момент славы».

На глазах меняются ценности. На смену Отечественным традиционным ценностям приходят западные [7; 24; 73; 74]. СМИ пропагандируют их чуть ли не в каждой телепередаче. Они уже добрались не только до кино, но и до академического театра, где предлагают спектакли не только об однополых браках и прочей мерзости, но и предпринимают попытки внедрения ее (этой мерзости) в нашу повседневную жизнь и даже в законодательство [3; 66; 79]. Слава Богу, есть еще исследователи, ученые, которые пытаются найти этому противоядие [18; 25; 63; 65; 69; 70; 71; 72].

Но наследие той страны, в которой большинство из нас родилось и жило, все еще довлеет в умах и сознании населения. Поэтому и нет веры в то, что нам обещают. Это типично советское «забалтывание» проблем и нескончаемая череда обещаний «построить», «осуществить», «углубить», «модернизировать» к сроку, к которому, как правило, никто из обещавших или уже не живет, или далек от власти. Продолжается помпезная практика пустых и амбициозных съездов победителей. И полная безответственность ответственных за свои обещания, и армия бюрократов аплодирующих им. Продолжается административная беспомощность власти с ее импровизированными решениями, указаниями, поручениями и взятием под контроль. С ее механизмом управления, состоящим из бесконечной ежедневной тематики встреч первых лиц с губернаторами, населением, проведением бесконечных селекторных, а теперь и видеосовещаний, государственных советов, круглых и квадратных столов, форумов, в том числе международных, за которыми кроме раздачи обещаний, прогнозов, а в некоторых случаях даров и наград, ничего не следует.

И наконец главное, в том, что население, то есть основная масса, ради которой все это якобы делается, вообще не понимает того пути, по которому ведут партии и правительство. Потому что эта масса в виде народа, который еще называют быдлом, долгое время слышала о строительстве социализма, потом о развернутом строительстве коммунизма, потом об ускорении, потом опять о строительстве социализма, но уже с человеческим лицом и так далее. Слушая все эти направления-лозунги, народ не понимал, почему победители в Великой Отечественной войне живут хуже, чем побежденные, почему Западная Европа, не объявляя никаких великих строек и не надрываясь лозунгами, живет лучше и веселее.

Дети и внуки победителей не понимают, как при расцвете и при какой демократии они живут, и что их ждет на этапах большого нового пути.

Власть все время тасует политические лозунги, как карты, играя то в суверенную демократию, то в управляемую, то в социальное государство. Скептики прилагают к этим формам демократии другие, менее благозвучные эпитеты: административная, бюрократическая, теневая, силовая и т.д. Ну а народ, заглядывая в свой карман или кошелек, делает свои выводы и дает другие определения: бандитская, коррумпированная, лакейская и т.п., когда люди придумают еще новые названия.

Ну а что происходит с обещающими и ведущими нас?

Разберемся, как это происходило в динамике с 2009 к 2010 году.

Количество трагедий в 2009 году никогда еще с таким количеством жертв не происходили в постсоветской России. Крупнейшая технологическая катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС, крушение «Невского экспресса» и пермская трагедия унесли свыше 250 жизней. Десятки пострадавших находились в больницах. Добавив десятки тысяч ежегодных потерь от ДТП и от пожаров, можно представить, в каких условиях мы живем.

Подобная ситуация за рубежом привела бы к отставке профильного министра, если не всего правительства, но только не у нас. У нас высшие чиновники относятся к касте неприкасаемых и никаких осложнений от этого в их карьере не наступает. Арестовали несколько мелких сошек за трагедию в «Хромой лошади», а с более высоких чинов, как с гуся вода.

После всех трагедий не заикнулись ни о какой бы то ни было ответственности ни министр энергетики Шматко, ни министр промышленности Христенко, ни глава Пермского края Чиркунов, сокративший финансирование пожарной безопасности в три раза.

Люди давно пришли к выводу, что пресловутая вертикаль власти – на самом деле вертикаль безответственности, бесконтрольности, коррупции и круговой поруки. После каждой трагедии задавался один и тот же вопрос – зачем нам такое правительство, которое не может обеспечить безопасность жизни своих граждан и их имущества, предвидеть и предотвращать трагедии. Почему президент не разгоняет министров, допустивших в мирное время такие потери среди мирного населения, и не поставит вместо них компетентных, профессиональных специалистов, болеющих не за собственный бизнес, а за порученный участок работы. О какой модернизации при таких министрах может идти речь? Никаких выводов сделано не было.

Вместо этого, через несколько дней после пожара в «Хромой лошади», так называемый агитпром начал очередной сеанс промывания мозгов в том плане, что кризис никак не отразился на рейтинге российской власти. Более того, оказалось, по данным всезнающего ВЦИОМа, что несмотря на три случившиеся трагедии, развал экономики, рост квартплаты и цен на продукты, лекарства, транспорт, растущую безработицу и снижение зарплат, рейтинг власти только подрос.

А.Головенко приводит цифры, от которых становится не по себе. Уровень одобрения россиянами деятельности президента Д.Медведева в течение всего кризисного года постепенно рос и вырос с 71% до 74%. Похожие показатели и у премьер-министра В.Путина. Достаточно высокие оценки получило правительство в целом. Его деятельность одобряют 55% респондентов. Фантастика. Как получены эти уровни доверия, с помощью каких вопросов, охватывают ли они разваливающуюся экономику и вымирающую деревню – неизвестно. Верьте опубликованному, и все. Верьте тому, что персональный рейтинг доверия у Д.Медведева 44-45%, а у В.Путина 54-55%.

Кризис кризисом, а власть по-прежнему остается популярной, делает вывод гендиректор ВЦИОМа Федоров [13].

Видимо, подобными цифрами исследователи общественного мнения хотят убедить, что народ – это равнодушное быдло, неспособное сопереживать чужому горю. Что руководство страны здесь ни при чем, а беспомощная и бесконтрольная ни за что не отвечающая министерская братия нам только и нужна, так как другой мы не стоим. Между тем те, кто понимает и разбирается в ситуации, давно заметили, что в наших условиях социология из науки сухих цифр давно превратилась в инструмент манипулирования массовым сознанием. При этом ее результаты всегда поразительным образом совпадают с тем, что нужно кремлевским пиарщикам.

А это, похоже, главное, так как подобные социологические опросы и выводы стали своеобразной формой зомбирования населения, оболванивания его и навязывания через все средства массовой информации точки зрения Кремля на происходящие события.

Происходящее является простой системой своеобразного зомбирования населения путем проникновения в психику человека, делая ставку на «стадный инстинкт», когда каждому хочется не отставать и делать то, что делает большинство. После этого остается делать и думать так, как хочет власть.

Любопытное признание сделал один из наших исследователей журналу The New Times. Наши опросы, сказал он – это замаскированный под социологию способ вбрасывания в общественное

мнение каких-то проблем, идей, пропаганды и т.д. Иногда в формулировках вопросов уже содержится правильный ответ и подсказка. Он признал, что такой обработкой занимаются все социологические конторы. Особенно во время избирательных кампаний, когда населению надо внушить мысль о неизбежной и сокрушительной победе той же «Единой России». А потом уже по данным рейтингов начинаются подтасовки, фальсификации и вбрасывания.

Давно известно – кто платит, тот и заказывает музыку. Заплатите вы, и такие социологи признают вас самым умным или самой привлекательной.

Вспоминается, как в 1996 году накачивали рейтинг Ельцина, начиная с 2-3%. Потом Ельцин назвал преемником Немцова, и те же социологи стали рассказывать басни про растущее доверие электората к нижегородскому младореформатору.

А разве не возникали вопросы в связи с резким ростом рейтинга малоизвестного и ничем непримечательного престолонаследника Медведева?

Как каждая женщина старается не афишировать своих занятий, так и «исследовательские центры» любят говорить о своей «репрезентативности опросов». Кто из них признается, что действует на деньги и по указке Кремля? Из известных только фонд «Общественное мнение» под руководством А.Ослона не стыдится говорить о своей ангажированности. На его сайте есть такая фраза «В 1996 году фонд стал базовой социологической организацией председателя сибирского штаба Б.Ельцина». С тех пор основным заказчиком и потребителем результатов исследований фонда является администрация президента РФ. Результаты опроса общественного мнения – своего рода обратная связь между руководством страны и населением. Аналогичную связь фонд осуществлял и в 1999-2000 годах и в 2004 году.

Вывод: хочешь хорошо жить – служи. Если хочешь быть здоров и к начальству ближе, голову держи пониже, а задницу повыше. Какова поза?

Сегодня родительская, депутатская, педагогическая и медицинская общественность, да и ученые бьют тревогу о возрастающей проституции, в которую из-за нищеты втягиваются молодые врачи, учителя, студентки и старшеклассницы. Этот вопрос мы более подробно и конструктивно осветим в отдельной статье. Но вот фонд А.Ослона посветил изучению проблем древней профессии целых три исследования. Казалось бы, что результаты должны подтолкнуть власть к кардинальным мерам по улучшению материального положения населения и в первую очередь молодежи.

Ничего подобного. Исследователи ответили, что спрос на жриц любви был при Путине и растет и при Медведеве, и с этим ничего нельзя поделать. Из двух точек зрения запретить торговлю телом или разрешить, победила первая, за нее проголосовали 43% населения, а за вторую 38%.

Как видим, глубокомысленно делают вывод ослоновские счетоводы, однозначного, в том числе однозначно негативного отношения к проституции сегодня в нашем обществе не наблюдается. Настало, мол, время легализовать публичные дома. А спрашивали бы, например, согласны ли вы, чтобы ваша дочь (сестра, племянница) занялась проституцией, ответы получились бы другие. Все дело в том, как задать вопрос.

Как же нам воспринимать результаты подобных опросов?

Со знаком минус – предлагают реалисты. Возможно так и надо, тогда при официальном рейтинге представители власти в 70% на самом деле он будет тянуть на 20%, а то и меньше.

Продолжая говорить о неистребимом племени чиновников, видим, что в 2010 году ситуация с ними в позитивную сторону не изменилась. Мало того, на совещании у президента России тогда еще министр финансов А.Кудрин заявил, что за предыдущие четыре года количество чиновников на федеральном уровне выросло почти на 20 тысяч, на региональном на 60 тысяч, на муниципальном на 50 тысяч.

Очередная компания, по мнению О.Крыштановской, руководителя сектора изучения элит Института социологии РАН, будет выглядеть как сокращение по живому низших должностей, а чиновники высокого ранга останутся на местах. В результате работы по оптимизации численности госслужащих было выявлено, что за четыре года 1468 чиновничьих функций признаны избыточными, еще 263 дублирующими, 868 требуют уточнения и изменения. Очередная попытка разобраться с госслужащими не первая, их становится только больше. По данным Росстата, на конец 2009 года общее количество чиновников

составило около 1,7 миллионов человек. Их стало больше, чем в СССР, при этом на порядок больше. Но во времена СССР рост количества чиновников происходил, но происходил своеобразно. Например, кто-то из членов Политбюро просил включить должность, например, директора крупного завода в состав, скажем, секретариата ЦК КПСС. Подобное было постоянно. После этого принималось решение – сократить. Но не людей, а список должностей, люди же оставались на местах, но численность номенклатуры как бы сокращалась. На следующий день кто-то из Политбюро просил в виде исключения внести изменения в номенклатуру должностей.

Подобное происходило и несколько лет назад. По крайней мере, при Д. Козаке, отвечавшем тогда за административную реформу, при которой во всех ведомствах решили, что у министров будет лишь по два заместителя.

На самом деле уже через полгода то одно, то другое ведомство стало обращаться с просьбами в виде исключения увеличить число заместителей. Начали этот процесс силовые министерства, а за ними и другие. Характерно, что сокращения проводились громко и публично, а увеличения тихо и келейно.

Бьются чиновники за высокие должности не столько из-за зарплаты, сколько за те возможности, которые дает должность, и, конечно, за надбавки за государственный чин, за выслугу лет, ежемесячные премии, доходящие иногда до 12 окладов. А еще они имеют гостранспорт, штат шоферов, и еще специальные опции в виде льготного жилья, которое они имеют право приватизировать через год, и т.д. На «гнилом» Западе госслужащий также может иметь водителя, но только за свой счет, а не за государственный. Причем, чем выше ранг чиновника, тем больше доля подводной части айсберга – скрытой зарплаты. Народ видит, что чиновники процветают, и принимает в некоторых случаях подобное процветание за коррупцию, которая конечно тоже имеет место. Но на самом деле в большинстве случаев за этими «достатками» стоит вполне легальное, но скрытое от общественности получение доходов, которые следовало бы сделать прозрачными и понятными для всех. Дело в том, что у нас до сих пор сохраняется классовое общество, разделенное по политическому принципу. То есть один класс – это те, кто на госслужбе, а другой – все остальные. При этом первые тщательно скрывают свое истинное состояние. Если же расколдовать элиту – провести монетизацию льгот чиновников, тогда и выяснится, что их средняя зарплата не 30 тысяч рублей, а несколько сот тысяч.

Планировалось, что сокращение госаппарата позволит сэкономить 43 млрд. рублей, но то, что они пойдут, например, на социалку, маловероятно, так как А.Кудрин, как вице-премьер, говорил, что высвободившиеся деньги все-таки пойдут на увеличение зарплат чиновников. Хотя никакая зарплата не является достаточной для человека-чиновника, которому предлагают крупную сумму, тем более у нас, так как большинство не видит в этом ничего страшного.

По данным независимой ассоциации «Юристы за права человека», объем рынка коррупции в России составляет 50% ВВП. Такая цифра приводится в опубликованном докладе организации, где на основе официальной статистики и официальных заявлений было проанализировано более 6,5 тысяч коррупционных дел. Согласно докладу, средний размер взятки в 2010 году превысил 1,5 тысячи, хотя в Дагестане они могут достигать 26 тысяч.

Более подробно об урезании количества госслужащих в 2010 году рассказал в свое время К. Гурдин [15]. В феврале 2010 года премьер-министр В. Путин подписал постановление, согласно которому планировалось за три последующих года сократить количество чиновников на 93 тысячи.

Во всех странах госаппарат всегда разрастается по известному принципу, сформулированному Паркинсоном. В отделе, где всегда сидело два бюрократа, сегодня три, а завтра будет пять. Россия не исключение. В 1994 году было 485 тысяч госслужащих, в 2010 году 846 тысяч.

Но это только число федеральных чиновников. Всего же поголовье работников госвласти, включая муниципалов (без полиции, армии, МЧС и т.п.), достигло 2884 тысячи человек. Получается, под государственным крылом пристроился каждый 30-й взрослый член общества из 90-миллионного населения трудоспособного возраста.

Социологическая наука без труда объясняет эту тягу к власти. Чиновничество в РФ давно образовало особую привилегированную касту, попасть в которую есть желание у многих. Это в 1990-х годах трудно было заманить на госслужбу,

а сейчас все наоборот. Сегодня времена изменились. Генпрокуратура поймала взяточника, преподавателя факультета госуправления МГУ, за получение взятки в 1 млн. рублей за поступление на платное отделение. Но даже за такие деньги спрос превышает предложение. Согласно многочисленным опросам, молодежь давно считает самой желанной работой службу бюрократа, а не космонавта, летчика или ученого.

В январе 2011 года средняя зарплата всех чиновников в РФ достигла 35,2 тысячи рублей. Это на 70% выше среднего дохода по стране. У федеральных, которым платят лучше, средний доход достиг 50,3 тысячи рублей. Это, как говорится, средняя температура по больнице, но если не принимать ее во внимание, то в аппарате правительства чиновникам в среднем платят 93 тысячи рублей в месяц. В Администрации президента РФ – 86,9 тысяч рублей, в Минздравсоцразвития – 57,4 тысячи рублей, в Минфине – 63 тысячи, в Минпромторге – 43,8 тысячи. Но это несравнимо с чиновниками из Ненецкого АО, которые имеют доход в 109,8 тысяч рублей. А в Кабардино-Балкарии платят лишь 17 тысяч рублей.

Самыми бедными среди федералов были отрудники миграционной службы (ФМС), сидящие на окладах в 33,5 тысячи рублей, но это официально. Сколько вокруг них еще было структур, работающих на них, не знал никто, потому что во всем, что связано с мигрантами, они были монополистами.

Поэтому многим бы хотелось сэкономить на госслужащих. Инициатором и проводником идеи, как ни странно, являлся министр финансов А.Кудрин, требовавший с начала кризиса сократить аппарат госслужащих сначала на 120 тысяч человек, затем на 110, и видимо окончательно сошлись на упомянутых 93 тысячах.

Идея сокращения пришлась по душе и тогдашнему президенту Д.Медведеву, о чем он даже оповестил в ежегодном послании Совету Федерации. Подсчитано, что с 2008 года количество федеральных чиновников выросло на 20 тысяч человек, региональных на 60, а муниципальных на 50 тысяч.

Подобное в России происходит сплошь и рядом. И это несмотря на то, что после развала СССР прошло более 25 лет. Но изменения, как считает член-корреспондент РАН директор Института социологии РАН М.Горшков, небольшие, касающиеся нетерпимости к показной роскоши, а порой своеобразной рекламе доходов в виде домов, яхт, мебели при зарплате в 20 тысяч рублей. Возмущает население бесконечная болтовня политиков о все возрастающем благополучии народа, бесконечные пробки на дорогах, езда по встречке «неприкасаемых». Это нервирует, но пока не вызывает приступов нетерпимости. Протестное настроение выражается в основном на словах. Нот появляются и более серьезные акции, например, «синих ведерок», действия которых выражают не раздражение в отношении чиновников с мигалками, а уже форму социального протеста. Таких протестов много, по разным поводам, но они разрозненные, каждый со своими проблемами, и не объединены в единую протестную составляющую, как в известной басне про лебедя, рака и щуку.

Уровень терпимости в советское время и сейчас меняется. Если раньше при «шоковой терапии» Гайдара по поводу реформ практически никаких волнений не было, то новое поколение, выросшее после 90-х, уже так терпеть не будет. У старшего поколения, строителей первых пятилеток и восстановителей страны после Великой Отечественной войны, выработался своеобразный ген терпимости, который в какой-то степени передается и новому поколению. Это касается семей с низким достатком и в основном в глубинке, там, где заведомо уровень жизни ниже, чем в крупных городах. И подобное положение будет сохраняться еще долго, до тех пор, пока терпимость, как страх, не умрет в человеке. Подобное происходит не потому, что мы хотим и терпим лишения, а потому, что условия заставляют.

Надо еще учитывать, что питательная среда терпимости еще довольно значительная. Каждый третий россиянин живет в городе с численностью до 100 тысяч человек, где своя инфраструктура и своеобразная аура и менталитет. Например, в поисках работы около 60% из тех, кто потерял работу в разгар кризиса 2008 года в малых городах, так и не смогли трудоустроиться. А всего быстрее ген терпимости исчезнет в крупных городах, вместе с вымиранием пенсионеров и трудоспособного населения предпенсионного возраста. Но молодежь уже не может терпеть то, что устраивало и с чем соглашалось старшее поколение. Конечно это не то протестное молодежное население, как во Франции, но тем

не менее.

Происходящие модернизации еще не охватили всего общества, не стали той путеводной звездой, по которой следует определять свой курс. То, что подвижки есть, свидетельствует тот факт, что 90% выпускников школ хотят поступать в ВУЗы. Образование вошло в пятерку высших жизненных приоритетов. Пока движущей силой может стать средний класс. Перед кризисом 2008 года к среднему классу относило себя 32% населения. Во время кризиса понижение произошло на 10%. Следует добавить к среднему классу еще так называемых «примкнувших к нему» это те, кто получает не 15, а 12-13 тысяч рублей на человека в семье в месяц. Получается теоретически, что 38-40% населения практически не нуждаются в помощи государства и просят только одного – не мешать им жить и работать. Это те, кто научился выживать в этих условиях и создавать свое счастье, в том числе и семейное.

Продолжая говорить о чиновниках, создается ощущение, что они особая разновидность человечества, в том числе и нашего государства, которая размножается, как тараканы или крысы, приспосабливаясь к любым условиям и вырабатывая иммунитет против любых мер, направленных на их сокращение. Как считает В.Иванов, директор института политики и госправа, происходит это, видимо, потому, что во время кризиса работа в госорганах надежнее, чем в частных компаниях.

Высокопоставленные чины ежегодно «пробивают» себе право увеличивать число подчиненных. В частности в 2004 году у министров было по два заместителя, а в 2010 году их стало по десятку, считает О.Крыштановская, эксперт по элите Института социологии РАН. Мы почему-то забываем, что армия чиновников содержится на деньги налогоплательщиков, то есть наши с вами деньги, которыми распоряжаются без нашего разрешения и участия. Власть, видимо, боится, что если чиновников, независимо от уровня, увольнять без предоставления «запасного аэродрома», то они уйдут в оппозицию. Поэтому для них и создаются резервации в виде фондов, комитетов или управлений. Как, например, с большинством министров в последнем правительстве В.Путина. Практически все, кого касается ситуация с чиновниками понимают, что ряды госслужащих следует не пополнять, а обновлять. Но на конкурсы, на появляющиеся вакантные должности в госаппарате, подходящие для этого кандидаты не идут потому, как не верят в объективность выборов без взяток или через связи. Что в основном и происходит. Пока система кадрового резерва не заработает в полную силу, во власть так и будут приходить случайные люди.

Факты положительного противостояния коррупции есть, но, к сожалению, не у нас. Недавно компания «ИКЕЯ» уволила двух менеджеров, отвечавших за развитие бизнеса в России. Они закрыли глаза на то, как компания-подрядчик за взятки решала вопрос с энергоснабжением торгового центра в Санкт-Петербурге. Шведский опыт вдохновил наше руководство распространить их опыт на все западные компании, работающие на нашем рынке. Однако следует понимать и учитывать, что если на Западе в 90% случаев инициаторами сделок выступают бизнесмены, то у нас подобное происходит, как правило, с подачи чиновников. За рубежом кодексы поведения действительно популярны, комментирует ситуацию глава Национального антикоррупционного комитета К.Кабанов. Но у нас европейские компании, соблюдая такой кодекс, рискуют проиграть в конкурентной борьбе тем, кто менее щепетилен. Например, китайцам, которые обычно легко подстраиваются под правила игры на рынке той страны, куда они приходят. Честному предпринимателю, решившему не давать взяток, у нас скажут: «О'кей, не давайте, но тогда вы не получите доступ к бюджетным деньгам или место под застройку».

Однако помочь в борьбе с коррупцией западники нам все же могли бы. К примеру, договорившись с нашими правоохранителями обмениваться информацией пусть даже анонимной об известных им грязных сделках и фактах вымогательства взяток.

Примером более чем красноречивым служит ситуация со строительством и ремонтом одной из наших бед – дорог. Дороги в стране, несмотря на резкое увеличение финансирования в 2005-2008 годах, стали строить меньше и хуже. Их сеть не развивается практически даже в европейской части России. Что же говорить о дорогах за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке. Если в 2000 году Федеральное дорожное агентство построило 6 тысяч километров дорог с твердым покрытием, и вложило в них от государства 60 млрд. рублей, то в 2008 году было введено в строй 2,4 тысячи километров новых дорог. При этом налицо зависимость – если в 2000 году на

строительство и ремонт дорог выделялось около 199 млрд. рублей, то в 2008 году более 200млрд. рублей, а в 2009 году – 247,7 млрд. рублей.

Но по данным Росстата итог таких капиталовложений вообще не заметен. По его подсчетам, в 1995 году в стране было 750 тысяч километров дорог с твердым покрытием, Ровно столько же их было обнаружено Росстатом и в 2006 году.

Распил бюджетных средств и богатство олигархов, нажитое непосильным трудом – постоянные темы, не теряющие актуальности.

Введение прогрессивной шкалы налогообложения, при которой чем больше зарабатывается, тем большая часть доходов должна отдаваться государству – выигрышная в популистском плане тема. Законопроекты, заставляющие богатых раскошелиться, постоянно вносятся на рассмотрение в Госдуму.

Подобный подход к налогообложению практиковался с 2001 года, когда была введена плоская шкала в 13%. С тех пор вернуться к «робингудовским» методам сбора податей предлагают самые разные политические силы, а экономисты ведут горячие дебаты о достоинствах и недостатках различных подходов к сбору налогов. В Думе основными лоббистами выступают коммунисты и эсеры. Их поведение вполне логично с учетом левых настроений их избирателей. Но в стороне не остаются и либерал-демократы, выступившие со своими налоговыми инициативами.

Так, законопроект депутата Багрякова предусматривает снижение ставки с 13% до 5% для граждан с доходом менее 60 тысяч рублей в год, что примерно соответствует прожиточному минимуму в стране. Те, кто зарабатывает от 60 тысяч до 600 тысяч рублей в год, будут платить 15% от своих доходов. Средний класс, получающий от 600 тысяч рублей до 3 миллионов рублей в год – 25%. Зарабатывающим от 3 миллионов рублей до 12 миллионов предлагается платить 35%. Ну а толстосумы, зарабатывающие больше 12 миллионов должны, будут отдавать государству 45%.

По расчетам Багрякова, принятие законопроекта в его редакции позволит дополнительно получить 2,1 трлн. рублей доходов, что на две трети покроет дефицит бюджета на 2010 год. Помимо экономических выводов, депутат указывает и на снятие социальной напряженности в обществе. Объясняет это он тем, что количество лиц, с доходом свыше 1 млрд. рублей в год за 2005-2007 год возросло в 2,3 раза с 283 до 655. Только в России возможно подобное во время кризиса. В 2009 году количество долларовых миллиардеров в России увеличилось в полтора раза и достигло 77, что не может не вызвать недовольства простых граждан.

С различными проектами налогообложения выступали как известные политики вроде С.Степашина, так и не менее известные промышленники вроде лауреата государственной премии В.Занина. Варианты разные, но нет пока однозначного ответа, какой подход лучше к налогообложению.

Есть и более радикальные меры по приведению доходов к всеобщему равенству. Депутаты от компартии внесли в Госдуму законопроект, принятие которого чревато началом столь же громких, сколь и массовых судебных процессов, сравнимых со скандальным хлопковым делом 30-летней давности. Они предлагают, не мудрствуя лукаво, конфисковать имущество граждан, законное происхождение которого они не смогут доказать. Более того, неведомо каким чудом разбогатевшие граждане могут получить и тюремные сроки в дополнение к конфискованному имуществу. Понятно, для чего коммунистам это нужно. Во-первых, это очень популистский ход, довольно хороший перед выборами, во-вторых, принятие подобного законопроекта ударит в первую очередь по «государевым людям». Характерно, что инициатива парламентариев от КПРФ нашла поддержку у представителей других парламентских фракций, в том числе и у «единороссов». Но прежде чем говорить, хорошо это или плохо, следует обратиться к истории вопроса.

Заставить чиновников декларировать доходы, чтобы сопоставить их с расходами за последние 10 лет, пытались по крайней мере трижды.

В 2003 году, на первом президентском сроке В. Путин, после того, как Россия подписала конвенцию ООН, пытался продавить эту идею, но она захлебнулась из-за противодействия большей части парламентариев. Как же иначе, воевать против себя любимых?

В сентябре 2006 года Верховный суд затеял всем известный конфликт с Высшим арбитражным судом из-за вопроса о необходимости декларирования доходов судей. Арбитраж настаивал на том, что такие доходы должны декларироваться, но в Верховном суде сочли, что это противоречит конституции. Первый заместитель

председателя ВС В.Радченко назвал декларирование доходов неприемлемым, так как ВАС, по его мнению, предлагал ввести административный контроль председателей за подчиненными. Кроме того, по мнению В.Радченко, публикация сведений о доходах судей может быть использована в целях политической борьбы и стать доступной для криминальных авторитетов. В общем, инициатива вновь не прошла и захлебнулась.

В 2009 году глава Совета Федераций С. Миронов предложил вписывать в декларацию о доходах всех членов семей, а имущество уже выявленных коррупционеров и членов их семей конфисковать, как это делают в Сингапуре. Свое предложение Миронов прокомментировал так: «Я обязательно поставил бы вопрос о конфискации имущества у коррупционеров, более того, я допускаю, что нужно конфисковать не только у того, кто попался, а опять же и у членов его семьи. Это будет круговая порука наоборот. Семья гарантирует. Она дает согласие, что сын, брат, муж идет во власть и говорит, иди, но имей в виду, если ты сделаешь шаг влево, шаг вправо, то конфискуют не только у тебя, но и у нас. И там, поди, докажи, что мы его честным путем заработали, а не на твои наворованные деньги».

Возвращаясь к инициативе коммунистов: они предложили, что если тот или иной гражданин не сможет внятно объяснить, откуда у него взялось то или иное имущество, то согласно этому законопроекту лишат его этого имущества. А чтобы и впредь ему неповадно было незаконно обогащаться, законопроект предусматривал дополнительное наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

По мнению разработчика законопроекта секретаря ЦК КПРФ С.Обухова, в российское законодательство должно быть внесено понятие «незаконное обогащение», за которое должна быть предусмотрена уголовная ответственность. Ничего подобного не было не то что в российском, но и даже в советском законодательстве. Формально свою инициативу коммунисты привязывали к дожидавшейся своего часа ратификации 20-й статьи Конвенций ООН против коррупции. Россия подписала конвенцию еще в год ее принятия, а ратифицировали в 2006 году, но ратифицировали не целиком, а без самой нужной 20-й статьи, в которой и говорится о признании коррупции в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно, то есть незаконное обогащение, совершается умышленно. Иными словами, когда доходы чиновника значительно превышают его законные доходы, которые чиновник не может обосновать. Следует пояснить, что подобное толкование относится не только к представителям власти, но и ко всем гражданам без исключения.

Возникает закономерный вопрос. Почему такая трудная судьба у 20-й статьи Конвенций ООН? Один из разработчиков нового законодательства А.Куликов считает, что в свое время парламентарии отказались ее ратифицировать, так как в Конституции России имелось положение о презумпции невиновности. Но почему-то ни Обухов, ни Куликов не вспомнили, что парламентариям о 20-й статье дважды напоминал В. Путин, бывший тогда президентом. Единороссы пообещали довести законопроект до ума, но после выборов почему-то опять забыли. Уже, будучи главой правительства, Путин, вновь напомнил о 20-й статье в 2009 году и снова не был услышан представителями ЕР. С. Обухов говорит, что 20-й пункт статьи не ратифицировали сознательно, так как отсутствовало понятие незаконное обогащение, а раз так, то никто не обязан отчитываться, почему его шикарный автомобиль или загородный дом стоит несопоставимо больше, чем его зарплата за несколько лет. Пока поправки в нашем законодательстве на том же месте, но дискуссии по этому поводу продолжаются.

Поэтому народ не понимает, почему, несмотря на трудности бюджета, продолжает расти число чиновников. Также народ не понимает, почему российские власти игнорируют рекомендации Совета Европы о введении конфискации имущества коррупционеров, а вместо этого придумывают какие-то «кратные штрафы».

А тем временем положение с коррупцией продолжало ухудшаться. При этом коррупция по-российски похожа на неизлечимую болезнь, какие лекарства ни применяй, состояние больного только последовательно ухудшается. Д.Медведев, будучи президентом, назвал коррупцию системной проблемой России. Подобный вывод напрашивается после ознакомления с очередным индексом восприятия коррупции, публикуемый «Трансперенси Интернейшнл», ведущей в мире аналитической организации в этом направлении. По сравнению с 2009 годом, в 2010 году

положение России в этом рейтинге еще более осложнилось, при котором наша страна опустилась с 146 места на 154 из 178 государств.

По данным портала Publik.ru, первенство по числу взяток удерживали чиновники. За ними шли сотрудники милиции, а затем учителя, врачи и судьи. По данным Федеральной службы судебных приставов в 2010 году на три четверти возросло число судебных приставов, пойманных на взятках. В тоже время, по данным Генпрокуратуры в первом полугодии 2010 года выявлено около 142 нарушений антикоррупционного законодательства, при этом на 32 тысячи меньше, чем за тот же период 2009 года. К тому же подавляющее число нарушителей отделалось угрозой пальчиком. По официальным данным за первое полугодие 2010 года до рассмотрения в суде дошло только 917 случаев из 142 тысяч зафиксированных прецедентов, то есть меньше 0,7%.

Более того, даже из этого ничтожного числа 55% уголовных дел завершилось лишь условным, то есть предостерегающим наказанием. Еще 26% взяточников отделались штрафом и лишь 16% преступников получили реальные сроки. Да и количество оправданных по этому обвинению составило 3,4%, в то время как оправдательные приговоры по уголовным делам не превышают 1% от их общего числа.

Примечательно, что согласно судебной статистике, давать взятку сейчас куда более опасно, чем ее получать. По данным Верховного суда, в первом полугодии 2010 года за дачу взятки осуждено 1723 человека, а за получение 1009. Получается, что все беды от просителей.

Учитывая подобную ситуацию, МВД решило решительно бороться с этим позорным явлением. При этом как обычно своим путем, в духе менталитета нынешних правоохранителей. Глава департамента собственной безопасности МВД Ю.Драгунов предложил, что его подчиненные, представляясь бизнесменами, будут предлагать коллегам взятку за использование служебного положения, тем самым проверяя на коррупционную устойчивость. Тех же, кто не выдержит подобное тестирование, будут увольнять, чтобы не портить статистику, что депутат Госдумы Г. Гудков охарактеризовал, как спасение чиновников-коррупционеров от уголовной ответственности [14].

Не мудрствуя лукаво, Нургалиев предложил, как вариант, придать идее своих подчиненных, то есть провокации, статус оперативно-розыскного мероприятия – эксперимента, в отношении тех сотрудников, на кого имеется порочащая информация, для того чтобы не нарваться на обвинение в незаконных провокациях. А чтобы подобное действительно не произошло, он призвал внести необходимые изменения в ряд статей УК, так как по действующему законодательству провокация взятки или коммерческий подкуп влекут за собой уголовную ответственность по ст.304 УК РФ, предусматривающей пять лет лишения свободы за попытку передачи должностному лицу без его согласия денег в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантаж.

Стоит отметить, что еще раньше до вышесказанной инициативы МВД, в этом ведомстве приказом Р. Нургалиева обязали всех сотрудников немедленно докладывать начальству о предлагаемых взятках инициатору рапорта или кому-либо из его коллег. Для доносов даже были созданы специальные бланки, где заявитель должен четко прописать все свои личные данные и сложившуюся ситуацию.

Но все эти новшества с провокациями и рапортами-доносами – не что иное, как нарушение конституционных прав граждан. Тем более законом запрещено проводить различного рода провокации, для этого все необходимые мероприятия предусмотрены законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Кроме того существует служба собственной безопасности, в том же МВД, что в принципе неверно. Управление собственной безопасности не только из МВД, а из всех силовых структур необходимо вывести и подчинить непосредственно президенту, сделав независимой федеральной структурой, тогда и посадки будут. Ведь следует понимать, что коррупция значительно шире взятки. Коррупция по жизни – это откаты, это позвоночное и телефонное право, это неформальные договоренности о будущих проектах, которые потом реализуются бенефишом конкретным людям, это злоупотребление административным ресурсом на тех же выборах различного уровня. Только в России понятен термин «норма отката», который не переводится ни на какой язык. Поэтому взятки в правоохранительных органах, здравоохранении, образовании – это только то, что на самом верху. Основная коррупционная составляющая

зарыта гораздо глубже, и работать с ней следует по-новому, создав для этого полностью независимую структуру, наделив ее всеми законными формами и методами выявления и раскрытия коррупционных составляющих, подчиняясь только первому лицу государства. Подобный положительный опыт есть в Сингапуре, так что особенно и изобретать ничего не надо.

Надо делать конкретные дела в этом направлении, так как ситуация хуже не придумаешь, потому что начав развиваться в начале 90-х на базе ельцинской приватизации, вседозволенность породила новый класс, класс крупных собственников-олигархов. Ни для кого не секрет, что сейчас в порядке вещей, заплатив большие деньги, можно получить тот или иной высокий пост или звание. Бесполезно от таких покупателей ждать какой-то пользы для общества, потому как, голова у них забита только тем, как «отбить» вложенные деньги и заработать еще больше.

Поэтому продали весь советский уран и редкоземельные элементы, расформировываем медицинское обслуживание армии, учебные заведения. Делается все, чтобы заработать, не важно, как это скажется на обороне, науке, образовании, культуре. Порой происходят умопомрачительные вещи. Наши ученые-ядерщики, рассказывает президент Академии геополитических проблем Л.Иванов, разработали устройство, которое, по мнению специалистов, значительно усилит нашу безопасность. Засекретили, попытались внедрить, получили ответ (интересно, кто мог бы оценить изобретение, кроме самих специалистов), что технология не проработана. На дополнительные исследования необходимо 70 млн. долларов, которых нет, поэтому принято решение передать технологию американцам для дальнейшего совместного использования. Таких примеров за последние двадцать лет больше, чем достаточно для посадок. Но их нет. Как нет элементарной совести, которую следует поставить во главу угла, как и честь, профессионализм и личную ответственность. Без них борьбы с коррупцией не будет.

А вместо этого в Госдуму внесен правительственный законопроект, предусматривающий существенное увеличение пенсионных выплат депутатам Госдумы и членам Совета Федераций, в зависимости от сроков исполнения ими своих полномочий.

Трудно объяснить народу, с какой стати вдруг решено заниматься обеспечением безбедной старости народных избранников, приравненных по статусу к рангу федерального министра, пенсия которых и без того в 3-4 раза превышает средний уровень пенсий простых граждан.

Чтобы как-то сдвинуться с мертвой точки, следует понимать, во-первых, что чиновники призваны служить народу, а не вершить его судьбу. Их главная задача улучшать жизнь людей, а не свою. Для этого следует ввести ответственность должностных лиц хотя бы за нарушение сроков оказания государственных услуг или проведение и соблюдение определенных процедур. В этих же целях необходимо менять пропорции распределения доходов между бюджетами различных уровней. Повысить роль муниципалитетов и регионов, как основной экономической составляющей государства. Следует поощрять, а не лишать поддержки регионы, которые добились увеличения собственной доходной базы.

Закрывать на это глаза и продолжать дурить народ обещаниями, наверное, уже хватит. С момента перестройки и последующей демократизации прошло больше четверти века. Выросло уже новое поколение, которое видит, кто у нас живет хорошо и поэтому они равняются на этот тип людей и профессии.

По имеющимся данным, в 2010 году на факультеты авиа- и ракетостроения не поступило ни одного процента школьников, получивших самые высокие баллы по ЕГЭ, и только 4% из них поступило на факультеты, связанные с электроникой. Из первокурсников 35% двоечники и троечники. Отличники по-прежнему идут в юристы и экономисты, с последующей мечтой устроиться в госструктуры.

Немудрено, что по применению новейших технологий в бизнесе Россия уже на 120 месте, а по доступу к новым технологиям на 122 из 139 возможных. В рейтинге, где страны оцениваются по продуктам, которыми могут похвастаться на мировом рынке, РФ занимает 98 место из 139 стран (ниже Албании и Гондураса). Вот во что обходится интерес молодежи к техническому виду творчества.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 33. – Ст. 3196.
2. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
3. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
4. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
5. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
6. Бельсон Я.М. Международная организация уголовной полиции. Интерпол: Учебное пособие. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981.
7. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь?// Социология. – 2015. – №2. – С. 4-15.
8. Викторова Н. Миллионы на откат // Аргументы и Факты. – 2009. – № 9.
9. Волеводз А.Г. Должностное лицо публичной международной организации как специальный субъект коррупционных преступлений: понятие, пробелы правового регулирования, проблемы правоприменения и пути их преодоления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 1. – С. 9 -33.
10. Волеводз А.Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол и тенденции формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 130-151.
11. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 4. – С. 99-117.
12. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 528 с.
13. Головенко А. Рейтингом по голове // 24 часа. – 2010. – № 6.
14. Гудков Г. Истоки коррупции ищи в Конституции // 24 часа. – 2012. – № 11.
15. Гурдин К. Закон размножения чиновников // Аргументы недели. – 2009. – № 12. – 26 марта.
16. Емелин С.М. Борьба с общеуголовной и экономической преступностью в СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: основные направления и правовые механизмы противодействия // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 30-40.
17. Емелин С.М. Состояние и уровень преступности на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): особенности, основные направления противодействия и профилактики // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 108-114.
18. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
19. Жирнов Е. 204 генерала не имеют вовсе наград // Коммерсант Власть. – 2011. – 9 мая.
20. Задушим коррупцию: Обзор // Аргументы и Факты. – 2008. – № 8.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
22. Зотов Г. Китай: взяточник платит за свою пулю // Аргументы и Факты. – 2009. – № 25.
23. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
24. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
25. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
26. Исмагилов Р.Ф. Творчество Достоевского как феноменологии русской души и культуры (ранний опыт восприятия европейскими философами русского мыслителя). Лекция. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 185-197.
27. Исмагилов Р.Ф. Ф.М. Достоевский в контексте справедливости и права. Лекция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 189-198.

28. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
29. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
30. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г, Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
31. Кондрат Е.Н., Сальников М.В. Интерпол в борьбе с преступностью: стратегия и основные функции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 153-159.
32. Кондрат Е.Н., Сальников М.В. НЦБ Интерпола МВД России и противодействие преступлениям экономической направленности // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 164-174.
33. Кондрат Е.Н., Сальников М.В. Российские правоохранительные органы и Интерпол: некоторые результаты сотрудничества и проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 163-171.
34. Кондрат Е.Н., Сальников С.П., Борисов О.С., Петров П.А. История создания и правовые основы деятельности Интерпола // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 96-104.
35. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 384 с.
36. Коржаков А. Сажать их можно по алфавиту // Аргументы и Факты. – 2008. – № 37.
37. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1994. – 240 с.
38. Костин В.И. Борьба с хищением социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1982. – 87 с.
39. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика. Научно-практическое пособие. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. – 368 с.
40. Логинов О. Третья беда // Секретные материалы. – 2007. – № 10-13.
41. Луковская Д.И., Дунаева Н.В. На пути к Судебным уставам 20 ноября 1864 года: документальные свидетельства разработки государственными органами Российской Империи реформы судоустройства и судопроизводства в 1857 – 1862 гг.: Вступительная статья // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 8-16.
42. Минаев С. Чиновник образцового содержания // Коммерсант Власть. – 2002. – 20 августа.
43. Миндин Д. Оплот державы // Профиль. – 2002 – 22 апреля.
44. Мирзоев А.К. Коррупция в сфере образования Таджикистана: современные меры предупреждения и профилактики (теоретико-правовой аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 34-42.
45. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
46. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
47. Мусин М. В плену у спрута // Аргументы и Факты. – 2007. – № 50.
48. Мухаммадиев И.С. Деятельность прокуратуры Таджикской ССР и обязательные поставки зерна в годы Великой Отечественной войны // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 162-168.
49. Мухаммадиев И.С. Снабжение армии и флота всем необходимым в годы Великой Отечественной войны и надзорная деятельность прокуратуры Таджикской ССР // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 19-27.
50. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
51. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
52. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова: Б.П. Шереметьев, П.А. Толстой, А.В. Макаров. 2-е изд., изм. – М.: Мысль, 1988. – 346 с.
53. Перцов Э.П. Искусство брать взятки. – С.-Пб.: Типография Н. Греча, 1830.
54. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
55. Примаков Е. Россия на перепутье // Аргументы недели. – 2011. – № 5. – 10 февраля.

56. Радзинский Э. Тени вождя // Аргументы недели. – 2009. – № 46. – 19 ноября.
57. Родионов К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Международные отношения, 1990. – 224 с.
58. Романовская Л.Р., Сальников М.В., Фомичев М.Н. Государственно-конфессиональные отношения на постсоветском пространстве: эволюция и общая характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 41-53.
59. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
60. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
61. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
62. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
63. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
64. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия: опыт прочтения Достоевского. Вступительная статья // Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»). – С. 10-17.
65. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
66. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
67. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Восстановление органов внутренних дел на освобожденной территории и их деятельность по ликвидации последствий войны, охране общественного порядка на Северо-Западе РСФСР // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 401-426. – (Серия: «МВД России 200 лет). – в кн. 608 с.
68. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
69. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
70. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
71. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
72. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
73. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
74. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
75. Сальников М.В., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Европол и международное сотрудничество в борьбе с преступностью. СНГ и транснациональная преступность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 168-181.
76. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
77. Талапина Э.В., Южаков В.Н. Методика первичного анализа (экспертизы) коррупциогенности нормативных правовых актов / Под ред. В.Н. Южакова. – М.: Центр стратег. разраб.; Статут, 2007. – 96 с.

78. Федоров А.В. О присоединении Российской Федерации к Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Правовые проблемы противодействия коррупции: Материалы Международной научной конференции. Москва, 2 ноября 2011 г. / Отв. ред. Л.В. Андриченко, О.О. Журавлева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2012. – С. 33-36. – в сб. 280 с.
79. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
80. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
81. Экимов А.И. Конвенция ООН против коррупции и ее юридическое значение для Российской Федерации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф., Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г.- М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 150-155.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

ШАРОВ Денис Васильевич,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ВОЗМОЖЕН ЛИ СТАТУС ПОТЕРПЕВШЕГО ДЛЯ БЛИЗКОГО РОДСТВЕННИКА ЛИЦА, КОТОРОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ПРИЧИНЕН ВРЕД

Аннотация. *Анализируется вопрос о возможности признания потерпевшими близких родственников лица, которому преступлением непосредственно причинен вред. Отмечается, что по действующему законодательству это возможно в случае, когда последствием преступления явилась смерть лица; в указанной ситуации каждый из близких родственников погибшего может быть признан потерпевшим по делу. Формулируются авторские предложения по изменению ст. 42 УПК РФ в части, касающейся понятия потерпевшего.*

Ключевые слова: *потерпевший; причинение вреда; статус; жертва; близкие родственники.*

KONDRAT I.N.
SHAROV D.V.

IS IT POSSIBLE FOR THE VICTIM'S STATUS TO BE A CLOSE RELATIVE OF A PERSON WHO HAS BEEN HARMED BY A CRIME

The summary. *The issue of the possibility of recognizing the victims of close relatives of a person who directly harmed the crime is analyzed. It is noted that under the current legislation this is possible in the case when the death of a person is the consequence of a crime; in this situation, each of the deceased's close relatives can be recognized as a victim in the case. Author's proposals on the change of Art. 42 of the Code of Criminal Procedure regarding the concept of the victim.*

Key words: *victim; causing harm; status; victim; close relatives.*

Дискуссионным остается вопрос о возможности признания потерпевшими близких родственников лица, которому преступлением непосредственно причинен вред. Особую остроту он приобретает в случае, когда лицу совершенным преступлением причиняется смерть.

По общему правилу, близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, процессуальными возможностями по их защите не наделяются, – защита прав и интересов этих лиц осуществляется в результате восстановления прав непосредственно пострадавшего [3; 4].

Исключение из данного правила составляют случаи, когда последствием преступления явилась смерть лица. В таких случаях становится возможной защита нарушенных прав и законных интересов близких родственников погибшего, а именно супруга, супруги, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и родных сестер, дедушки, бабушки и внуков (п.4 ст.5 УПК РФ).

Рассмотрим указанную ситуацию более подробно, особое внимание уделив правовому статусу близких родственников погибшего.

В первую очередь, следует определиться с правовым статусом лица, которому преступлением причинена смерть.

Данное лицо будет являться потерпевшим в его уголовно-правовом значении или пострадавшим от преступления. А возможно, жертвой преступления [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]

Поясним свою позицию. Вред лицу причиняется в момент совершения преступления, которое влечет за собой возникновение уголовно-правового отношения. В это же время, в связи с причинением вреда, данное лицо становится потерпевшим в его уголовно-правовом значении (пострадавшим). Чтобы стать субъектом уголовно-процессуальных отношений, оно должно быть признано потерпевшим в установленном законом порядке. Для этого дознавателю, следователю, судье или суду необходимо установить наличие достаточных данных указывающих, что преступлением этому лицу причинен вред, и вынести постановление о признании его потерпевшим. Указанное постановление – юридический факт, констатирующий становление потерпевшего как участника уголовного судопроизводства [9].

Очевидно, что лицо, которому преступлением причинена смерть, не может быть признано потерпевшим в установленном законом порядке, и, следовательно, не сможет стать потерпевшим в его уголовно-процессуальном значении.

Что касается близких родственников погибшего, то согласно прямому указанию закона потерпевшими они также не признаются. Закон говорит лишь о переходе прав потерпевшего, предусмотренных ст. 42 УПК РФ, к одному из близких родственников.

Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [1], в ч. 8 ст. 42 УПК РФ внесены изменения, расширившие перечень лиц, к которым в случае смерти потерпевшего переходят его права. В настоящее время, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников.

Таким образом, законодатель расширил круг возможных лиц, которым в случае смерти потерпевшего могут перейти его права, но, по прежнему, ограничил их участие в деле одним человеком.

Данное ограничение не согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой положения ч. 8 ст. 42 УПК РФ не могут рассматриваться как исключающие возможность наделения процессуальными правами потерпевшего более одного близкого родственника лица, чья смерть наступила в результате преступления [3].

Кроме того, вызывает определенные вопросы сама редакция измененной статьи, а именно: «…права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников» (ч.8 ст. 42 УПК РФ). Непонятно почему законодатель, при отсутствии близких родственников, в вопросе перехода прав потерпевшего отдает предпочтение близким лицам перед родственниками, установив, что к одному из родственников права потерпевшего могут перейти только в случае отсутствия или

невозможности участия в деле близких лиц. Напомним, что родственники – это все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве (п. 37 ст. 5 УПК РФ), в то время как близкие лица – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений (п. 3 ст. 5 УПК РФ), то есть, с точки зрения закона, родственники потерпевшего являются более близкими для него людьми нежели близкие лица. Подтверждением данного вывода является ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которая при формулировании условий применения мер безопасности, говорит сначала о близких родственниках потерпевшего, затем о его родственниках и только потом о близких лицах. Поэтому было бы логично, если права потерпевшего в случае отсутствия или невозможности участия в деле близких родственников сначала переходили бы к родственникам и только потом уже к близким лицам.

Однако вернемся к правовому статусу близких родственников, а если быть точнее, то к правовому статусу близких родственников, родственников и близких лиц потерпевшего, которому преступлением причинена смерть.

Как верно отмечает В. Божьев, анализировавший ч.8 ст. 42 УПК РФ до внесения в нее рассмотренных выше изменений, которые, впрочем, никак не повлияли на существо его рассуждений, из положений данной статьи следует, что закон:

1) по делам о преступлениях, вызвавших смерть лица, считает последнего потерпевшим;
2) допускает в случае смерти потерпевшего переход его прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ, к одному из близких родственников;
3) не отождествляет понятия потерпевшего и его близкого родственника;
4) констатирует переход к близкому родственнику не всего процессуального статуса потерпевшего, а только тех прав, которые обозначены в ст. 42 УПК [9].

Следовательно, применительно к близким родственникам, родственникам и близким лицам логично говорить лишь о некой форме правопреемственности, предусмотренной ч.8 ст. 42 УПК РФ.

Данная позиция опирается на следующие положения.

Потерпевшим признается лицо, которому физический, имущественный, моральный вред причиняется непосредственно преступлением. На это обстоятельство в свое время указывал еще Пленум Верховного Суда СССР [5].

Это положение соответствовало тогда и соответствует сейчас нормам уголовного права об объекте преступления, его объективной стороне и последствиях преступления [4, п. 5].

Близким родственникам, родственникам и близким лицам погибшего вред непосредственно преступлением не причиняется. Их права и законные интересы затрагиваются данным преступлением опосредованно, косвенным образом. Следовательно, потерпевшими они не являются.

Тем не менее, закон наделяет их определенными процессуальными возможностями для защиты своих нарушенных прав и законных интересов путем перехода к ним прав потерпевшего, предусмотренных ст. 42 УПК РФ, что позволяет говорить о некой форме правопреемства.

Вместе с тем, анализ следственной и судебной практики, накопленной до внесения изменений в ч.8 ст.42 УПК РФ, показывает, что близкие родственники лица, которому совершенным преступлением причинена смерть, как правило, участвуют в деле именно в качестве потерпевших [8, стр. 58].

На подобное, в целом не совсем логичное, решение вопроса практических работников когда то ориентировал Пленум Верховного Суда СССР, который в своем ныне не действующем постановлении №16 от 1 ноября 1985 г. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» разъяснил, что в случае смерти потерпевшего один из его близких родственников с учетом достигнутой между ними договоренности *признается потерпевшим*. Если на предоставлении прав потерпевшего настаивают несколько лиц из числа близких родственников погибшего, они также могут быть *признаны потерпевшими* [5].

Мало что изменилось и после вступления в силу УПК РФ. Конституционный Суд РФ, рассмотрев ст. 42 УПК РФ, в целом согласился

с позицией Пленума Верховного Суда СССР по данному вопросу.

Признавая, что близкие родственники непосредственно потерпевшего от преступления, по общему правилу, сами потерпевшими не являются и, следовательно, процессуальными возможностями по защите своих прав и законных интересов, опосредованно затронутых преступлением, не обладают, Конституционный Суд РФ, тем не менее, сделал исключение в случае, когда последствием преступления явилась смерть лица.

В указанной ситуации каждый из близких родственников погибшего может быть признан потерпевшим по делу и, соответственно, получить право на защиту своих законных интересов в ходе уголовного судопроизводства.

«Предназначение нормы части восьмой статьи 42 УПК Российской Федерации состоит не в том, чтобы ограничить число лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве *в качестве потерпевших,* а в том, чтобы определить круг близких родственников погибшего, которые могут претендовать на участие в производстве по уголовному делу в этом процессуальном качестве» [3].

Иными словами, в случае смерти лица в результате совершенного преступления, Конституционный Суд РФ, в качестве исключения, допускает возможность признания потерпевшими лиц, которым преступлением причинен не непосредственный, а опосредованный, косвенный вред, а именно, близких родственников погибшего.

Вслед за Конституционным Судом РФ о возможности признания потерпевшими близких родственников высказался Пленум Верховного Суда РФ, отметив, что «…если преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, являющихся близкими родственниками погибшего, и они настаивают на предоставлении им прав потерпевшего, эти лица *могут быть признаны потерпевшими* с обязательным приведением судом мотивов такого решения» [4, п. 5].

Следует признать, что изложенная позиция, несмотря на всю ее неоднозначность, определенным образом согласуется с положениями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, согласно которой термин жертвы преступления в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы.

Кроме того, она позволяет распространить на близких родственников лица, погибшего в результате совершения преступления, правовой режим жертв преступления.

Почему это важно?

Согласно п.12 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления, государствам настоятельно рекомендуется принимать меры к предоставлению финансовой компенсации семьям, в частности иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособными в результате тяжких преступлений (п.12 Декларации) [6, стр. 23]. Причем, если данная Декларация вправе только рекомендовать указанные действия, то Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений обязывает все ратифицировавшие ее государства, в число которых входит Российская Федерация, в случае «если компенсация не может быть обеспечена из других источников, взять на себя возмещение убытков для лиц, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления» [7, стр. 13].

Таким образом, хотя решение Конституционного Суда РФ и последовавшие вслед за ним разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о возможности признания близких родственников лица, погибшего в результате совершения преступления, потерпевшими по уголовному делу вызывают определенные вопросы в теоретическом плане, тем не менее, они позволяют последним осуществлять защиту своих прав и законных интересов, опосредованно затронутых преступлением, а в определенных случаях рассчитывать на государственную компенсацию, что в целом можно признать положительным моментом.

Вместе с тем, в свете последних изменений, внесенных в ч. 8 ст. 42 УПК РФ, на повестку дня выходит следующий вопрос. Распространяется ли приведенная выше правовая позиция Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, касающаяся близких родственников потерпевшего, погибшего в результате совершения преступления, на его родственников и близких лиц?

В свое время Пленум Верховного Суда РФ прямо говорил, что «принимая во внимание, что

перечень близких родственников, указанный в законе, является исчерпывающим, родственники, не названные в пункте 4 статьи 5 УПК РФ, а также иные лица (например, соседи, знакомые погибшего), не могут быть признаны потерпевшими7» [4, п. 5].

Однако, учитывая законодательное расширение круга лиц, которым могут перейти права потерпевшего, погибшего в результате совершенного преступления, по видимому, следует допустить, что в случае отсутствия у него близких родственников или невозможности их участия в уголовном деле, потерпевшими могут быть признаны его родственники или близкие лица.

Подводя итог проведенному анализу понятия потерпевшего в уголовном судопроизводстве, ст. 42 УПК РФ, в части, касающейся понятия потерпевшего, предлагается изложить в следующей редакции:

«1. Потерпевшим является физическое или юридическое лицо, в отношении которого дознавателем, следователем, судьей вынесено постановление, а судом – определение о признании потерпевшим.

1) физическое лицо признается потерпевшим при наличии достаточных данных полагать, что преступлением или запрещенным уголовным законом деянием невменяемого ему причинен физический, имущественный, моральный вред либо иное ущемление его прав и законных интересов, охраняемых уголовным законом;

2) юридическое лицо признается потерпевшим при наличии достаточных данных полагать, что преступлением или запрещенным уголовным законом деянием невменяемого причинен вред его имуществу, деловой репутации либо совершено иное ущемление его прав и законных интересов, охраняемых уголовным законом».

Учитывая, что термин «потерпевший» имеет как уголовно-правовое, так и уголовно-процессуальное значение, термин «потерпевший» в его уголовно-правовом значении целесообразно заменить на близкий ему по смыслу, но не обладающий уголовно-процессуальным содержанием термин «пострадавший».

Данное нововведение, устранит многозначность понятия «потерпевший» в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях, облегчит анализ и применение как уголовного, так и уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации.

С момента признания лица потерпевшим он является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Выступая на стороне обвинения, потерпевший не только преследует цель возмещения причиненного ему вреда. Интересы потерпевшего в значительной мере также связаны с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, тем более что во многих случаях от решений по этим вопросам зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда [2].

Несмотря на то, что он не несет обязанности доказывания, потерпевший играет существенную роль в уголовно-процессуальной деятельности по выяснению всех юридически значимых обстоятельств дела на различных стадиях.

УПК РФ предусматривает условия для защиты потерпевшим своих законных интересов в ходе производства по уголовному делу. Потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого наряду и одновременно с должностными лицами, уполномоченными осуществлять уголовное преследование от имени государства (ч.1 ст. 21, 22 УПК РФ)

Согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснить потерпевшему его права, обязанности, ответственность и обеспечить возможность осуществления этих прав.

Права потерпевшего регламентированы ч. 2 ст. 42 УПК РФ, а их детализация представлена в статьях УПК, регулирующих производство в различных стадиях уголовного процесса.

Так, согласно ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе:

1) знать о предъявленном обвиняемому обвинении;
2) давать показания;
3) отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и случае отказа от этих

показаний;

4) представлять доказательства;
5) заявлять ходатайства и отводы;
6) давать показания на родном языке или языке, которым он владеет;
7) пользоваться помощью переводчика бесплатно;
8) иметь представителя;
9) участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его представителя;
10) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием и подавать на них замечания;
11) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта;
12) знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе и с помощью технических средств. В случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему;
13) получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций. Потерпевший по ходатайству вправе получать копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы;
14) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а также в предусмотренных законом случаях участвовать в судебном заседании при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора;
15) выступать в судебных прениях;
16) поддерживать обвинение;
17) знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания;
18) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда;
19) обжаловать приговор, определение, постановление суда;
20) знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения;
21) ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ;
22) на основании постановления, определения суда, принятого по заявленному до окончания прений сторон ходатайству потерпевшего, его законного представителя, представителя, получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, в том числе при перемещении из одного исправительного учреждения в другое, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, а также быть извещенным о рассмотрении судом связанных с исполнением приговора вопросов об освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
23) осуществлять иные полномочия, предусмотренный УПК РФ.

Наряду с правами законодатель возлагает на потерпевшего ряд обязанностей (ч. 5 ст. 42 УПК РФ), формулируя их как уголовно-процессуальные запреты, и предусматривает уголовную ответственность за их неисполнение или ненадлежащие исполнение. Так, потерпевший не вправе: уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя и в суд; давать

заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний; разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ; уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

При неявки потерпевшего по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут приводу (ч. 6 ст. 42 УПК РФ).

Потерпевший несет ответственность: за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ); за отказ от дачи показаний, а также за уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (ст. 308 УК РФ); за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

В последующих статьях будут более подробно исследованы вопросы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в досудебном и судебном производстве. Важность такого исследования обусловливается положениями Конституции Российской Федерации о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью, обязанностью государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2), об охране законом прав потерпевших от преступлений, обеспечении государством доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52).

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6997
2. Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/70552618/#ixzz5N2rmI3TN
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-п «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 3.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 9. – Сентябрь.
6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. №16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1986. – № 3.
7. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения. – М., 2000.
8. Европейская Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г. // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения. – М., 2000.
9. Абабков А.В. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1998.
10. Божьев В.П. Предпосылки обеспечения интересов потерпевшего в уголовном процессе // Законность. – 2005. – № 11. – С. 5-11.
11. Мусаев М.А. Жертва преступления в криминологическом, уголовном и гражданско-правовом аспектах // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 119-124.
12. Мусаев М.А. Жертвы преступлений в свете уголовно-правовой и процессуальной политики государства: Учебно-методическое пособие .– М.: Человек, 2012. – 32 с.

13. Мусаев М.А. Защита жертв преступлений. – М.: Человек, 2012. – 392 с.
14. Мусаев М.А. Патерналистская функция государства и проблемы имущественной и психологической реабилитации жертв преступлений // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 7-17.
15. Мусаев М.А. Правовая и социальная защита жертв преступности в России: Монография. – М.: Человек, 2011. – 348 с.
16. Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 118-126.
17. Филиппов А.Р. Криминологические особенности анализа личности и поведения жертв насильственных преступлений, совершенных подростками, членами смешанных организованных преступных групп // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 143-150.

ЛОГУНОВ Олег Владимирович,
заместитель Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

РОГАНОВ Сергей Александрович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

РОГАНОВА Татьяна Львовна,
старший научный сотрудник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.
Лекция

В результате изучения данной темы обучающийся должен:

Знать: *понятие принципов уголовного процесса, их признаки, сущность, значение; систему и классификацию принципов уголовного процесса, содержание отдельных принципов, системные связи между принципами.*

Уметь: *разграничивать один принцип процесса от другого, принципы от иных правил, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность; определять системную взаимосвязь между процессуальными нормами и институтами, обеспечивающими действие отдельных принципов.*

Владеть навыками: *толкования уголовно-процессуального закона и применения его в конкретной фактической ситуации в соответствии с назначением уголовного судопроизводства и системой его принципов.*

Ключевые термины: *уголовно-процессуальные принцип; система принципов в уголовном процессе; состязательность; презумпция невиновности; неприкосновенность личности; язык уголовного судопроизводства.*

LOGUNOV O.V.
ROGANOV S.A.
ROGANOVA T.L.

PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS.
Lecture

As a result of studying this topic, the learner must:

To know: *the concept of the principles of the criminal process, their signs, essence, meaning; system and classification of the principles of the criminal process, the content of individual principles, systemic links between principles.*

To be able: *to distinguish one principle of the process from another, the principles from other rules governing criminal procedure activity; determine the systemic relationship between procedural*

norms and institutions that ensure the operation of individual principles.

To have the skills: *interpretation of the criminal procedure law and its application in a concrete factual situation in accordance with the purpose of criminal proceedings and the system of its principles.*

Key terms: *criminal procedure principles; system of principles in the criminal process; competitiveness; presumption of innocence; inviolability of the person; language of criminal proceedings.*

Понятие, сущность и значение принципов уголовного процесса

Принцип (от лат. principium – начало) означает основное, исходное положение какой-либо науки, руководящее положение, основное правило для какой-то определенной деятельности.

Уголовно-процессуальные принципы *– это юридически оформленные руководящие положения, закрепляющие наиболее общие и существенные свойства уголовного процесса, которые выражают его природу, социальную сущность и направленность, определяют основные правила уголовно-процессуальной деятельности.*

Определяя таким образом уголовно-процессуальные принципы, авторы в то же время подчеркивают, что это не декларативные юридические идеи, а объективно необходимые нормы, представляющие собой общеобязательные критерии уголовного судопроизводства, определяющие его характер в целом и позволяющие дать оценку уголовно-процессуальным действиям и принципиальным решениям по уголовному делу [50, стр. 27].

Сущность уголовно-процессуальных принципов в том, что это не просто юридические идеи, а объективно необходимые общеобязательные критерии, определяющие характер уголовного судопроизводства в целом и позволяющие дать оценку уголовно-процессуальной деятельности и принимаемым решениям по уголовному делу. Первоначально уголовно-процессуальные принципы присутствуют в праве неосознанно, проявляясь во множестве уголовно-процессуальных норм. Однако с развитием права и роста правосознания принципы осознаются как определенная ценность, достижение развития общества и вычленяются в качестве определенных юридических идей, которые со временем закрепляются в законе (в Кодексах) в виде конкретных правовых предписаний и приобретают относительную самостоятельность.

Принципы формируются в соответствии с политикой государства в области правосудия, то есть уголовно-процессуальной политикой [6; 7; 8; 9; 43; 44]. Первоначально они появляются в виде идей, которые в дальнейшем в процессе правотворчества постепенно закрепляются в действующем законодательстве в качестве самостоятельных норм.

Принципы уголовного процесса отражают тип государства и соответствующее ему законодательство, уровень развития уголовно-процессуальной науки, судебной практики и правосознания общества.

Принципы российского уголовного судопроизводства определяются социально-экономическим уровнем Российского государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих права и свободы человека и гражданина. Именно поэтому принципы уголовного процесса тесно связаны с общеправовыми принципами, закрепленными в Конституции Российской Федерации: верховенство закона (ст. 15); равенство всех перед законом и судом (ст. 19); неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (ч. 1 ст. 23); право на пользование родным языком (ст. 26) и др.

Их принято называть конституционными принципами российского уголовного процесса [17; 23; 48].

Не каждое общеправовое положение является принципом уголовного судопроизводства. Существуют признаки, позволяющие отличить принципы от иных правил уголовного процесса:

1. Принцип как норма должен быть закреплен в законе, принятом высшим органом законодательной власти, и обладать высшей юридической силой. Принципы не должны вырабатываться доктринальным способом, то есть

по усмотрению отдельных ученых, поэтому они закрепляются законодательным способом. Таким образом, те идеи, которые не закреплены в законе, не являются принципами уголовного процесса.

Большинство принципов уголовного судопроизводства закреплены в Конституции Российской Федерации, но некоторые из них содержатся в отраслевом законодательстве, то есть в УПК РФ и некоторых других законодательных актах.

В принципах уголовного процесса отразились положения таких международно-правовых актов, как Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах и др.

2. Принцип, как правило поведения, должен обеспечиваться принудительной силой государства. В связи с этим принцип имеет трехзвенную структуру – гипотезу, диспозицию, санкцию. Так, например, при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации). Принципы уголовного процесса носят императивный, властно-распорядительный характер, являются общеобязательными предписаниями, исполнение которых обеспечивается принудительной силой государственного воздействия. Обязательность принципов уголовного процесса обеспечивается их закреплением в Конституции Российской Федерации, которая имеет высшую юридическую силу на территории Российской Федерации. Соблюдение принципов уголовного процесса гарантируется внутригосударственным законодательством, которое обеспечивает отмену или изменение незаконного или необоснованного действия (бездействия) или решения должностного лица, государственного органа, а также международными нормами права, например, правом граждан обращаться в Европейский Суд по правам человека и другие межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации).

3. Принцип, будучи уголовно-процессуальной нормой, должен иметь основополагающее значение для всего уголовного процесса, а также должен определять его главные черты;

4. Принцип как норма должен находиться в определенном взаимоотношении с другими нормами-принципами уголовного процесса, как равный с равными, не дублируя друг друга и не вытекая друг из друга. Нормы уголовного процесса меньшей общности (институты, общие условия), не являющиеся принципами, должны вытекать из того или иного принципа, конкретизируя его, согласовываясь с ним. Принцип как норма должен быть общепроцессуальным по своему характеру и относиться ко всем стадиям уголовного судопроизводства. Так, например, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации). Действительно, в суд может обратиться гражданин в любой стадии уголовного процесса – обвиняемый вправе обжаловать незаконное заключение под стражу в стадии предварительного расследования и он же, будучи подсудимым, вправе обжаловать вынесенный приговор до его вступления в законную силу. Любой участник уголовного процесса в любой стадии судопроизводства вправе обжаловать любое решение или действие любого должностного лица (ст. 22 УПК РФ). Однако не все принципы уголовного процесса реализуются на всех стадиях уголовного процесса, потому что пределы действия того или иного принципа определяются как общими, так и конкретными задачами отдельных стадий уголовного процесса, но все они находят свое выражение на стадии судебного разбирательства.

5. Принцип как норма должен являться элементом системы принципов, которая, в свою очередь, обеспечивает эффективное функционирование уголовного судопроизводства и успешное решение задач уголовного процесса.

Значение принципов уголовного процесса заключается в том, что они служат достижению целей и задач уголовного судопроизводства. Если хоть один из принципов уголовного процесса будет нарушен, то осуществление задач уголовного судопроизводства будет невозможно. Например, нарушение принципа законности делает абсурдным разговор о справедливости судопроизводства в целом.

Таким образом, принципы уголовного процесса, закрепленные в Конституции Российской Федерации и УПК РФ, определяют главные черты российского уголовного судопроизводства и весь его характер. Они пронизывают всю систему норм уголовно-процессуального закона

Российской Федерации, дают возможность определить сущность всего уголовного процесса.

Система и классификация принципов уголовного судопроизводства

Принципы уголовного судопроизводства тесно связаны между собой, их взаимопроникновение и взаимодополнение образует определенную систему. Принципы не просто суммируются в систему, они образуют ее как целое явление, обладающее особым, интегративным качеством. Только система принципов в их совокупности может гарантировать достижение целей уголовного процесса. В этом заключается ее новое качество, которым не обладает ни один из принципов, взятых в отдельности. Система принципов уголовного судопроизводства является ярко выраженной целенаправленной системой, потому что все принципы находятся в жестком иерархическом подчинении по отношению к цели. Нарушение одного принципа уголовного процесса, как правило, влечет нарушение ряда других принципов.

В главе 2 УПК РФ приведена система принципов уголовного судопроизводства, в нее включены:

1. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (назначение уголовного судопроизводства) (ст. 6 УПК РФ);
2. Разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ);
3. Принцип законности (ст. 7 УПК РФ);
4. Принцип осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ);
5. Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ);
6. Принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ);
7. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ);
8. Принцип неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ);
9. Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ);
10. Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ);
11. Принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ);
12. Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ);
13. Принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ);
14. Принцип национального языка судопроизводства (ст. 18 УПК РФ);
15. Принцип, обеспечивающий право на обжалование процессуальных действий и решений государственных органов и должностных лиц (ст. 19 УПК РФ).

Все они вместе и каждый из них в отдельности достаточно подробно исследуются в юридической литературе [12; 14; 16; 24; 25; 26; 27].

Большинство принципов прямо закреплено в отдельных статьях Конституции Российской Федерации в виде конкретных правовых правил (например, ст.ст. 21-23, 46-49 и др.), а механизм их реализации применительно к уголовному судопроизводству раскрывается в УПК РФ. Поэтому нарушение принципов уголовного процесса в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела приводит к нарушению не только положений УПК, но и норм Конституции Российской Федерации.

Принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в УПК РФ, в специально отведенной для них главе 2 (ст.ст. 6-19 УПК РФ), конкретизируются в дальнейшем в других нормах Общей и Особенной части УПК РФ. Например, принцип уважения чести и достоинства личности более детально закреплен в ст. 164 УПК РФ, где указаны общие правила производства следственных действий и подчеркнуто, что «при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц» (ч. 4 ст. 164 УПК РФ).

Важно заметить, что принципы уголовного судопроизводства содержатся не только в гл. 2 УПК РФ, но и в других главах закона. Например, принцип гласности (ст. 241 УПК РФ). Принципу публичности (ст. 21 УПК РФ) присуще общеправовое содержание. Принцип публичности происходит от самого понятия правосудия, то есть судопроизводства «правильного», основанного

на законе.

Принципы уголовного процесса могут быть классифицированы. Так, например, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский [47, стр. 81], считают, что такая классификация может проводиться по следующим основаниям:

? по степени общности (абстрактности) принципы делятся на общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные;
? по источнику закрепления – закрепленные в международно-правовых актах, Конституции Российской Федерации (конституционные), УПК РФ (специфические);
? по сфере действия – организационные или судоустройственные (определяющие построение правоохранительной системы) и функциональные или судопроизводственные (определяющие процессуальную деятельность);
? по типам уголовного процесса – принципы розыскного и публично-состязательного судопроизводства.

Некоторые ученые считают, что не все принципы уголовного процесса равнозначны. Есть универсальные нормы-принципы, которые пронизывают все стороны уголовного судопроизводства, контролируют все его институты, и поэтому отступление от них всегда делает процесс недемократичным, несостязательным, несправедливым. Такими нормами-принципами являются: равенство сторон, независимость суда и др. Другие нормы-принципы являются как бы производными от универсальных норм и сфера их действия относительно ограниченна – они управляют не всеми институтами судопроизводства, а только теми, которые к ним непосредственно относятся (так называемые институциональные), например, принцип непосредственности исследования доказательств, свободной оценки доказательств, устности, гласности, недопустимости повторного уголовного преследования за одно и то же деяние, истины, неприкосновенности личности и др.

Конституционными являются такие принципы, которые закреплены непосредственно в Конституции Российской Федерации, но реализуются во многих отраслях права. Так, принцип законности действует не только в уголовном процессе, но и в уголовном праве, гражданском, жилищном и других. В Конституции Российской Федерации закреплены общеправовые принципы, которые, отражая сущность правового демократического государства, содержат гарантии прав и свобод человека и гражданина. При этом именно человек, его права и свободы признаются высшей ценностью по отношению к интересам государства (ст.ст. 2, 17, 18 Конституции Российской Федерации). К конституционным принципам относятся, например, принцип законности (ст. 7 УПК РФ, ст. 15 Конституции Российской Федерации); принцип осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ, ст. 118 Конституции Российской Федерации); принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ, ст. 21 Конституции Российской Федерации); принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ, ст. 22 Конституции Российской Федерации); принцип охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ, ст. 118 Конституции Российской Федерации); принцип неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ, ст. 25 Конституции Российской Федерации); принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ, ст. 23 Конституции Российской Федерации); принцип публичности (ст. 21 УПК РФ, ст.ст. 2, 18 Конституции Российской Федерации); принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ, ст. 49 Конституции Российской Федерации); принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ, ст. 123 Конституции Российской Федерации); принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ, ст.ст. 2, 45, 46, 48 Конституции Российской Федерации); принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ, ст. 120 Конституции Российской Федерации); принцип национального языка судопроизводства (ст. 18 УПК РФ, ст. 26 Конституции Российской Федерации); принцип, обеспечивающий право на обжалование процессуальных действий и решений государственных органов и должностных лиц (ст. 19 УПК РФ, ст. 46 Конституции Российской Федерации); принцип независимости судей и подчинения их только закону (ст. 120 Конституции Российской Федерации). Некоторые ученые включают в данный перечень и другие принципы уголовного судопроизводства, однако в УПК РФ данные нормы отнесены к общим условиям судебного

разбирательства, например, принцип сочетания коллегиальных и единоличных форм осуществления правосудия (ст. 31 УПК РФ).

Конституционные принципы являются нормами прямого действия, то есть они могут применяться непосредственно, независимо от того, внесены ли они в УПК РФ. Так было со ст. 51 Конституции Российской Федерации до принятия УПК РФ.

Специфическими являются такие принципы, которые определяются общеправовыми конституционными принципами, но имеют специфическое для уголовно-процессуальной деятельности содержание и реализуются только в уголовном судопроизводстве. Таким образом, специфические принципы могут быть закреплены и в УПК РФ, и в Конституции Российской Федерации. К специфическим (уголовно-процессуальным) принципам относятся, например, принцип презумпции невиновности, принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

Организационные или судоустройственные принципы определяют построение правоохранительной системы (например, глава 7 Конституции Российской Федерации), а функциональные или судопроизводственные регламентируют процессуальную деятельность – это принципы правосудия, то есть нормы, закрепляющие принципы организации и осуществления судебной власти (принцип осуществления правосудия только судом, принцип состязательности сторон, принцип свободы оценки доказательств и др.).

Принципы розыскного процесса подчиняют его идее единства. В нем действуют основополагающие принципы официальности (должностной инициативы) и инструктивности (чрезмерной регламентации). Из них вытекают процессуальное единоначалие, письменность, ревизионное начало, тайность, формализм.

В публично-состязательном уголовном процессе система принципов складывается из основополагающих принципов – равноправия сторон и независимости суда [28; 29; 46; 49]. Из них вытекают принципы очности, непосредственности исследования доказательств, свободной оценки доказательств, устности, гласности, недопустимости повторного уголовного преследования за одно и то же деяние, истины, неприкосновенности личности.

Таким образом, классификация уголовно-процессуальных принципов позволяет определить сферу их действия в российском праве, а также круг отношений, который эти принципы регулируют.

Содержание отдельных принципов уголовного судопроизводства

В действующем уголовно-процессуальном законе отсутствует регламентация задач уголовного судопроизводства, вместо того, в УПК РФ определяется назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

«Назначение» определяется как цель, предназначение [36, стр. 382]. Следовательно, назначение уголовно-процессуальной деятельности – это ее цель, то, к чему надо стремиться; результаты, на достижение которых должны быть направлены действия органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс. В соответствии с ч.1 ст.6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Таким образом, назначение уголовного судопроизводства подчеркивает не карательную, а правозащитную, гуманистическую сущность этого вида правоохранительной деятельности [20; 32; 33; 37; 38; 52].

Защита лиц от преступлений находит выражение в уголовном преследовании лиц, совершивших эти преступления. Поскольку реализация уголовной ответственности, предусмотренной уголовным законом, невозможна без уголовного преследования, законодатель в данной норме подчеркивает, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Иными словами, в ст. 6 УПК РФ в принцип уголовного судопроизводства, по сути, возведено назначение самой уголовно-процессуальной деятельности, т.е. ее задачи и цели [22, стр. 42].

К средствам достижения целей уголовного судопроизводства отнесено:

1) уголовное преследование виновных;

2) назначение виновным справедливого наказания;
3) отказ от уголовного преследования невиновных;
4) освобождение невиновных от наказания;
5) реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию [30; 41].

Рассматриваемый принцип обеспечивает единство производства по всем уголовным делам и служит гарантией законности деятельности его участников во всех стадиях уголовного процесса и в наибольшей степени в стадии судебного разбирательства. Любое нарушение уголовно-процессуального закона, которое путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства ли иным путем повлияло или могло повлиять на постановление законного обоснованного и справедливого приговора (ч.1 ст.381 УПК РФ), по своему характеру препятствует реализации назначения уголовного судопроизводства. Установление подобных нарушений является основанием для отмены или изменения судебного решения судом вышестоящей инстанции. Это правило распространяется и на досудебное производство.

Разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Право на разумный срок уголовного судопроизводства, предусмотренное ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод было отражено в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации ввиду постановления Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) «Бурдов против России» (№ 2) [18]. Нормы ст.6.1 УПК РФ предназначены для регулирования отношений, возникающих между субъектами уголовного процесса по поводу обеспечения права лица на разумный срок уголовного судопроизводства. Лицо не должно длительное время оставаться в неопределенном состоянии относительно результатов рассмотрения своего дела.

Европейский Суд по правам человека определяет разумный срок как период времени, позволяющий избежать чрезмерного, необоснованного промедления при расследовании и рассмотрении уголовного дела. ЕСПЧ связывает последствия нарушения права лица на разумный срок с его эмоциональными переживаниями и душевными страданиями; с чувством разочарования от действий публичных субъектов процесса [34, стр. 4; 40, стр. 3].

Разумный срок уголовного судопроизводства – это период времени в течение, которого субъекты, ведущие уголовный процесс, оперативно обеспечивают реализацию личных и публичных интересов в ходе уголовного преследования или разрешения уголовного дела в суде. Разумный срок начинается с момента появления повода к возбуждению уголовного дела и завершается вынесением последнего судебного решения (обвинительного приговора) по уголовному делу. Часть 3 ст.6.1 УПК РФ конкретизирует разумный срок уголовного процесса – с момента начала уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора.

При определении разумного срока досудебного производства, который включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение потерпевшего и иных участников досудебного производства по уголовному делу, достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а также общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу.

Субъекты, ведущие уголовный процесс, обязаны: создавать условия для реализации лицом права на разумный срок уголовного процесса; защищать интересы такого лица, в том числе своевременно реагировать на его заявление об ускорении производства по делу и принимать меры к такому ускорению, а также обеспечивать компенсационные выплаты за нарушение его права на разумный срок. Должностные лица органов предварительного расследования, прокурор, суд обязаны производить процессуальные действия только в сроки, предусмотренные УПК РФ. Если такие периоды времени

не предусмотрены, то субъекты, ведущие процесс, должны осуществлять свои действия рационально и эффективно, реализуя тем самым положения о назначении уголовного судопроизводства [13; 15; 24].

Процессуальными гарантиями прав лица на разумный срок уголовного судопроизводства являются право на скорый суд, на справедливое судебное разбирательство, доступ к правосудию.

Критериями разумных сроков являются:

1. Сложность уголовного дела (правовая и фактическая).
2. Численность участников уголовного процесса и их поведение.
3. Достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя при осуществлении уголовного преследования и рассмотрения уголовного дела.
3. Специфика доказывания по отдельным категориям уголовных дел.
4. Продолжительность стадий уголовного процесса.
5. Количество ходатайств, приостановлений предварительного расследования, фактов волокиты при производстве процессуальных действий.
6. Сложность в применении нормативных актов.

Заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела при условии длительного не рассмотрения уголовного дела или затягивания процесса. Не позднее 5 суток со дня поступления такого заявления председатель суда принимает решение об установлении срока проведения судебного заседания по делу и (или) иные процессуальные действия по ускорению рассмотрения дела.

Законодательство Российской Федерации предусматривает восстановительную процедуру в случае нарушения права на судопроизводство в разумный срок [2]. Однако Конституционный Суд РФ признал противоречащими Конституции РФ ч. 1 ст. 1 и ст. 3 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и постановил, что потерпевший имеет право на денежную компенсацию за волокиту при вынесении процессуальных решений даже тогда, когда по делу не был установлен подозреваемый [4; 5]. В этом случае потерпевшему необходимо доказывать необоснованность волокиты – например, бездействием следователя или многократное прекращение уголовного дела.

Принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Принцип законности имеет свою самостоятельную процессуальную сущность: законным считается только такое следственное действие, производство которого в целом отвечает требованиям всех названных выше принципов. В этом смысле понятие законности некоторые авторы отождествляют с понятием справедливости как действия, совершенного должным образом.

Принцип законности пронизывает всю деятельность органов расследования, прокуратуры, суда, а также дозволенную либо обязательную деятельность всех иных субъектов уголовно-процессуальных отношений, обязанных подчиняться закону и соблюдать его предписания. Он находит свое выражение в нормах уголовно-процессуального законодательства. Если федеральный закон противоречит УПК РФ, то суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель не вправе его применять. В случае возникновения указанной ситуации суд должен принять решения в соответствии с УПК РФ. Нарушение норм УПК РФ при производстве по уголовному делу влечет за собой признание собранных таким путем доказательств недопустимыми.

Для того чтобы уголовно-процессуальные действия и принимаемые решения были законными, они должны осуществляться:

1) только уполномоченным на то лицом,
2) в соответствии с законом,
3) в установленной процессуальной форме.

Для соблюдения принципа законности суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель должны неукоснительно следовать тому порядку производства следственных и процессуальных действий, которые установлены законом.

Все принимаемые решения должны быть обоснованными и опираться на соответствующие нормы материального и процессуального права.

Принцип законности определяет действие

всех принципов. Если не будет соблюден принцип законности, то не будут реализованы и остальные принципы правосудия, например, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ).

Соблюдать положения принципа законности обязаны не только участники, осуществляющие производство по делу (суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель), но и граждане, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства (свидетель, защитник, эксперт и др.). Требование соблюдения и исполнения законов распространяется на все стадии уголовного судопроизводства.

Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 3 ст. 7 УПК РФ). Должностные лица, ведущие судопроизводство по делу, могут быть привлечены к различным видам юридической ответственности.

В ФЗ РФ «О полиции» отмечено, что «полиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с законом.

Всякое ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц допустимо только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом.

Сотруднику полиции запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме кого-либо к совершению противоправных действий.

Сотрудник полиции не может в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей ссылаться на интересы службы, экономическую целесообразность, незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц или какие-либо иные обстоятельства.

Применение сотрудником полиции мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав полиции допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом» [3].

Все изложенное позволяет сделать вывод, что принцип законности является универсальным принципом, который воплощается во всех принципах и нормах уголовно-процессуального права, пронизывает все стороны уголовного судопроизводства и в них реализуется.

Принцип осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ). Правосудие является исключительной компетенцией судебной власти. Правосудие в уголовном судопроизводстве представляет собой деятельность суда первой, второй и надзорной инстанции, направленная на разрешение уголовных дел по существу. Необходимо учитывать, что суды, кроме правосудия, осуществляют и другие полномочия, например, контроль за законностью и обоснованностью решений, принятых в ходе досудебного производства по уголовному делу, а также действий, проводимых органами предварительного расследования, при их обжаловании в суд.

Организация правосудия в соответствии с данным положением исключает всякую возможность отправления его каким-либо несудебным органом. Суд имеет исключительное право отправлять правосудие. В соответствии со ст. 49 Конституции Российской Федерации только суд посредством приговора, вступившего в законную силу, вправе признать человека виновным в совершении преступления и назначить ему наказание, предусмотренное законом. Только суд вправе принять решение о применении мер принуждения, ограничивающих права и свободы личности, в том числе и принудительных мер медицинского характера. Правосудие осуществляется не только в ходе судебного разбирательства, но и в других стадиях процесса.

Осуществлять правосудие вправе:

1. Мировые судьи.
2. Районные (городские) суды.
3. Верховные суды республик, краевые и областные суды, городские суды в Москве и Санкт-Петербурге, суды автономной области и автономных округов (то есть суды субъектов Российской Федерации).
4. Верховный Суд Российской Федерации.
5. Военные суды (например, гарнизонные, окружные военные суды).

Создание чрезвычайных судов и судов, не предусмотренных Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», не допускается.

Если суд вынес какое-либо решение, то отменить его может только вышестоящий суд. В этом

проявляется полнота осуществления судебной власти и ее самостоятельность. Решения суда, вступившие в законную силу, обязательны для исполнения всеми государственными органами, должностными лицами, организациями и гражданами.

Подсудимый имеет право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно относится в соответствии с законом.

Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ). Сущность данного принципа заключается в том, что суду, прокурору, следователю и дознавателю при производстве процессуальных действий (например, при задержании, обыске) запрещается допускать унижение чести и достоинства участников уголовного судопроизводства. Кроме того, указанные лица обязаны оберегать честь и достоинство участвующих в деле лиц, принимать необходимые меры к охране безопасности их жизни и здоровья. Этот принцип действует на всех стадиях уголовного процесса [11].

Честь – это общественная оценка личности. Достоинство – это самооценка личности (уважение моральных качеств в себе самом). Охраняется честь и достоинство не только взрослого и дееспособного человека, но и ребенка, а также душевнобольного. Необходимо уважать честь и достоинство всех участников процесса (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, понятых).

В уголовном процессе охрана чести и достоинства проявляется, например, как:

- присутствие понятых того же пола, что и обыскиваемый (освидетельствуемый) при личном обыске или освидетельствовании, связанных с обнажением тела человека (ч. 3 ст. 184 и ч. 4 ст. 179 УПК РФ);
- создание условий, исключающих унижение чести и умаление достоинства граждан при получении образцов для сравнительного исследования (ч. 2 ст. 202 УПК РФ);
- проведение закрытых заседаний суда в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц (ч. 2 ст. 214 УПК РФ).

Согласно ст. 21 Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством и ничто не может послужить основанием для ее умаления. В частности, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто без добровольного согласия не может быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам. Процессуальные действия не должны производиться в ночное время, кроме случаев, предусмотренных законом. При вынесении оправдательного приговора суд не вправе использовать формулировки, которые ставят под сомнение невиновность оправданного или его порочащие.

Термины «пытка» и «насилие» представляют собой синонимические понятия и заключаются в совершении действий, которые причиняют сильную боль и страдание с целью получения от участника процесса сведений, как правило, обвинительного характера (например, признание вины в совершении преступлений). Физическое и психическое насилие могут быть причинены должностными лицами органов предварительного расследования либо иными лицами, действующими с ведома следователя (дознавателя) или его молчаливого согласия.

Доказательства, полученные путем применения насилия, должны признаваться недопустимыми (ст. 75 УПК РФ), а должностные лица, допустившие такие насильственные действия, подлежат уголовной ответственности.

Принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ). Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода и личная неприкосновенность. Данная норма закреплена также в Международном пакте о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19.12.1966). В соответствии с данными актами никто не может быть арестован, заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований.

Под правом личной неприкосновенности следует понимать гарантированную государством свободу человека, состоящую в недопущении посягательств на:

1. Физическую неприкосновенность (жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу);
2. Нравственную неприкосновенность (честь, достоинство, нравственную свободу);
3. Психическую неприкосновенность (нормальное течение психических процессов);
4. Личную безопасность (предоставление

человеку возможности располагать собой, своим свободным временем, по своему усмотрению определять место пребывания, не находиться под наблюдением или охраной).

В уголовном процессе существуют законные ограничения физической неприкосновенности личности, когда в интересах раскрытия преступлений приходится жертвовать некоторыми основными правами граждан.

Сущность принципа свободы и неприкосновенности личности заключается в том, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу без наличия на то законных оснований и без соблюдения процедуры, предусмотренной законом. Лицо может быть заключено под стражу или помещено в медицинский или психиатрический стационар только при наличии судебного решения. Никакой другой орган ограничить свободу человека не имеет права. Порядок принятия такого решения регламентируется законом. Без судебного решения лицо может быть подвергнуто задержанию на срок не более 48 часов (при условии, что за преступление может быть назначено наказание в виде лишения свободы). Возможность продления срока задержания до 72 часов предусмотрена ч. 7 ст. 108 УПК РФ. Задержание и заключение под стражу возможно только в отношении подозреваемых и обвиняемых.

Проверка законности и обоснованности задержания производится прокурором, а затем судом, когда решается вопрос об избрании такой меры пресечения, как заключение под стражу.

«Полиция имеет право задерживать:

1) лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, – по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;
2) лиц, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок, – до передачи их соответствующим органам, учреждениям или должностным лицам этих органов и учреждений;
3) лиц, уклоняющихся от исполнения административного наказания в виде административного ареста, – до передачи их в места отбывания административного ареста;
4) лиц, находящихся в розыске, – до передачи их соответствующим органам, учреждениям или должностным лицам этих органов и учреждений;
5) лиц, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях, – по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены законодательством об административных правонарушениях;
6) военнослужащих и граждан Российской Федерации, призванных на военные сборы, подозреваемых в совершении преступления, – до передачи их военным патрулям, военному коменданту, командирам воинских частей или военным комиссарам;
7) лиц, уклоняющихся от исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия, – до передачи их в учреждения, обеспечивающие исполнение таких мер;
8) лиц, уклоняющихся от следования в специализированные лечебные учреждения для исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера, – по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены федеральным законом;
9) лиц, допустивших нарушение правил комендантского часа, – по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены федеральным конституционным законом;
10) лиц, незаконно проникших либо пытавшихся проникнуть на охраняемые объекты, – до выяснения личности, но на срок не более трех часов;
11) лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих, – до передачи их в лечебные учреждения либо по месту жительства;
12) лиц, совершивших побег из психиатри-

ческого лечебного учреждения или скрывающихся от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение, – до передачи их в психиатрическое лечебное учреждение;

13) лиц, в отношении которых поступило требование о выдаче, – до передачи их иностранному государству по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации или международным договором Российской Федерации» [3].

Порядок задержания граждан сотрудниками и военнослужащими войск национальной гвардии также конкретно регламентирован федеральным законом «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [1; 42; 45].

В случае обнаружения незаконности задержания, заключения под стражу, помещения в медицинский или психиатрический стационар или содержания под стражей свыше срока, предусмотренного законом, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить такое лицо. Лицо, в отношении которого применены меры принуждения (заключение под стражу, задержание), должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью. Администрация изоляторов временного содержания и следственных изоляторов обязана следить за соблюдением правил внутреннего распорядка и пресекать случаи насилия, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения со стороны других содержащихся под стражей лиц, а также сотрудников учреждений.

Важной гарантией реализации данного принципа является право подозреваемого и обвиняемого на обжалование задержания, заключения под стражу и продления срока содержания под стражей, а также заключения в медицинский или психиатрический стационар.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ). В ст. 2 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Соблюдать права человека – обязанность государства. Права и свободы во многом определяют место человека в обществе. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Реализация прав и свобод человека (гражданина) не должна нарушать права и свободы других лиц.

По своей юридической природе термины «права» и «свободы» идентичны. Разграничить права и свободы трудно, да и не всегда нужно.

Статус гражданина вытекает из его особой правовой связи с государством – института гражданства. Права и свободы признаются за любым человеком, находящимся на территории России, независимо от того, является ли он ее гражданином, иностранцем или лицом без гражданства.

В уголовном судопроизводстве каждый участник процесса обладает определенным статусом: потерпевшего, обвиняемого, свидетеля, понятого и т.д. Каждый из них имеет свои права и обязанности, предусмотренные законом. Так, лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство (следователь, дознаватель, прокурор, судья), обязано принимать решение о привлечении лица к участию в деле; в случаях, предусмотренных законом, выносить соответствующее постановление (определение), например, о признании лица потерпевшим, уведомлять его об этом и разъяснять ему соответствующие права, обязанности и ответственность за несоблюдение своих обязанностей; обеспечивать возможность осуществления этих прав. Лицам, обладающим свидетельским иммунитетом и согласным дать показания, дознаватель, следователь, прокурор, суд обязаны разъяснить, что их показания в дальнейшем могут быть использованы в качестве доказательств. Орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны принимать в отношении участников процесса меры безопасности, предусмотренные законом, если имеются достаточные данные, что потерпевшему, свидетелю и иным участникам процесса, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными действиями.

Не разъяснение участнику процесса его прав при проведении следственного действия является существенным нарушением УПК РФ, а полученные в результате такого действия доказательства должны признаваться недействительными.

В отношении защищаемого лица могут применяться меры безопасности, которые обозначены в УПК РФ:

1. Изъятие из протокола следственного

действия данных о личности свидетеля, потерпевшего и других участников процесса (ч. 9 ст. 166).

2. Прослушивание и запись телефонных и иных переговоров по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186).
3. Проведение опознания в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193)
4. Проведение закрытого судебного заседания (п. 4 ч. 2 ст. 241).
5. Проведение допроса в суде без оглашения данных о личности допрашиваемого в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля или потерпевшего другими участниками процесса, о чем суд выносит постановление или определение (ч. 5 ст. 278).

Согласно Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности:

1. Личная охрана, охрана жилища и имущества.
2. Выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности.
3. Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице.
4. Переселение на другое место жительства.
5. Замена документов.
6. Изменение внешности.
7. Изменение места работы (службы) или учебы.
8. Временное помещение в безопасное место.
9. Применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Об охране прав и свобод человека и гражданина свидетельствует институт реабилитации, предусматривающий возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах лица, которому причинен вред незаконными действиями государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью содержатся предложения, направленные на обеспечение всеобщего признания и уважения прав жертв преступлений и злоупотреблений властью, а также на скорейшую выплату им компенсаций за нанесенный ущерб. В частности, предлагается повысить контроль над деятельностью должностных лиц силами общественности (ст. 4); усовершенствовать механизмы административной и судебной власти для оперативного возмещения компенсаций указанным лицам; создать и расширить национальные, добровольные и общественные фонды для выплаты данных компенсаций, оказывать жертвам не только материальную, но и медицинскую, психологическую и социальную помощь (ст.ст. 12-14).

Принцип неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ). Принцип неприкосновенности жилища содержится в ст.25 Конституции РФ. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

Согласно ст.12 УПК РФ без получения на то согласия проживающих в жилище лиц осмотр жилища может быть произведен лишь на основании судебного решения. Согласие на осмотр жилища необходимо получать независимо от того зарегистрированы ли граждане по данному адресу или нет. Согласие несовершеннолетнего (за исключением эмансипированного) не требуется и достаточно получить положительный ответ от его законных представителей. Под жилищем необходимо понимать индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания (п. 10 ст. 5 УПК РФ). Для проведения осмотра в других помещениях (например, помещение предприятия) судебного решения не требуется, так как судебной защите

подлежат конституционные права граждан.

Неприкосновенность жилища распространяется и на другие следственные действия: допрос, проверка показаний на месте, осмотр предметов.

«Сотрудники полиции не вправе входить в жилые помещения помимо воли проживающих в них граждан иначе как в случаях и порядке, установленных федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Проникновение сотрудников полиции в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями (за исключением помещений, земельных участков и территорий дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций), допускается в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также:

1) для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;
2) для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления;
3) для пресечения преступления;
4) для установления обстоятельств несчастного случая.

При проникновении в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, в случаях, предусмотренных ч. 3 настоящей статьи, сотрудник полиции вправе при необходимости произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения и на указанные земельные участки и территории, и осмотр находящихся там объектов и транспортных средств.

Сотрудник полиции, осуществляющий вхождение (проникновение) в жилое помещение, обязан:

1) перед тем как войти в жилое помещение, уведомить находящихся там граждан об основаниях вхождения, за исключением случаев, если промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан и сотрудников полиции или может повлечь иные тяжкие последствия;
2) при проникновении в жилое помещение помимо воли находящихся там граждан использовать безопасные способы и средства, с уважением относиться к чести, достоинству, жизни и здоровью граждан, не допускать без необходимости причинения ущерба их имуществу;
3) не разглашать ставшие известными ему в связи с вхождением (проникновением) в жилое помещение факты частной жизни находящихся там граждан;
4) сообщить непосредственному начальнику и в течение 24 часов представить рапорт о факте вхождения (проникновения) в жилое помещение.

6. О каждом случае проникновения сотрудника полиции в жилое помещение в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов с момента проникновения информируются собственник этого помещения и (или) проживающие там граждане, если такое проникновение было осуществлено в их отсутствие.

О каждом случае вхождения сотрудника полиции в жилое помещение помимо воли находящихся там граждан письменно уведомляется прокурор в течение 24 часов.

Полиция принимает меры по недопущению доступа посторонних лиц в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, и по охране находящегося там имущества, если проникновение сопровождалось действиями, предусмотренными частью 4 настоящей статьи» [3].

По общему правилу без судебного решения также не может производиться обыск и выемка в жилище. Является нарушением закона, если эти следственные действия были проведены без решения суда, но с согласия проживающих в жилище лиц.

Из общего правила имеется исключение, предусмотренное ч. 5 ст. 165 УПК РФ, которое допускает, что в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард

вещи, наложение ареста на имущество не терпит отлагательства, указанные действия могут быть проведены на основании постановления следователя без получения судебного решения. В этом случае следователь в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия обязан уведомить судью и прокурора о производстве следственного действия. Судья проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. В случае, если судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ.

Незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающих в нем лиц, может вызвать уголовно-правовые последствия, предусмотренные ч.1-3 ст.139 УК РФ.

Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ). Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений охраняется законом. В соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения (ч. 1 ст. 13 УПК РФ). Обратим внимание, что уголовно-процессуальный закон включает в перечень объектов охраны не только телефонные, но и иные переговоры. Согласно ч. 2 ст. 13 УПК РФ наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров производятся только на основании судебного решения, порядок получения которого определен в ст. 165 УПК РФ [19; 21].

Переписка подозреваемых (обвиняемых), находящихся под стражей, осуществляется через администрацию следственного изолятора и подвергается цензуре. При этом нет необходимости получать судебное решение.

На основании ч. 2 ст. 13 УПК РФ в исключительных случаях, когда наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров не терпят отлагательства, эти следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения. Судья и прокурор уведомляются о производстве следственного действия в течение 24 часов с момента начала его производства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Следует отметить, что положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ применяются к рассматриваемым следственным действиям по аналогии, поскольку эта норма сформулирована применительно к осмотру жилища, обыску и выемке в жилище, а также личному обыску.

Обеспечению права на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений служит также регламентация оснований и порядка производства наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки в учреждениях связи, контроля и записи телефонных и иных переговоров (ст.ст. 185, 186 УПК РФ).

За незаконное нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений предусмотрена уголовная ответственность.

Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). Среди принципов уголовного судопроизводства центральное место занимает презумпция невиновности, сущность которой определена в ст. 49 Конституции Российской Федерации. Согласно ст. 14 УПК РФ обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Презумпция невиновности означает, что закон считает обвиняемого невиновным, пока те, кто считает его виновным (дознаватель, следователь, прокурор), не докажут это и пока виновность данного лица не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Согласно международно-правовым актам [31] установление виновности обвиняемого в совершении преступления не обусловлено категорически приговором суда, что позволяет признавать лицо виновным и одновременно освобождать его от уголовной ответственности и без вынесения приговора (по амнистии, в связи с деятельным

раскаянием и др.).

В соответствии с п. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 года обвиняемый имеет право считать себя невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в судебном порядке. Это положение реализовано в отечественном уголовно-процессуальном законе в праве обвиняемого возражать против прекращения дела в его отношении по нереабилитирующим основаниям, что влечет рассмотрение дела в обычном порядке (ч. 2 ст. 27 УПК РФ).

Презумпция невиновности оказывает определяющее влияние на правовое положение обвиняемого (подозреваемого, подсудимого). Факт того, что обвиняемый до вынесения в отношении него приговора и вступления его в законную силу считается невиновным, обусловливает необходимость обеспечения ему права на защиту от выдвинутого против него обвинения.

В ч.ч. 2-4 ст. 14 УПК РФ установлены выводы из данного принципа, которые имеют важное теоретическое и практическое значение и в совокупности раскрывают сущность презумпции невиновности:

1. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Действительно, поскольку подозреваемый или обвиняемый по закону невиновны, нет оснований возлагать на них обязанность это доказывать.

2. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Это означает, что подозреваемого (обвиняемого) недопустимо принуждать к даче показаний, представлению доказательств, направленных на опровержение выводов стороны обвинения. Отказ подозреваемого (обвиняемого) от дачи показаний не является обстоятельством, свидетельствующим о его виновности.

3. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в его пользу. Сомнения представляют собой отсутствие в распоряжении должностного лица относимых, допустимых и достаточных доказательств, необходимых для принятия того или иного процессуального решения. Это означает, что, если в ходе доказывания у следователя или суда возникли сомнения в виновности обвиняемого или доказанности того или иного факта и исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств для разрешения возникших сомнений, указанные лица должны принять решение в пользу обвиняемого (прекратить уголовное дело, вынести оправдательный приговор и т.д.). Применение данной нормы позволяет избежать необоснованных и поспешных решений.

4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 303 УПК РФ). Какие-либо предположения, мнения, догадки при решении вопроса о виновности в расчет не принимаются.

Принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ). Принцип состязательности сторон предусматривает такое построение уголовного судопроизводства, при котором функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут осуществляться одним и тем же органом или лицом. Суд занимает активную, но беспристрастную позицию, участники процесса занимают положение сторон (сторона обвинения – функция уголовного преследования, поддержания гражданского иска и сторона защиты – функция охраны прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, ответ на гражданский иск) и отстаивают перед судом свои интересы [35; 39; 51].

Стороны обладают равными процессуальными правами по:

1. Представлению доказательств.
2. Исследованию доказательств.
3. Заявлению ходатайств.

Равенство прав сторон закреплено в ст. 244 УПК РФ. Так, например, и обвинитель, и подсудимый со своим защитником вправе излагать суду свои соображения и выводы по поводу всех вопросов, которые возникают в судебном заседании и отражаются в приговоре: о квалификации преступления, виде и размере наказания и другим.

Значение данного принципа заключается в том, что и функция обвинения и функция защиты отделены от функции правосудия. Соединение данных функций несовместимо с точки зрения логики и психологии. В противном случае суд будет занимать позицию одной из сторон. Суд создает необходимые условия для исполнения

сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Суд не вправе самостоятельно возбуждать уголовное дело, в том числе в отношении нового лица, после чего применять к нему меру пресечения.

Наиболее полно принцип состязательности реализуется в судебных стадиях. Однако и в стадии предварительного расследования данный принцип присутствует. Так, следователь, прокурор, орган дознания и дознаватель отнесены к группе участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи подозреваемому и обвиняемому (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). При отсутствии в судебном заседании защитника принцип состязательности не нарушается, потому что подсудимый самостоятельно осуществляет свою защиту от обвинения и пользуется правами защитника.

В случае отказа государственного обвинителя от обвинения, последний не переходит на сторону защиты, а признает ошибку при утверждении обвинительного заключения или обвинительного акта либо недоказанность обвинения в суде и в связи с этим отказывается от обвинения полностью или частично.

Признание подсудимым своей вины также не соединяет функций обвинения и защиты. Этот факт только свидетельствует об отсутствии спора между стороной обвинения и защиты по вопросам о виновности и другим вопросам.

Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ). Подозреваемый и обвиняемый могут осуществлять право на защиту лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя. Право на защиту позволяет подозреваемому и обвиняемому оспаривать выдвинутое против него подозрение или обвинение в совершении преступления, доказывать свою непричастность к данному преступлению, полную невиновность или меньшую степень вины, а также защищать другие законные интересы (личные и имущественные права и т.п.).

Суд, прокурор, следователь и дознаватель обязаны не только разъяснить подозреваемому и обвиняемому их права, но и обеспечить им возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами. Так, к незаконным способам относятся применение угроз и насилия к свидетелю или потерпевшему.

Важнейшей составляющей данного принципа является право обвиняемого (подозреваемого) иметь защитника и законного представителя. В ст. 51 УПК РФ законом предусмотрены случаи обязательного участия защитника, в ст.ст. 426, 428 УПК РФ – участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, в ст. 437 УПК РФ – законного представителя лица, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера.

Согласно ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Вот почему в стадии предварительного расследования в качестве защитника может быть допущен только адвокат.

В случаях, предусмотренных законом, защитник предоставляется подозреваемому и обвиняемому бесплатно. Если адвокат оказывает юридическую помощь бесплатно, то есть по назначению следователя, дознавателя или суда либо лицо полностью или частично освобождено от несения расходов на оплату юридической помощи, то оплата труда адвоката производится за счет средств федерального бюджета (ч.ч. 4, 6 ст. 132 УПК РФ).

Принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Ст. 17 УПК РФ закрепляет принцип свободы оценки доказательств, состоящий в том, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Внутреннее убеждение представляет собой вывод о доброкачественности доказательств и их достаточности для принятия процессуального решения.

Указанный принцип неразрывно связан с конституционной нормой о независимости судей и подчинении их только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации). Только беспристрастный судья, свободный от влияния и давления, оказываемого на него со стороны государственных органов, должностных лиц, граждан, способен объективно оценить имеющиеся в деле доказательства и вынести законное, обоснованное и справедливое решение по

уголовному делу.

Вместе с тем ст. 17 УПК РФ предусматривает свободную оценку доказательств не только судом (судьей и присяжными заседателями), но и прокурором, следователем и дознавателем.

Оценка доказательств производится и другими участниками уголовного судопроизводства, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, однако, положения ст. 17 УПК РФ адресованы государственным органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство.

Принцип свободы оценки доказательств характеризуется тем, что, с одной стороны, лицо, производящее оценку, не связано оценкой других лиц (должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, иных лиц, общественным мнением), а с другой, – не вправе перелагать эту обязанность на других лиц.

Оценка доказательств свободна, но не произвольна, поскольку осуществляется по внутреннему убеждению судей, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя. В соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК РФ внутреннее убеждение должно быть основано на доказательствах, имеющихся в деле, как обвинительных, так и оправдательных. Иными словами, сведения, не обладающие свойствами доказательств (данные оперативно-розыскной деятельности, документы, не приобщенные к делу, интуиция и т.д.), не могут служить основой для формирования внутреннего убеждения.

Гарантией свободы оценки доказательств должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, является положение, сформулированное в ч. 2 ст. 17 УПК РФ: никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Это правило не позволяет относить к приоритетным какие бы то ни было виды доказательств (заключение эксперта, вещественные доказательства), в том числе так называемые признательные показания. Они так же, как и прочие подлежат сопоставлению с иными доказательствами, имеющимися в деле.

Таким образом, внутреннее убеждение должностного лица формируется в результате практической деятельности и представляет собой результат оценки доказательств.

Принцип национального языка судопроизводства (ст. 18 УПК РФ). Судопроизводство ведется на русском языке или на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. Республики вправе самостоятельно устанавливать свои государственные языки. В Верховном Суде Российской Федерации и военных судах производство по уголовным делам осуществляется только на русском языке. Данная норма отражает конституционное положение, согласно которому на всей территории Российской Федерации государственным языком является русский язык.

Согласно ч. 2 ст. 26 Конституции РФ каждый имеет право пользоваться родным языком. В связи с этим участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, или плохо им владеющим, разъясняется и обеспечивается право бесплатно пользоваться услугами переводчика, а также право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или языке, которым они владеют.

Если лицо владеет языком судопроизводства, но желает пользоваться родным языком, то ему должна быть обеспечена такая возможность. Данный принцип действует на всех стадиях уголовного судопроизводства. Правом на переводчика обладают как стороны процесса, так и свидетель.

При этом все следственные и судебные документы, подлежащие обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому и другим участникам процесса, должны быть переведены на его родной язык или язык, которым он владеет. Значение данного принципа заключается в том, что он является государственной гарантией национального равноправия граждан. Кроме того, участие переводчика не только обеспечивает права участников процесса на пользование родным языком, но и содействует собиранию и закреплению доказательств.

Лица, осуществляющие уголовное судопроизводство (следователь и другие) и владеющие языком, который знает участник процесса, не вправе выполнять функцию переводчика.

Обвиняемым и подозреваемым, которые пользуются услугами переводчика в целях наилучшего обеспечения права на защиту, защитник предоставляется в обязательном порядке. Ограничение права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и защитника пользоваться родным языком является нарушением закона и основанием для

отмены приговора и других процессуальных решений, принятых по делу (п. 5 ч. 2 ст. 381 УПК РФ).

Принцип, обеспечивающий право на обжалование процессуальных действий и решений государственных органов и должностных лиц (ст. 19 УПК РФ). Согласно данному принципу любое действие или бездействие и решение суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном УПК РФ. Например, обвиняемый может обжаловать заключение под стражу, понуждение к признанию своей виновности и т.д. Каждое заинтересованное в деле лицо имеет право на обжалование приговора, определения суда и постановления судьи. В недалеком прошлом приговоры Верховного Суда Российской Федерации не подлежали обжалованию и опротестованию в кассационном порядке. В настоящее время право на обжалование решений Верховного Суда Российской Федерации закреплено в УПК РФ (п. 3 ч. 3 ст. 355). Таким образом, расширены гарантии, направленные на реализацию конституционного права граждан на пересмотр приговора вышестоящим судом (ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации).

Законом установлены порядок и сроки обжалования и рассмотрения жалоб на действия органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда. Согласно ст. 46 Конституции РФ каждый имеет право в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Европейский Суд по правам человека не только рассматривает споры о нарушениях прав человека национальными судебными системами, но и восстанавливает справедливость, решая вопрос о возмещении понесенного ущерба. Это значит, что деятельность Европейского Суда по правам человека повышает ответственность судебных органов за принятые решения по уголовным делам.

Решения Европейского Суда являются обязательными для всех государств-членов Европейского Союза. Его роль в жизни международного сообщества возрастает.

Принцип публичности (ст. 21 УПК РФ). Для успешного решения задач процесса (ст. 6 УПК РФ) требуется активность компетентных государственных органов. Принцип публичности (официальности) выражает государственное начало, поскольку защита граждан и общества в целом от преступных посягательств является важной и ответственной обязанностью государства в лице его правоохранительных органов, а не делом самих граждан [10].

Если руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель обнаружили признаки преступления, то они обязаны в переделах своей компетенции принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, изобличению виновных лиц, а также предотвратить необоснованное уголовное преследование или осуждение лиц либо принять меры к реабилитации невиновного.

Отступления от принципа публичности содержатся в ч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ (дела частного и частно-публичного обвинения, которые возбуждаются только по жалобе потерпевшего).

Руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело по делам частного и частно-публичного обвинения при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в следующих случаях: 1) если преступление совершено в отношении лица, которое находиться в зависимом состоянии от лица, совершившего данное преступление или беспомощном состоянии; 2) если пострадавшее лицо по иным причинам не может самостоятельно осуществлять свои права и законные интересы, в том числе при совершении преступления лицом, данные о котором неизвестны (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). В указанных случаях прокурор вправе осуществлять уголовное преследование независимо от воли потерпевшего. Однако согласно ч. 4 ст. 318 УПК РФ вступление в уголовное дело прокурора не лишает стороны права на примирение по делам частного обвинения.

Нормой, гарантирующей действие принципа публичности, является положение, согласно которому требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, соответствующие их компетенции, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Таким образом, исходя из принципа

публичности государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, наделены широкими властными полномочиями. Только государственные органы, ведущие уголовное судопроизводство, вправе применять меры процессуального принуждения, принимать решения о возбуждении уголовного дела, его направлении и разрешении.

Значение принципа публичности заключается в том, что он направлен на охрану прав и свобод человека и гражданина (потерпевшего, обвиняемого и иных лиц). Из данного принципа вытекает, что защита прав и законных интересов участвующих в деле лиц является обязанностью государственных органов и должностных лиц, в том числе и обеспечение их личной и имущественной безопасности. Именно должностные лица обязаны устанавливать события преступления, собирать доказательства, как обвиняющие и отягчающие уголовное наказание, так и оправдывающие или смягчающие ответственность. Должностные лица органов предварительного расследования обязаны возбуждать уголовные дела публичного обвинения во всех случаях наличия признаков преступления в деянии, осуществлять уголовное преследование в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Приговор суда также выносится от имени государства.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое принципы уголовного судопроизводства, каково их значение в уголовном процессе?
2. Перечислите признаки, характерные для принципов уголовного судопроизводства?
3. Назовите систему принципов уголовного процесса?
4. Перечислите основания для классификации принципов уголовного процесса?
5. Каким образом в уголовном процессе охраняется достоинство личности?
6. Какие меры предусмотрены законом для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства?
7. Охарактеризуйте принцип презумпции невиновности?
8. Каковы гарантии реализации принципа неприкосновенности жилища?

Список литературы

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
2. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.11.2014 г. № 28-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова» // Российская газета. – 2014. – 21 ноября.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.06.2013 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей 1 и четвертой статьи 244-1 и пункта 1 части первой статьи 244-6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой» // Российская газета. – 2013. – 2 июля.
6. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
7. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства:

Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 324 с.
8. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – № 2(36). – С. 10-19.
9. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
10. Александрова Л.А. Публичность как основание уголовно-процессуального права.– М.: Юрлитинформ, 2007. – 144 с.
11. Антонов И.А. Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности: назначение и принципы уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. – 164 с.
12. Антонов И.А., Кондрат И.Н. Принцип «indubioprorео»: нравственно-правовые проблемы, возникающие при его реализации в российском уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 103-107.
13. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Васильева Г.М. Сроки производства по уголовным делам в Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 21-23.
14. Безрядин В.И., Кондрат И.Н. О некоторых проблемах реализации принципов в уголовном судопроизводстве // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 154-162.
15. Васильева Г.М., Горленко В.А., Кондрат И.Н. Реализация права на судебное рассмотрение уголовного дела в разумный срок // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 76-79.
16. Газетдинов Н.И. Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики. – Казань, 2004. – 212 с.
17. Гибов В.В., Кабигранян А.А. Конституционные принципы судебной власти в Российской Федерации: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2007.
18. Дело «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04): постановление ЕСПЧ от 15.01.2009. По делу обжалуется длительное уклонение властей от исполнения вступивших в силу решений, вынесенных в пользу заявителя. Допущены нарушения статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьи 1 Протокола № 1 // Российская хроника Европейского Суда // Приложение к «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека». Спец. вып. – 2009. – № 4. – С. 79-106.
19. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
20. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.
21. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
22. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. – М.: Экзамен XXI, 2002. – 864 с.
23. Кондрат И.Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 7-14.
24. Кондрат И.Н. Международные корни уголовно-процессуального принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 29-31.
25. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
26. Кондрат И.Н. Принципы, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 7-13.
27. Кондрат И.Н. Процессуальные принципы уголовного судопроизводства и права человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 126-134.
28. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. – М.: Российская академия правосудия, 2000. – 368 с.
29. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001. – 384 с.
30. Логунов О.В., Часовникова О.Г. Реабилитация и иное возмещение вреда в российском законодательстве. Лекция // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 126-135.

31. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года; Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года // Международные акты о правах человека: сборник документов / Сост. В.А. Карташкин и Е.А. Лукашева. – М., 1998.
32. Мусаев М.А. Гуманизм в системе правовых принципов: некоторые исходные положения // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 73-80.
33. Мусаев М.А. Место правового гуманизма в структуре защиты и реализации прав и свобод человека и гражданина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 48-57.
34. Некенова С.Б. Принцип обеспечения права лица на разумный срок уголовного судопроизводства: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Саратов, 2015..
35. Никитина И.В. Принцип состязательности и проблемы его реализации в стадии судебного разбирательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
36. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Росс. Академия наук. Институт им. В.В.Виноградова. 4 изд. – М., 1999.
37. Прокофьева С.М. Принципы гуманизма в уголовном судопроизводстве: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 160 с.
38. Прокофьева С.М., Зайцев О.А. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с.
39. Пуртов П.Д. История развития принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 145-151.
40. Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013.
41. Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / Под ред. В.И. Рохлина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 409 с.
42. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
43. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
44. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
45. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Специальные полномочия войск национальной гвардии: задержание, вскрытие транспортного средства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 148-155.
46. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В.В Ершова. – М.: Юристъ, 2006. – 493 с.
47. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: ИНФРА-М, 2015.
48. Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. – М.: Наука, 1988. – 320 с.
49. Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Проспект, 2003. – 720 с.
50. Уголовный процесс: Учебник для юридических вузов. В 2-х частях. Часть 1. Общая часть; Досудебное производство / Шахматов А.В., Рохлин В.И., Сальников В.П., Антонов И.А. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова и В.И. Рохлина.; науч. ред. И.А. Антонов. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 248 с.
51. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 220 с.
52. Щерба С.П., Зайцев О.А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. – М.: Спарк, 1996. – 123 с.

АЛЕКСАНИН Александр Сергеевич,
оперуполномоченный по особо важным делам 2 отдела оперативно-розыскной части (собственной безопасности) ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: aleksgpd@gmail.com

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

УСЛОВИЯ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Анализируются условия получения компьютерной информации, рассматриваются проблемные и спорные вопросы условий проведения оперативно-розыскных мероприятий.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная наука; оперативно-розыскные мероприятия; получение компьютерной информации; закон об ОРД.*

ALEKSANIN A.S.

CONDITIONS FOR OBTAINING COMPUTER INFORMATION IN THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

The summary. *The conditions for obtaining computer information are analyzed, problematic and controversial issues of the conditions for carrying out operational search activities are considered.*

Key words: *operative-search science; operational-search activities; obtaining computer information; law on the ordinance.*

Как известно, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] определяет не только основания, но и условия оперативно-розыскных мероприятий. Условия – правила, установленные в какой-нибудь области деятельности; требования из которых следует исходить [18, стр. 869].

Под условиями проведения оперативно-розыскных мероприятий понимается закрепленная в статье 8 Закона об ОРД совокупность принципов и правил, обеспечивающих баланс, с одной стороны – интересов личности, имеющей право на тайну личной жизни, с другой стороны – общества, заинтересованного в эффективной борьбе с преступностью, своевременном и эффективном выявлении, предупреждении и пресечении преступлений, угроз интересам Российской Федерации [17, стр. 187].

Поэтому можно согласиться с С.И. Захарцевым и В.П. Сальниковым, определяющим условия как правила проведения мероприятий [12; 9]. Об условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий и других проблемах науки ОРД названные ученые подготовили авторитетные труды, на которых мы будем базироваться [3; 4; 5; 14; 16; 11; 15].

Условия проведения получения компьютерной информации предусмотрены статьей 8 Закона об ОРД. Их перечень является исчерпывающим и не может быть произвольно дополнен органом, осуществляющим ОРД.

В настоящее время имеется несколько классификаций условий проведения оперативно-розыскных мероприятий [2, стр. 37-53; 19, стр. 317-323]. Наиболее удачной нам представляется классификация, предложенная С.И. Захарцевым, который решил разделять их на два вида:

1. общие;
2. специально предусмотренные [8; 6].

Общие условия относятся ко всем без исключения оперативно-розыскным мероприятиям. Вместе с тем, поскольку мероприятия различны с точки зрения сущности их проведения, ограничения прав человека, закрепления их результатов и т.д., для некоторых из мероприятий имеются специально предусмотренные условия. Таким образом, специально предусмотренными являются условия, определяющие особые правила проведения некоторых мероприятий или мероприятия. Такой подход получил поддержку у большого количества специалистов и можно сказать установился в науке ОРД.

Общим для всех оперативно-розыскных мероприятий, в том числе для получения компьютерной информации, является следующее условие. Гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении них на территории Российской Федерации оперативно-розыскных мероприятий, если иное не предусмотрено федеральным законом. Указанное положение статьи 8 Закона об ОРД корреспондирует требованиям Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом.

Иные условия проведения исследуемого мероприятия относятся к специально предусмотренным.

Получение компьютерной информации допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

1. О признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.
2. О лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.
3. О событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, допускается получение компьютерной информации и без судебного решения, но с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения названного мероприятия, орган его осуществляющий, обязан получить необходимое судебное решение либо прекратить его проведение.

Оперативно-розыскные мероприятия, обеспечивающие безопасность органов, осуществляющих ОРД, проводятся в строгом соответствии с Законом об ОРД и исключительно в пределах полномочий указанных органов, установленными соответствующими законодательными актами Российской Федерации. По основанию «обеспечение безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» (пункт 5 части 2 статьи 7 Закона об ОРД), получение компьютерной информации допускается без судебного решения при наличии согласия гражданина в письменной форме.

Исследуя указанные выше условия проведения получения компьютерной информации можно заметить, что в зависимости от ситуации правила проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия различны. На наш взгляд, условия проведения получения компьютерной информации можно разделить на два вида:

1. условия проведения получения компьютерной информации в обычном порядке;

2. условия проведения получения компьютерной информации в особом порядке.

В соответствии с этими условиями, для проведения получения компьютерной информации в обычном порядке установлены следующие правила.

Получение компьютерной информации допускается на основании судебного решения, если у органа имеется информация о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно, или о лицах, планирующих совершить такое преступление либо о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности России.

Вызывает критику суждение ученых, считающих, что под признаками подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния следует понимать признаки неоконченного (на стадиях приготовления или покушения) или оконченного состава конкретного преступления, изложенного в соответствующей статье Особенной части УК РФ [21, стр. 93]. Оперативно-розыскные мероприятия вообще и получение компьютерной информации в частности, могут начаться задолго до того момента, как деяния того или иного лица будут являться с уголовно-правовой точки зрения приготовлением к совершению преступления. Например, стойкое желание лица, совершить акт терроризма путем взрыва жилого дома уголовной ответственности за приготовление к указанному преступлению не влечет, однако свидетельствует о проявлении умысла этого лица на совершение акта терроризма. Получение информации об этом лице будет, на наш взгляд, бесспорным основанием для проведения в отношении него комплекса оперативно-розыскных мероприятий, в том числе, и ограничивающих его конституционные права, каким является получение компьютерной информации. В ходе получения информации с компьютера указанного человека можно, к примеру, увидеть его попытки изготовить своими руками взрывное устройство для взрыва дома. При таких обстоятельствах, результаты получения компьютерной информации позволят не только предотвратить акт терроризма, но и могут быть в дальнейшем использованы в доказывании по уголовному делу. А если названное мероприятие своевременно не начать, то можно пропустить и момент изготовления взрывчатого вещества сговора, и сам террористический акт.

Получение компьютерной информации в обычном порядке проводится на основании судебного решения по постановлению начальника органа, осуществляющего ОРД. Это постановление должно быть мотивированным и в обязательном порядке содержать ссылку на наличие конкретных данных, перечень которых указан в части 2 статьи 8 Закона Об ОРД.

Постановление о получении компьютерной информации, как следует из статьи 9 названного закона, рассматривается уполномоченным на то судьей единолично и незамедлительно. По требованию судьи ему могут представляться и другие материалы, касающиеся оснований для проведения получения компьютерной информации, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе [20].

По результатам рассмотрения постановления о проведении получения компьютерной информации (а, если необходимо, и других материалов) судья разрешает, либо запрещает его осуществление. Решение судьи о разрешении, либо запрещении проведения названного мероприятия должно быть оформлено мотивированным постановлением. Судья не вправе вместо вынесения собственного постановления наложить на предоставленное ему постановление резолюцию [22].

Названное постановление судьи составляется в произвольной форме. Однако, по справедливому мнению А.Ю. Шумилова, в нем обязательно должно быть отражено:

- какой именно орган просит о проведении получения компьютерной информации;
- представлялись ли судье какие-либо дополнительные материалы, либо решение вынесено только на основании постановления;
- соблюдены ли основания и условия получения компьютерной информации, установленные в законе;
- решение судьи;
- мотивировка решения судьи;
- название документа, дата, время и др. [21, стр. 137].

Срок действия постановления, вынесенного судьей, о разрешении проведения получение

компьютерной информации исчисляется в сутках со дня его вынесения и не может превышать 180 суток, если иное не предусмотрено в самом постановлении. При этом течение срока получения компьютерной информации не прерывается. При необходимости продления срока действия постановления судья выносит решение на основании вновь предоставленных материалов.

В случае, если судья отказал в получении компьютерной информации, орган, осуществляющий ОРД, вправе обратиться по этому же вопросу в вышестоящий суд.

Как отмечено выше, помимо указанного обычного порядка получения компьютерной информации, Закон об ОРД предусматривает и особый порядок проведения названного оперативно-розыскного мероприятия.

Особый порядок получения компьютерной информации в соответствии с Законом об ОРД возможен в следующих обстоятельствах.

1. В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (часть 3 статьи 8 Закона об ОРД).
2. По обеспечению безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (часть 10 статьи 8 Закона об ОРД).

В практической деятельности органов, осуществляющих ОРД, возникают ситуации, при которых соблюсти обычный порядок получения компьютерной информации и при этом предотвратить преступную деятельность того или иного лица, либо зафиксировать ее, не представляется возможным. Такие ситуации названы законодателем как «случаи, которые не терпят отлагательства». В указанных случаях допускается получение компьютерной информации с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. Как отмечено в Законе об ОРД, в течение 48 часов с момента начала проведения получения компьютерной информации, орган его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение.

С.И. Захарцев, В.П. Сальников и Ю.Ю. Игнащенков верно обратили внимание на один из нюансов этого условия. Из содержания части 3 статьи 8 Закона об ОРД следует, что оперативно-розыскные мероприятия, в том числе получение компьютерной информации в случаях, которые не терпят отлагательства, может начаться без судебного решения при наличии данных о событиях и (выделено нами) действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической информационной или экологической безопасности Российской Федерации, с последующим уведомлением судьи в течение 24 часов [13; 10].

То есть необходимо, чтобы в наличии у органа, осуществляющего ОРД, были данные и о событиях, и о действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности. Если же, буквально понимая законодателя, у органа, осуществляющего ОРД, есть информация, к примеру, только о событиях, создающих угрозу той или иной обозначенной в Законе, безопасности Российской Федерации, то проведение получения компьютерной информации, в случаях не терпящих отлагательства, запрещено.

Понятия «событие» и «действие» по своему содержанию различны. Событие – это то, что произошло; тот или иной факт общественной или личной жизни [18, стр. 766]. Действие – это поступки, поведение и т.д. [18, стр. 159]. Преднамеренные поступки человека, направленные, к примеру, на загрязнение большой территории радиоактивными элементами, являются действиями, могущими немедленно создать угрозу экологической безопасности России, при этом каких-либо событий в данном случае еще не произошло. Возможны и обратные ситуации: событие, создающее угрозу военной, государственной, экономической информационной или экологической безопасности, произошло, а действия аналогичного характера пока не совершены. Следовательно, проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и получение компьютерной информации, при наличии данных только о действиях или только о событиях, не просто возможно, но и необходимо.

Очевидно, что законодатель в данном случае допустил техническую ошибку. Безусловно, в диспозиции части 3 статьи 8 Закона об ОРД между словами «событиях» и «действиях» должен использоваться разделительный союз

«или». Надо сказать, что в пункте 3 части 2 статьи 8 Закона об ОРД написано верно «О событиях или действиях (бездействии)…».

Чтобы избежать неверных толкований Закона об ОРД, указанную ошибку следует исправить путем внесения в указанный закон соответствующего изменения.

Как и в обычном порядке, получение компьютерной информации в не терпящих отлагательства случаях проводится по мотивированному постановлению одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД. В постановлении должен быть описан случай и указано, почему он не терпит отлагательства. Помимо того, в постановлении дается ссылка на наличие конкретных данных, перечень которых указан в части 2 статьи 8 Закона об ОРД, отмечается категория тяжести этого преступления.

В течение 24 часов с момента вынесения постановления о получении компьютерной информации о начале проведения указанного мероприятия должен быть уведомлен суд. В Законе об ОРД не указан способ уведомления суда органом, осуществляющим ОРД. Однако мы полагаем, что такие уведомления должны быть только письменными. В законе также не отмечено, кто из должностных лиц, органа, осуществляющего получение компьютерной информации, должен уведомить суд об указанном мероприятии. Практика выработала требование, что такое уведомление обязательно должно быть письменным, подписанным должностным лицом, уполномоченным на принятие решения о проведении исследуемого мероприятия или его замещающее.

Как указано в части 3 статьи 8 Закона об ОРД, в течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия, орган, его осуществляющий, обязан получить судебное разрешение на свои действия либо прекратить его проведение.

Вторым случаем особого порядка проведения получения компьютерной информации является выполнение вышеназванного мероприятия для обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД. В указанном случае получение компьютерной информации допускается без судебного решения при наличии согласия гражданина в письменной форме. Следует отметить, что в данном случае под обеспечением безопасности осуществляющих ОРД органов понимается защита сотрудников таких органов и других лиц от противоправных действий или угроз применения к ним противоправных действий.

К особому порядку относятся также случаи, когда сотрудники подразделения собственной безопасности осуществляющего ОРД органа проверяют действия сотрудников указанного органа, на их возможную причастность к совершению преступлений. Преступления, совершаемые внутри таких органов, также угрожают безопасности.

При обеспечении безопасности органа, осуществляющего ОРД, в соответствии с Законом об ОРД, может получаться информация без разрешения суда не только с компьютеров сотрудников таких органов, но и других лиц. К ним относятся члены семей сотрудников и их близкие. Кроме того, к указанной категории следует отнести лиц, оказывающих содействие указанным органам, в том числе на конфиденциальной основе. При этом, форма содействия названных лиц для возможности проведения мероприятия значения не имеет. Этим реализуется требование Закона, согласно которому при возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим ОРД, а равно членов их семей и близких, эти органы обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации.

На наш взгляд, законодатель справедливо предоставил субъектам ОРД возможность проводить названное мероприятие в отношение таких лиц без судебного разрешения. Сведения о лицах, оказывающих содействие названным органам, составляют государственную тайну и могут быть разглашены лишь в специально предусмотренных законом случаях. Это требование четко соотносится и с частью 3 статьи 9 Закона об ОРД, где указывается, что при судебном рассмотрении материалов об оперативно-розыскных мероприятиях, ограничивающих конституционные права, суду не предоставляются сведения о лицах, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД. Таким образом, чтобы не раскрывать названных лиц и, в то же время, иметь возможность обеспечивать их безопасность, законодатель разрешил не получать

судебное решение на получение компьютерной информации и проводить указанное мероприятие с их письменного согласия.

По аналогичным причинам такой же порядок предусмотрен и для других лиц: негласных сотрудников органов субъектов ОРД, внедренных в организованные преступные группы.

Представляется также, что все лица, подпадающие под рассматриваемый особый порядок получения компьютерной информации, включая сотрудников и членов их семей, по роду своей деятельности объективно имеют больше оснований для опасения за свою безопасность. Следовательно, и в связи с этим, для таких лиц необходим названный упрощенный порядок проведения данного мероприятия.

Следует обратить внимание и на то, что рассматриваемый особый порядок получения компьютерной информации не требует возникновения непосредственных угроз сотрудникам, членам их семей и другим лицам. Получение компьютерной информации, в соответствии с Законом об ОРД, может проводиться и для упреждения возникновение угроз, что является существенной гарантией обеспечения безопасности как органа, осуществляющего ОРД, так и указанных лиц. Разумеется, проведение названного мероприятия возможно только при письменном согласии упомянутых лиц. Надо положительно отметить то, что законодатель обязал органы, осуществляющие ОРД, содействовать обеспечению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, безопасности и сохранности имущества своих сотрудников, лиц, оказывающих им содействие, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств.

Таким образом, можно сделать вывод, что условия получения компьютерной информации имеют упущения в правовой регламентации. С другой стороны, эти упущения понятны, достаточно хорошо разъяснены учеными. Требуются только соответствующие изменения в Закон об ОРД.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: Лекция. – М.: Академия управления МВД России, 2003.
3. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб. Фонд «Университет», 2005. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
4. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 176 с. – Сер. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
5. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
6. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 264 с.
7. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с.
8. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 259 с.
9. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
10. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о допустимости проведения и прослушивания телефонных переговоров по преступлениям небольшой и средней тяжести // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 3. – С. 135-141.

12. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
13. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
14. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
16. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. – 268 с.
17. Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. А.В. Федорова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999. – 336 с.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.
19. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. 2-е изд. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 848 с.
20. Ривман Д.В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». – СПб.: Питер, 2003. – 234 с.
21. Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». – М., 1999.
22. Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». 2-е изд. – М., 2000.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры административного и финансового права МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

БОРИСОВ Олег Станиславович,
заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России (г. Москва, Россия)
E-mail: Akademuprbos@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ, КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Аннотация. *Комментируются статьи Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», регламентирующие вопросы военной службы в данных войсках, их комплектования и подготовки кадров. Приводятся общие правила заключения контрактов на прохождение службы в войсках национальной гвардии.*

Ключевые слова: *войска национальной гвардии; прохождение воинской службы; комплектование; подготовка кадров; контракт.*

SAL'NIKOV V.P.
KONDRAT E.N.
BORISOV O.S.

MILITARY SERVICE IN THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD, MANNING AND TRAINING PERSONNEL FOR THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD

The summary. *Comments on the articles of the Federal Law of July 3, 2016 No. 226-FZ "On the troops of the National Guard of the Russian Federation", regulating the issues of military service in these troops, their manning and training. General rules for concluding contracts for the service in the National Guard troops are given.*

Key words: *troops of the National Guard; the passage of military service; acquisition; personnel training; Contract.*

Глава 4. Личный состав войск национальной гвардии

Глава 4 комментируемого закона устанавливает правовой статус личного состава войск национальной гвардии. Она посвящена отдельным аспектам служебных отношений системе национальной гвардии.

Концептуально-правовую основу государственной службы, в том числе службы в национальной гвардии, составляют нормы Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» [2]. Он в соответствии с Конституцией Российской Федерации определяет правовые и организационные основы системы государственной службы Российской Федерации.

Национальное законодательство всех государств устанавливает особые правила прохождения службы личным составом вооруженных сил и полиции. Возможность такой отраслевой модификации прохождения государственной службы предусмотрена статьей 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации». Согласно данному Закону система государственной службы включает следующие виды государственной службы: государственная гражданская; военная; правоохранительная. Служба в полиции относится к правоохранительной службе.

Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» закрепляет основные принципы построения и функционирования государственной службы независимо от ее вида: федерализм, законность, приоритет прав и свобод человека и гражданина, равный доступ к государственной службе, единство организационных и правовых основ государственной службы, открытость, профессионализм и компетентность государственных служащих, защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность.

Определены также общие условия государственной службы, включая формирование кадрового состава, поступление на службу, установление классных чинов, дипломатических рангов, воинских и специальных званий, исчисление стажа государственной службы, ведение реестров государственных служащих.

Правовой основой воинской обязанности и военной службы являются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [4], другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации в области обороны, воинской обязанности, военной службы и статуса военнослужащих, международные договоры Российской Федерации.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военная служба – особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства, в Вооруженных Силах Российской Федерации и во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – другие войска), в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти и в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях, а гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства, и иностранными гражданами – в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях.

Статья 24. Военная служба, служба в войсках национальной гвардии. Комплектование войск национальной гвардии личным составом.

1. В войсках национальной гвардии предусматриваются военная служба, служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации, государственная гражданская служба.

2. Личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, сотрудников и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) войск национальной гвардии.

3. Комплектование войск национальной гвардии осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации:

1) военнослужащими – путем призыва граждан Российской Федерации на военную службу по экстерриториальному принципу и путем добровольного поступления граждан Российской Федерации на военную службу;

2) сотрудниками – путем добровольного поступления граждан Российской Федерации на службу в войска национальной гвардии;

3) федеральными государственными гражданскими служащими;

4) работниками.

4. Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии должны иметь необходимую профессиональную, правовую и физическую подготовку, умело владеть табельным оружием, специальными средствами и закрепленными за ними вооружением и техникой.

5. Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии подлежат обязательной государственной дактилоскопической регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

6. Должностные лица органов управления войсками национальной гвардии, объединений, соединений, воинских частей и организаций войск национальной гвардии участвуют в отборе граждан Российской Федерации, подлежащих призыву на военную службу, для службы в войсках национальной гвардии.

7. Отбор граждан Российской Федерации, подлежащих призыву на военную службу, для службы в войсках национальной гвардии осуществляется по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области безопасности.

8. Войскам национальной гвардии предоставляется право самостоятельно в порядке, определяемом руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществлять отбор (в том числе на конкурсной основе) кандидатов для поступления на военную службу по контракту в войска национальной гвардии и определять соответствие кандидатов требованиям, предъявляемым к гражданам, поступающим на военную службу (на службу) по контракту, в том числе путем психологических и психофизиологических исследований (обследований) с применением специализированных технических устройств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде.

9. Медицинское освидетельствование граждан, поступающих на военную службу по контракту, на службу в войска национальной гвардии, осуществляется в медицинских организациях уполномоченного федерального органа исполнительной власти либо федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете соответственно уполномоченному федеральному органу исполнительной власти, федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел на эти цели.

10. Перечни воинских должностей, которые могут замещаться военнослужащими женского пола, гражданским персоналом войск национальной гвардии (за исключением воинских должностей, для которых штатом предусмотрены воинские звания высших офицеров, а также воинских должностей, которые могут замещаться федеральными государственными гражданскими служащими), устанавливаются руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

11. Военнослужащим (сотрудникам) и гражданскому персоналу войск национальной гвардии выдаются служебные удостоверения, подтверждающие личность, должность, права и полномочия, предоставленные военнослужащему (сотруднику) войск национальной гвардии. Образцы, категория лиц и

порядок выдачи служебных удостоверений утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Комментарий к статье 24.

Согласно части 1 комментируемой статьи в войсках национальной гвардии предусматриваются военная служба, служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации, государственная гражданская служба.

Военная служба — особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации, в войсках гражданской обороны, инженерно-технических и дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти, Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, федеральном органе специальной связи и информации, федеральных органах государственной охраны, федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях, а также иностранными гражданами в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

Часть 2 комментируемой статьи устанавливает, что личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, сотрудников и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) войск национальной гвардии.

Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» [7] внутренние войска МВД России преобразованы в войска национальной гвардии Российской Федерации.

До внесения изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, регулирующие порядок прохождения военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, порядок поступления на военную службу по контракту на воинские должности, подлежащие замещению сержантами (старшинами) и солдатами (матросами), регламентируется статьями 4 и 5 главы II Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237 [8] и статьями 32-34 раздела V Федерального закона от 28 марта 1998 года №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [4].

Вопросы приема граждан на военную службу по контракту в войска национальной гвардии Российской Федерации, находятся в компетенции командиров воинских частей.

Часть 3 комментируемой статьи содержит норму, согласно которой комплектование войск национальной гвардии осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации:

1) военнослужащими – путем призыва граждан Российской Федерации на военную службу по экстерриториальному принципу и путем добровольного поступления граждан Российской Федерации на военную службу;
2) сотрудниками – путем добровольного поступления граждан Российской Федерации на службу в войска национальной гвардии;
3) федеральными государственными гражданскими служащими;
4) работниками.

Контракт о прохождении военной службы заключается гражданином с Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации письменно по типовой форме в порядке, определенном Положением о порядке прохождения военной службы. В контракте закрепляются добровольность поступления гражданина на военную службу, срок, в течение которого он обязуется проходить военную службу, и условия контракта.

Условия контракта, заключаемого в национальной гвардии России, включают в себя:

- обязанность военнослужащего проходить военную службу в течение установленного контрактом срока, добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами

Российской Федерации;

- обязанность гражданина возместить в случаях, предусмотренных Федеральным законом, средства федерального бюджета, затраченные на его военную или специальную подготовку, а также размер подлежащих возмещению средств;
- право военнослужащего на соблюдение его прав и прав членов его семьи, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяющими статус военнослужащих и порядок прохождения военной службы, включая получение льгот, гарантий и компенсаций.

Директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации, вправе указать в типовой форме контракта конкретные права и обязанности военнослужащих, предусмотренные законодательством Российской Федерации, обусловленные особенностями их военной службы. До разработки внутренних документов национальной гвардии действует Приказ МВД России от 23 июля 2012 г. № 717 [9], в котором определены следующие обязанности граждан, поступающих на военную службу по контракту во внутренние войска МВД России на воинские должности, подлежащие замещению солдатами и сержантами, а также военнослужащих внутренних войск МВД России, проходящих военную службу на должностях солдат и сержантов:

- соблюдать установленные законодательством Российской Федерации запреты и ограничения, связанные с прохождением военной службы;
- уведомлять командиров (начальников), органы прокуратуры Российской Федерации или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений;
- иметь необходимую профессиональную, правовую и физическую подготовку, умело владеть табельным оружием, специальными средствами и закрепленной за ним техникой;
- проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на пригодность к действиям, связанным с применением физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, и на умение оказывать первую помощь пострадавшим;
- выполнять регламент служебного времени; участвовать в мероприятиях, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- заботиться о сохранении своего здоровья, повседневно заниматься закаливанием, физической подготовкой и спортом, воздерживаться от вредных привычек (курения, употребления алкоголя), не допускать употребления наркотических средств и психотропных веществ;
- проявлять патриотизм, способствовать укреплению мира и дружбы между народами, предотвращению национальных и религиозных конфликтов;
- возместить в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» [6], причиненный по его вине реальный ущерб;
- выезжать за пределы гарнизона, на территории которого он проходит военную службу, в порядке, определенном командиром воинской части;
- выезжать из Российской Федерации до окончания срока настоящего контракта только при наличии разрешения уполномоченного должностного лица;
- быть дисциплинированным, бдительным, хранить государственную и военную тайну.

Контракт о прохождении военной службы вступает в силу со дня его подписания соответствующим должностным лицом в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы и прекращает свое действие со дня заключения военнослужащим иного контракта о прохождении военной службы, исключения военнослужащего из списков воинской части, в случаях, указанных в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе», а также в иных случаях, установленных федеральными законами.

Контракт может быть первым или новым.

Первый контракт заключают ранее не проходившие военную службу по контракту:

а) граждане в возрасте от 18 до 40 лет:
- пребывающие в запасе;
- мужского пола, не пребывающие в запасе, окончившие государственные, муниципальные или имеющие государственную аккредитацию по соответствующим укрупненным группам специальностей и направлений подготовки частные образовательные организации высшего образования по образовательным программам высшего образования;
- женского пола, не пребывающие в запасе;
- другие граждане в соответствии с нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации;

б) военнослужащие, проходящие военную службу по призыву и получившие до призыва на военную службу высшее образование, а также военнослужащие, проходящие военную службу по призыву и прослужившие не менее трех месяцев;

в) граждане, не состоящие на военной службе (прошедшие военную службу по призыву), а также проходящие военную службу по призыву, при зачислении в военно-учебные заведения;

г) граждане, обучающиеся в военно-учебных заведениях, имеющие статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву;

д) граждане, окончившие федеральные государственные образовательные организации высшего образования и прошедшие обучение по программам военной подготовки в учебных военных центрах при этих образовательных организациях.

Первый контракт о прохождении военной службы заключается:
- с военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, или иным гражданином, поступающим на военную службу на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание солдата, матроса, сержанта, старшины, – на два года либо на три года по выбору гражданина;
- с военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, или иным гражданином, поступающим на военную службу на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание прапорщика, мичмана или офицера, – на пять лет;
- с военнослужащим, обучающимся в:
- военной образовательной организации высшего образования по образовательной программе высшего образования, – на период освоения указанной образовательной программы и пять лет военной службы после получения высшего образования;
- военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования по программе подготовки специалиста среднего звена, – на период освоения указанной образовательной программы и три года военной службы после получения среднего профессионального образования, а в случаях, установленных Положением о порядке прохождения военной службы, – на период освоения указанной образовательной программы и пять лет военной службы после получения среднего профессионального образования;
- с гражданином, прошедшим обучение по программе военной подготовки в учебном военном центре при федеральной государственной образовательной организации высшего образования и поступающим непосредственно после окончания указанной образовательной организации на военную службу на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера, – на три года или пять лет.

С военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, может быть заключен первый контракт о прохождении военной службы на меньший срок при условии, что общая продолжительность его военной службы по призыву и по первому контракту составит два года, три года (на воинской должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание солдата, матроса, сержанта, старшины) или пять лет (на воинской должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание прапорщика, мичмана или офицера).

С военнослужащим, проходящим военную службу по призыву и изъявившим желание поступить на военную службу по контракту в период чрезвычайных обстоятельств (ликвидация последствий стихийных бедствий, выполнение мероприятий чрезвычайного положения, восстановление конституционного порядка и иные чрезвычайные ситуации) либо для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, не ранее чем за один месяц до истечения срока военной службы может быть заключен контракт о прохождении военной службы на срок от шести месяцев до одного года.

Новый контракт о прохождении военной службы заключается с:

- военнослужащим, являющимся гражданином, за исключением военнослужащего, указанного в подпункте «б» или «в» настоящего пункта, – на срок один год, три года, пять лет, десять лет или на неопределенный срок (до наступления предельного возраста пребывания на военной службе);
- военнослужащим, являющимся гражданином и поступившим в:
  а) военную образовательную организацию высшего образования для обучения по образовательной программе высшего образования или для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук или доктора наук, – на период освоения указанной образовательной программы или на время подготовки и защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук или доктора наук и пять лет военной службы после получения высшего образования или защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук или доктора наук;
  б) военную профессиональную образовательную организацию или военную образовательную организацию высшего образования для обучения по образовательной программе подготовки специалиста среднего звена, – на период освоения указанной образовательной программы и три года военной службы после получения среднего профессионального образования, а в случаях, установленных Положением о порядке прохождения военной службы, – на период освоения указанной образовательной программы и пять лет военной службы после получения среднего профессионального образования;
- военнослужащим, являющимся гражданином и достигшим предельного возраста пребывания на военной службе, – на срок один год, три года, пять лет, десять лет или на меньший срок (до наступления предельного возраста пребывания его на военной службе).

С гражданином, пребывающим в запасе и изъявившим желание поступить на военную службу по контракту в период чрезвычайных обстоятельств (ликвидация последствий стихийных бедствий, выполнение мероприятий чрезвычайного положения, восстановление конституционного порядка и иные чрезвычайные ситуации) либо для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, контракт о прохождении военной службы может быть заключен на срок от шести месяцев до одного года.

Согласно комментируемому закону военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии должны иметь необходимую профессиональную, правовую и физическую подготовку, умело владеть табельным оружием, специальными средствами и закрепленными за ними вооружением и техникой, подлежат обязательной государственной дактилоскопической регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации. Такая регистрация предусмотрена Федеральным законом от 25.07.1998 N 128-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [5]. Согласно с т.1 данного закона «государственная дактилоскопическая регистрация – деятельность, осуществляемая указанными в настоящем Федеральном законе органами исполнительной власти и федеральными государственными учреждениями по получению, учету, хранению, классификации и выдаче дактилоскопической информации, установлению или подтверждению личности человека».

В соответствии с частями 6 и 7 комментируемой статьи должностные лица органов управления войсками национальной гвардии, объединений, соединений, воинских частей

и организаций войск национальной гвардии участвуют в отборе граждан Российской Федерации, подлежащих призыву на военную службу, для службы в войсках национальной гвардии и этот отбор граждан Российской Федерации, подлежащих призыву на военную службу, для службы в войсках национальной гвардии осуществляется по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области безопасности.

При этом войскам национальной гвардии предоставляется право самостоятельно в порядке, определяемом руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществлять отбор (в том числе на конкурсной основе) кандидатов для поступления на военную службу по контракту в войска национальной гвардии и определять соответствие кандидатов требованиям, предъявляемым к гражданам, поступающим на военную службу (на службу) по контракту, в том числе путем психологических и психофизиологических исследований (обследований) с применением специализированных технических устройств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде.

При этом комментируемая статья содержит норму согласно которой медицинское освидетельствование граждан, поступающих на военную службу по контракту, на службу в войска национальной гвардии, осуществляется в медицинских организациях уполномоченного федерального органа исполнительной власти либо федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете соответственно уполномоченному федеральному органу исполнительной власти, федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел на эти цели.

По направлению военных комиссариатов граждане до начала предварительного освидетельствования проходят: флюорографическое (рентгенологическое) исследование органов грудной клетки (если оно не проводилось или в медицинских документах отсутствуют сведения о данном исследовании в течение последних 6 месяцев), ЭКГ исследование, общий анализ крови, анализ крови на вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) и реакция на сифилис, общий анализ мочи. По медицинским показаниям могут проводиться другие исследования.

Особо в комментируемой статье оговаривается процедура замещения воинских должностей военнослужащими женского пола. В связи с этим в данной статье записана норма, согласно которой перечень воинских должностей, которые могут замещаться военнослужащими женского пола, гражданским персоналом войск национальной гвардии (за исключением воинских должностей, для которых штатом предусмотрены воинские звания высших офицеров, а также воинских должностей, которые могут замещаться федеральными государственными гражданскими служащими), устанавливаются руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Согласно комментируемой статье военнослужащим (сотрудникам) и гражданскому персоналу войск национальной гвардии выдаются служебные удостоверения, подтверждающие личность, должность, права и полномочия, предоставленные военнослужащему (сотруднику) войск национальной гвардии. Образцы, категория лиц и порядок выдачи служебных удостоверений утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Статья 25. Подготовка кадров для войск национальной гвардии

1. Подготовка кадров для войск национальной гвардии осуществляется путем:

1) обучения в соответствии с федеральным законом по образовательным программам:

а) основного общего и среднего общего образования, интегрированным с дополнительными общеразвивающими программами, имеющими целью подготовку несовершеннолетних обучающихся к военной или иной государственной службе;

б) среднего профессионального образования;

в) высшего образования;

г) дополнительного профессионального образования;

д) профессионального обучения;

2) профессионально-должностной, командирской и боевой подготовки военнослужащих;

3) профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников.

2. Подготовка кадров для войск национальной гвардии и их дополнительное профессиональное образование осуществляются в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении войск национальной гвардии. Подготовка кадров для войск национальной гвардии в военных образовательных организациях высшего образования Вооруженных Сил Российской Федерации и образовательных организациях высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел осуществляется за счет бюджетных ассигнований, предусматриваемых в федеральном бюджете уполномоченному федеральному органу исполнительной власти на эти цели.

3. Подготовка кадров для войск национальной гвардии в соответствии с пунктом 1 части 1 настоящей статьи осуществляется за счет бюджетных ассигнований, предусматриваемых в федеральном бюджете уполномоченному федеральному органу исполнительной власти на эти цели.

4. Дополнительное профессиональное образование военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность.

5. Порядок организации дополнительного профессионального образования военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, в том числе формы обучения и сроки освоения дополнительных профессиональных программ, устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

6. Военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии, проходящий военную службу (службу) по контракту и имеющий высшее образование, может быть с его согласия направлен на обучение по очно-заочной или заочной форме для получения высшего образования по другой специальности или другому направлению подготовки в порядке, определяемом уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

7. Военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии может получать дополнительное профессиональное образование за пределами территории Российской Федерации на основании международных договоров Российской Федерации.

8. Профессиональная служебная и физическая подготовка сотрудников, профессионально-должностная, командирская и боевая подготовка военнослужащих осуществляются по месту военной службы (службы) военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии.

9. Подготовка офицеров, прапорщиков (мичманов), сержантов (старшин) и младших специалистов войск национальной гвардии может осуществляться в учебных воинских частях (центрах, учебных подразделениях) войск национальной гвардии, а также в образовательных организациях, учебных подразделениях (центрах) других федеральных органов исполнительной власти (на договорной основе). Подготовка прапорщиков (мичманов) также может осуществляться в школах прапорщиков войск национальной гвардии и в учебных воинских частях (центрах, учебных подразделениях) других федеральных органов исполнительной власти (на договорной основе).

Комментарий к статье 25

Статья 25 комментируемого закона регламентирует подготовку кадров для войск национальной гвардии.

В соответствии с п. 11 Указа Президента РФ от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» [7] Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации является правопреемником Министерства внутренних дел Российской Федерации в отношении передаваемых ей органов управления, объединений, соединений, воинских частей, военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также в отношении органов управления, подразделений, специальных отрядов, отрядов мобильных особого назначения, Центра специального назначения и авиационных подразделений, названных в пункте 4 настоящего Указа, в том числе по обязательствам, возникшим в результате исполнения судебных решений.

Согласно п. 13 названного Указа лица, проходящие военную службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и службу в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, а также гражданский персонал войск национальной гвардии Российской Федерации продолжают проходить

военную службу (проходить службу, работать) на замещаемых (занимаемых) должностях без переаттестации и переназначения до проведения соответствующих организационно-штатных мероприятий. Контракты о прохождении военной службы (службы) действуют в течение сроков, на которые они были заключены

До вступления в силу нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих деятельность войск национальной гвардии Российской Федерации и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, действуют нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти и иных федеральных государственных органов, регулирующие деятельность внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации и полиции, а также определяющие порядок осуществления федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности и порядок осуществления вневедомственной охраны;

В силу преемственности деятельности национальной гвардии деятельности МВД подготовка кадров в новой службе в переходный период будет основываться на нормативной основе МВД.

Комментируемая статья устанавливает следующие пути подготовки кадров для войск национальной гвардии. Согласно ст. 24 подготовка кадров для войск национальной гвардии осуществляется путем:

1) обучения в соответствии с федеральным законом по образовательным программам:
   а) основного общего и среднего общего образования, интегрированным с дополнительными общеразвивающими программами, имеющими целью подготовку несовершеннолетних обучающихся к военной или иной государственной службе;
   б) среднего профессионального образования;
   в) высшего образования;
   г) дополнительного профессионального образования;
   д) профессионального обучения;
2) профессионально-должностной, командирской и боевой подготовки военнослужащих;
3) профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников.

Подготовка кадров в МВД осуществляется на основе Приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации от 3 июля 2012 г. № 663 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [10].

В силу преемственности деятельности национальной гвардии деятельности МВД и в соответствии с комментируемой статьей подготовка кадров для войск национальной гвардии и их дополнительное профессиональное образование ведется в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении войск национальной гвардии. Подготовка кадров для войск национальной гвардии в военных образовательных организациях высшего образования Вооруженных Сил Российской Федерации и образовательных организациях высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел осуществляется за счет бюджетных ассигнований, предусматриваемых в федеральном бюджете уполномоченному федеральному органу исполнительной власти на эти цели.

В МВД России, подготовка кадров осуществляется через подразделения центрального аппарата МВД России , территориальные органы МВД России, образовательные учреждения, научно-исследовательские, медико-санитарные и санаторно-курортные организации системы МВД России, окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России, а также иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел.

Департамент государственной службы и кадров Министерства внутренних дел Российской Федерации, выполняя функции головного подразделения МВД России в области кадрового обеспечения, совместно с иными органами, организациями и подразделениями МВД России обеспечивает подготовку кадров.

Руководители (начальники) органов,

организаций и подразделений МВД России организуют и обеспечивают подготовку сотрудников органов внутренних дел на уровне, необходимом для выполнения служебных обязанностей, принимают непосредственное участие в проведении занятий с сотрудниками, осуществляют контроль и несут персональную ответственность за организацию и состояние подготовки кадров.

Кадровые подразделения, включая подразделения профессиональной подготовки, и сотрудники, на которых возложены обязанности по подготовке кадров, осуществляют в пределах своей компетенции функции по организации подготовки кадров.

В системе войск национальной гвардии согласно комментируемой статье подготовка кадров осуществляется за счет бюджетных ассигнований, предусматриваемых в федеральном бюджете уполномоченному федеральному органу исполнительной власти на эти цели.

Дополнительное профессиональное образование военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность это означает, что в переходный период через систему организаций МВД.

Порядок организации дополнительного профессионального образования военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, в том числе формы обучения и сроки освоения дополнительных профессиональных программ, устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. т.е. Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации

Согласно комментируемой статье военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии, проходящий военную службу (службу) по контракту и имеющий высшее образование, может быть с его согласия направлен на обучение по очно-заочной или заочной форме для получения высшего образования по другой специальности или другому направлению подготовки в порядке, который тоже определяет Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

В соответствии с комментируемой статьей военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии, который хочет получать дополнительное профессиональное образование за пределами территории Российской Федерации может его получить на основании международных договоров Российской Федерации. Такая возможность, кроме комментируемого закона, закреплена также в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [3].

Что касается профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников, а также профессионально-должностной, командирской и боевой подготовка военнослужащих, то согласно комментируемой статье, она осуществляются по месту военной службы (службы) военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии.

Подготовка офицеров, прапорщиков (мичманов), сержантов (старшин) и младших специалистов войск национальной гвардии может осуществляться в учебных воинских частях (центрах, учебных подразделениях) войск национальной гвардии, а также в образовательных организациях, учебных подразделениях (центрах) других федеральных органов исполнительной власти (на договорной основе). Подготовка прапорщиков (мичманов) также может осуществляться в школах прапорщиков войск национальной гвардии и в учебных воинских частях (центрах, учебных подразделениях) других федеральных органов исполнительной власти (на договорной основе).

До появления собственных учебных центров в соответствии с существующей практикой МВД по программам первоначальной подготовки:

- в центрах профессиональной подготовки министерств внутренних дел по республикам, главных управлений (управлений) МВД России по иным субъектам Российской Федерации, управлений на транспорте МВД России по федеральным округам, Восточно-Сибирского, Забайкальского линейных управлений МВД России на транспорте .
- в образовательных учреждениях МВД России.
- по основным профессиональным образовательным программам начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального образования в образовательных учреждениях МВД России.

Список литературы

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
2. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 6 декабря 2011 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
4. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // http://constitution.garant.ru/act/right/178405/
5. Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. N 31 ст. 3806.
6. Федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» // Собрании законодательства Российской Федерации от 19 июля 1999 г. N 29 ст. 3682.
7. Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // http://www.kremlin.ru/acts/bank/40689
8. Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» // Собрании законодательства Российской Федерации от 20 сентября 1999 г. N 38 ст. 4534.
9. Приказ МВД России от 23 июля 2012 г. № 717 “О контракте о прохождении военной службы” // http://ppt.ru/docs/prikaz/mvd/n-717-33801.
10. Приказ МВД России от 3 июля 2012 г. № 663 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. – 2012. – № 200. – 31 августа.

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)
E-mail: elenbrylev@yandex.ru

ОГАНЕСЯН Степан Мхитарович,
профессор кафедры теории и истории права и государства Юридического института Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПРАВА, СВОБОДЫ И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ГАРАНТИИ

Аннотация. *Рассматриваются вопросы обеспечения прав, свобод и законных интересов осужденных в Российской Федерации. Перечисляются основные права и свободы, которые не подлежат ограничению. В то же время отмечается, что лишение свободы влечет за собой ограничение и временное приостановление ряда основных прав личности, что вытекает из целей наказания. Приводится классификация прав и свобод в соответствии с основополагающими международно-правовыми документами. Подробно анализируются проблемы обращения с осужденными, поднимаемые на конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.*

Ключевые слова: *осужденные; права и свободы; ограничения; пенитенциарные учреждения; конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.*

BRYLEVA E.A.
OGANESYAN S.M.
SAL'NIKOV M.V.

RIGHTS, FREEDOMS AND LEGITIMATE INTERESTS OF CONVICTS SERVING CRIMINAL SENTENCES: LEGAL RESTRICTIONS AND GUARANTEES

The summary. *The issues of ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of convicts in the Russian Federation are considered. The main rights and freedoms that are not subject to restriction are listed. At the same time, it is noted that deprivation of liberty entails the restriction and temporary suspension of a number of basic rights of the individual, which results from the purposes of punishment. The classification of rights and freedoms is described in accordance with the fundamental international legal documents. The problems of treatment with convicts raised at the UN congresses on the prevention of crime and the treatment of offenders are analyzed in detail.*

Key words: *convicts; rights and freedoms; restrictions; penitentiary institutions; United Nations congresses on the prevention of crime and the treatment of offenders.*

Права человека являются нормативной формой взаимодействия людей, упорядочения их связей, предотвращения противоречий, противоборства конфликтов. Они основаны на сочетании свободы индивида со свободой других людей, с нормальным функционированием государства и общества.

«Права и свободы, – *отмечает М.Б. Смоленский,* – отражают фундаментальные аспекты свободы личности, выражают гуманистические основы жизни общества, защищают пространство личной жизни человека, индивидуальную свободу от вмешательства извне» [70, стр. 13]. «Полноценное обеспечение прав личности возможно только в рамках адекватного культурного пространства, с которым личность идентифицируется» [69, стр. 28].

Процесс формирования института прав человека прошел длительный и трудный путь [26; 27; 44; 63]. Этот путь никогда не проходил в сугубо правовом пространстве. Права человека изначально имели нравственно-этическое, духовно-культурное и религиозное наполнение [54, стр. 13], они всегда соотносились не только с правом, но и справедливостью [37; 38; 75].

Права человека социально-обусловлены и зависят от степени развития цивилизации. Развитие идеи о правах человека необходимо рассматривать во взаимосвязи генезиса самого права, правовых принципов [8, стр. 22].

Энциклопедический словарь по политологии дает следующее определение прав человека: «Права человека есть неотъемлемые свободы и права личности, которые индивид приобретает в силу рождения» [52, стр. 309]. Данное определение связывает возникновение прав и свобод человека с наличием предусмотренных законом обстоятельств.

В учебнике по основам социологии и политологии под редакцией В.П. Сальникова, Г.Д. Ковалева и Д.З. Мутагирова читаем: «Права человека – изначальная ценность, присущая ему как представителю рода человеческого. Их можно представить как нормы и принципы взаимоотношений между людьми и государством, которые создают возможность индивиду действовать по своему усмотрению. По мере демократизации общества эти права дополнялись гражданскими и политическими правами…

В политической науке (данное утверждение касается и юридической науки – Авт.) существует несколько подходов к пониманию прав человека:

- естественно-исторический, представители которого рассматривают права человека как естественные, присущие ему от рождения, данные природой и которые не могут быть отчуждены (в настоящее время этот подход является приоритетным)
- юридический-позитивистский, в основе которого лежит утверждение, что основой и гарантом прав человека является государство
- марксистский подход, различая законы права, понимает под правом волю господствующего класса, возведенную в закон, а, соответственно, права и свободы человека зависят от социального строя, в котором он живет. Маркс четче, чем другие теоретики политики, различал права человека и права гражданина» [51, стр. 301-302].

Система социального регулирования, предусматривающая ограничения в поведении людей, впервые сложилась в условиях первобытного общества. Ограничения в первобытном обществе выражались в виде норм – табу и определялись необходимостью сдерживания биологических

инстинктов.

Большое значение ограничения имеют в установлении подлинной свободы личности. Во французской Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года указывается, что свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другим. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами.

Всеобщая Декларация прав и свобод человека в ст. 29 впервые на международном уровне предусмотрела необходимость и пределы ограничения прав человека. В 1950 году Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепила необходимость ограничения прав человека на региональном уровне. Международные пакты об экономических, социальных и культурных правах, а также Пакт о гражданских и политических правах юридически закрепили ограничение прав человека на международном уровне.

Всеобщая Декларация прав и свобод человека определяет, что ограничения устанавливаются исключительно в целях обеспечения должного признания прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния (ст. 29). Международный пакт о гражданских и политических правах указывает на ограничения в связи с охраной государственной безопасности, здоровья и нравственности населения. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах устанавливает ограничения лишь постольку, поскольку это совместимо с их природой. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится, что ограничения не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они предусмотрены (п. 18).

В юридической литературе нет единства в трактовке понятия «ограничение прав». В различных международных документах также нет единого его толкования. Всеобщая Декларация прав человека (п. 2. ст. 29). Пакт об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4), Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (ст. 24) употребляет термин «ограничения». Пакт о гражданских и политических правах (ст. 4) использует термин «отступление государств от своих обязательств» (ст. 15).

А.В. Малько по отношению к общепринятому понятию ограничений употребляет термин «правовые ограничения» и под ними понимает «установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, это есть сдерживание неправомерного поведения, создающее условия для удовлетворения интересов контрагента (в широком смысле слова) и общественных интересов в охране и защите» [45, стр. 19].

К признакам правовых ограничений относят:

- наступление неблагоприятных условий (угроза или лишение определенных ценностей) для осуществления собственных интересов субъекта;
- уменьшение объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности;
- отрицательная правовая мотивация;
- направлены на защиту общественных отношений, выполняют функцию их охраны [46, стр. 496].

Основным законом, устанавливающим ограничения прав человека, выступает Конституция. Ограничения основных прав, устанавливаемые Конституцией и основанными на ней федеральными законами, представляют собой изъятия конституционного статуса личности. «Кроме того, в качестве ограничений основных прав, – по мнению профессора Б.С. Эбзеева – может также рассматриваться изъятие из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод. В этом последнем случае ограничение основных прав особенно тесно сопрягается с их умалением, под которым подразумевается уменьшение материального содержания основных прав, объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю, минимизация гарантий основных прав…» [74, стр. 7].

Цели ограничений определены универсальными международными актами. Пункт 2 ст. 29 Всеобщей декларации указывает, что целями ограничений прав человека являются: обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей; удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общественного благосостояния в демократическом обществе.

Отмеченные цели названы в Пакте о

гражданских и политических правах и значительно расширены Европейской конвенцией, согласно которой целями ограничений прав человека также являются: поддержание государственной и общественной безопасности или экономического благосостояния страны; предотвращение беспорядков или преступлений; охрана здоровья или нравственности населения; охрана территориальной целостности; защита репутации других лиц; предотвращение разглашения конфиденциальной информации; поддержание авторитета и беспристрастности судебных органов.

Конституция РФ в соответствии с ч. 3 ст. 55 целями ограничений определяет: защиту основ конституционного строя; обеспечение безопасности других лиц; обеспечение безопасности государства. Ст. 56 Конституции допускает ограничение прав в условиях чрезвычайного положения с целью обеспечения безопасности граждан [66; 67; 68].

Таким образом, ограничение прав и свобод направлено на решение следующих задач: поддержание правопорядка; обеспечение личной безопасности; обеспечение внутренней и внешней безопасности общества и государства; создание благоприятных условий для экономической деятельности и охрана всех форм собственности [29; 30; 31; 41].

Следует отметить, что в международных и национальных правовых актах отсутствуют четкие, ясные и определенные критерии ограничения прав и свобод человека. Поэтому представляется целесообразным принять специальный закон и международную конвенцию об общих основаниях и условиях ограничения прав и свобод человека.

«Суть правового ограничения, – *как отмечает А.С. Мордовец,* – состоит в побуждении индивидов к социально полезному поведению, с одной стороны, и сдерживанию их социально вредного поведения, с другой» [48, стр. 52].

Ограничение прав и свобод человека должно соответствовать определенным требованиям, которые направляли бы правовое регулирование в особых условиях, служили бы организующими стержнями, принципами.

Принципиально важным является возможность установления ограничений только Конституцией, федеральным законом и судебным решением.

Важное значение имеет внутренняя связь ограничения прав человека с их разделением на абсолютные и относительные.

Абсолютными правами и свободами являются: право на жизнь, достоинство, право на неприкосновенность, личную и семейную тайны, защиту своей чести и доброго имени, свобода совести и вероисповедания, право на жилище.

Приоритет прав исключает любые ограничения естественных и неотчуждаемых прав и свобод, какими бы законными интересами запрет не мотивировался. Дело в том, что естественные и неотчуждаемые права и свободы относятся категории естественного, «первичного» права, в то время как законные интересы относятся к категории позитивного или «вторичного» права [33, стр. 21].

Не допускаются ограничения по полу, расе, национальности, языку, происхождению, имущественному и должностному положению, месту жительства, отношению к религии, убеждениям, принадлежности к общественным объединениям.

Следует выделить особые отношения государства с осужденными. У них иначе, чем у простых граждан, понимаются отдельные права, в особенности личные. Предметом всеобщего осуждения в России являются условия содержания людей в местах лишения свободы, сводящие заключение к пытке. Чрезмерные ограничения не соответствуют потребностям поддержания охраняемого в обществе порядка. Представляется целесообразным сформулировать принцип соразмерности ограничений.

Основаниями ограничений прав являются обстоятельства, указанные в законе. К ним необходимо отнести: совершение правонарушения, вступление приговора, решения или определения суда в законную силу, введение чрезвычайного и военного положения.

Необходимо отметить круг прав, которые могут быть ограничены, или, другими словами, определить объект ограничений.

Пакт о гражданских и политических правах допускает возможность ограничения права на свободу религии и убеждений (п. 3 ст. 18), права на свободу передвижения и свободу выбора места жительства (п. 3 ст. 19), права на свободное выражение своего мнения (п. 3 ст. 19), права на мирные собрания (ст. 21), права на свободу ассоциаций с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов (п. 2 ст. 22).

Европейская конвенция расширяет перечень

ограничений еще одним – права на полицейскую деятельность иностранцев (ст. 18).

Конституция РФ указывает около 30 разных ограничений, к которым отнесены: обязанность не нарушать права других лиц, возможность ареста, заключения и содержания под стражей, ограничения права на тайну личных сообщений, право на основе закона проникать в жилище, лишение имущества по решению суда, лишение избирательных прав лиц, содержащихся под стражей и другие.

Пределы ограничения прав и свобод – это допускаемые конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека и гражданина. В качестве ограничений основных прав и свобод может также рассматриваться соответствующее нормативному содержанию основных прав и свобод изъятие из круга правомочий. Такие ограничения основных прав можно связать с их умалением, выражающимся в их уменьшении материального содержания основных прав, объема социальных, политических и иных благ [74, стр. 7].

Конституция Российской Федерации установила, что права и свободы гражданина могут быть ограничены только федеральным законом и только в такой мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства. (Часть 3 ст. 55).

Согласно Конституции РФ, ограничения прав и свобод человека допускаются в соответствии с федеральным конституционным законом и образуют определенную систему, которая включает в себя: ограничения общего характера, которые определяют допустимые пределы изъятий из основных прав и свобод; ограничения, устанавливаемые в связи с введением чрезвычайного положения; ограничения в связи с особенностями правового статуса отдельных категорий граждан (например, осужденные к лишению свободы).

Не подлежат ограничению такие основные права и свободы, как: право на жизнь, право на достоинство, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Не подлежат ограничению права на судебную защиту, право каждого на международную защиту своих прав и свобод, на рассмотрение дела в том суде и теми судами, к подсудности которых оно отнесено законом, право на получение квалифицированной юридической помощи, право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда, право на пересмотр приговора вышестоящим судом, право не свидетельствовать против себя и ближних родственников, право на доступ к правосудию, право на возмещение вреда.

Субъектами ограничения прав человека могут быть: суд, прокуратура, учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, судебные приставы, органы ФСБ, войска национальной гвардии, полиция, таможенная служба.

Учреждения и органы государства, исполняющие уголовные наказания, могут ограничивать права человека в следующих формах: смертная казнь, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, ограничение свободы, ограничение по военной службе, принудительные работы, обязательные работы, исправительные работы, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф (ст. 44 УК РФ).

Основные права ограничиваются применительно к душевнобольным, задержанным в уголовно-процессуальном порядке. Наибольшая степень ограничений прав и свобод человека допускается в отношении осужденных к лишению свободы.

Лишение свободы существенно влияет на состояние прав и свобод человека. В ст. 1 ч. 2 УИК РФ сказано, что осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Таким образом, в правовом государстве речь может идти лишь о степени ограничения основных прав и относится это, прежде всего, к осужденным в пенитенциарных учреждениях. Это необходимое требование уголовно-исполнительной политики [62; 64; 65].

Осуждение лица за правонарушение, особенно за преступление, ведет к сужению объема правового статуса. Уголовное наказание в виде

лишения свободы в зависимости от вида преступления может привести к очень существенным ограничениям в правах и свободах. Правовой статус осужденного не может быть статичным, он, в зависимости от поведения осужденного, может меняться в лучшую или худшую сторону. При отбывании наказания к осужденному применяются меры поощрения и взыскания, которые существенно расширяют или сужают права осужденного [20, стр. 68].

Лишение свободы, как наиболее суровое наказание, влечет за собой ограничение и временное приостановление ряда основных прав личности, что вытекает из целей наказания [47; 57; 58; 59; 60].

Одной из основных целей наказания является исправление преступника с помощью средств исправительного воздействия. Применение указанных исправительных средств предполагает ограничение основных прав на постпреступный, пенитенциарный и постпенитенциарный период. Такое ограничение не должно выступать главным в сравнении с другими средствами исправительного воздействия. Ограничение прав и свобод в связи с лишением свободы, как нам представляется, носит вынужденный характер, т. к. без него невозможно применение других средств исправительного воздействия, да и самого наказания.

В соблюдении и реализации конституционно-правового положения осужденного имеет четкое законодательно обоснованное и социально оправданное определение соотношения содержания лишения свободы и существующих ограничений, применительно к осужденным в исправительных учреждениях.

Правовое положение осужденных к лишению свободы существенно изменяется в зависимости от условий отбывания наказания. При этом перевод из одних условий в другие осуществляется администрацией исправительного учреждения. Перевод осужденных в помещения камерного типа (ПКТ), единые помещения камерного типа (ЕПКТ) влечет за собой существенные ограничения правового статуса личности осужденного на продолжительный срок. По сути условия отбывания наказания в ПКТ, ЕПКТ можно сравнить с условиями отбывания наказания в тюрьме. По нашему мнению такой перевод необходимо осуществлять судом, а не администрацией исправительного учреждения и закрепить это положение в статье 87 УИК РФ. По решению суда необходимо устанавливать запреты, предусмотренные в отношении осужденных УИК РФ при исполнении наказания в виде исправительных работ, так как подобные запреты также существенно изменяют содержание наказания и приближают его к ограничению свободы.

Содержание в ПКТ, ЕПКТ влечет за собой не только ограничение правового статуса осужденного, но и оказывает существенное воздействие на его моральное и физическое состояние. Помещения ПКТ и ЕПКТ это по сути камеры, которые плохо проветриваются, имеют недостаточное освещение, мрачный вид. Пребывание в таких камерах продолжительное время представляет собой своего рода пытку, так как вызывает моральные и физические страдания. Представляется целесообразным существенно сократить сроки пребывания в ПКТ, ограничив их тремя месяцами, а ЕПКТ исключить из мер дисциплинарного воздействия как жестокие и негуманные.

Проблема ограничения прав осужденных должна рассматриваться прямо противоположным образом, а именно: в современных условиях речь должна идти о расширении прав осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях. Все ограничения должны носить вынужденный характер, поэтому законодатель должен минимизировать эту вынужденность. Само пребывание в местах лишения свободы должно быть основным аргументом того, что наказание в виде лишения свободы есть наказание, связанное именно с лишением свободы.

Ограничение основных прав личности в условиях лишения свободы, по нашему мнению, должно носить законодательно обоснованный и социально оправданный характер. Нам представляется необходимым определить в законе, начиная с Конституции, в каких именно правах и свободах ограничиваются осужденные полностью, а в каких частично и максимально подробно регламентировать в нормативно-правовых актах пределы и характер ограничений основных прав и свобод человека.

При переходе к свободному демократическому государству, в условиях формирования гражданского общества проблема правового статуса осужденных, отбывающих уголовные наказания, нуждается в серьезном осмыслении, так как является составной частью проблемы прав человека

и гражданина в целом [22, стр. 21].

О сущности того или иного государства можно судить по тому, каким образом и в каком объеме соблюдаются права и свободы человека. В правовом государстве основу отношений между человеком и государством составляют взаимные права и обязанности, взаимная ответственность.

Гармонизация юридических и нравственно-этических начал взаимоотношений общества и государства, всех субъектов правовой политики затрагивает в первую очередь человека, его права и свободы, что прямо вытекает из статьи 2 Конституции Российской Федерации. Человек, его права и свободы в нашем обществе выступают высшей ценностью. Государству отводится роль признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, это его обязанность (статья 2 Конституции РФ).

Не случайно данное правило закреплено в начале нашего Основного закона.

Во вступительном слове Президента Российской Федерации к юбилейному изданию, посвященному 20-летию Конституции Российской Федерации, В.В. Путин подчеркивает: «Новая Конституция определила высшей ценностью права и свободы человека. А их защиту – приоритетом деятельности всех ветвей власти. В этих нормах заложен смысл и предназначение государства: создавать условия для безопасной. Благополучной и комфортной жизни граждан. Именно эта цель стоит во главе угла наших планов…» [1, стр. 3-4].

Сформулированная Президентом позиция касается всех граждан России без каких-либо ограничений. Поэтому реализуя уголовно-исполнительную политику, государственные структуры должны помнить, знать и руководствоваться указанной позицией. Они должны учитывать необходимость гармонизации юридических и нравственно-этических начал во взаимоотношениях, в том числе и с осужденными.

Государству вменяется в обязанность выполнять определенные действия для своих граждан, обеспечивать их чем-либо. Реальная ситуация говорит об обратном. Государство не знает собственных пределов и всегда стремится к неограниченному расширению властного пространства, что ведет, как правило, к ущемлению интересов человека [40, стр. 8].

Очень трудно представить государство и гражданина как равноправных партнеров во взаимоотношениях. Разномасштабность данных социальных величин позволяет «государству, – *по справедливому замечанию В.А. Бачинина и В.П. Сальникова,* – уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [17, стр. 133-134].

Безусловно, гражданскому обществу принадлежит важная роль, в том числе и в реализации уголовно-исполнительной политики, в обеспечении человеческого отношения к заключенным. И в этом ему (гражданскому обществу) существенную помощь могут оказать правовые запреты [13; 14; 15; 16].

Средством ограничения произвола государства как раз может и должен стать правовой запрет. Поскольку политическая власть имеет склонность к различным злоупотреблениям, для нее необходимы надежные правовые рамки, ограничивающие и сдерживающие подобные склонности, ставящие ограничения произволу власти [55, стр. 23].

Юридические запреты в отношении государства должны быть направлены не на собственно управляющее воздействие со стороны государственных структур на человека, а лишь на действия, являющиеся вредными для общества, необоснованно ущемляющие интересы граждан [56, стр. 69]. Косвенные ограничения государственной власти содержатся, прежде всего, в самих правах и свободах человека и гражданина. «Индивидуальные права представляют всего одну черту: они ограничивают права государства, – *отмечал А. Эсмен,* – государство должно воздерживаться от вмешательства в известные области, предоставляя известный простор личной деятельности…» [76, стр. 398]. Юридические ограничения государства должны входить в систему

«сдержек и противовесов» с целью недопустимости излишнего, регулирующего вторжения последнего в частную жизнь. Государственную власть, таким образом, можно ограничить, прежде всего, правами человека и гражданина, которые выступают своеобразным проявлением власти личности, волей гражданского общества.

В юридической литературе под гарантиями прав человека понимают закрепленные законодательством условия, средства и способы, которые непосредственно обеспечивают правомерную реализацию и охрану прав и обязанностей индивида. Н.В. Витрук среди юридических гарантий прав и свобод личности различал гарантии реализации и гарантии охраны (защиты). В качестве гарантий реализации прав и обязанностей он называл закрепленные правовыми нормами пределы прав, средства конкретизации, в том числе путем определения обязанностей контрагентов; юридические факты, с которыми связывается их реализация; процессуальные формы осуществления прав; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной их реализации [23, стр. 203-217].

В число юридических гарантий охраны прав человека, по мнению А.А. Мухортова, следует включить «закрепленные правовыми нормами: меры надзора и контроля для выявления случаев правонарушений; меры правовой защиты; меры юридической ответственности; меры пресечения и другие правоохранительные меры; процессуальные формы охраны прав; меры профилактики и предупреждения правонарушений» [49, стр. 46]. А.С. Мордовец под юридическими гарантиям понимает «систему социально-экономических, политических, нравственных, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов [48, стр. 168].

В учебнике, изданном под редакцией Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова, юридические гарантии обеспечения правового статуса личности определяются как «предусмотренные законодательством условия, с наличием которых законодатель связывает реальную возможность и максимальную эффективность реализации прав, свобод и обязанностей, в комплексе составляющих правовой статус» [72, стр. 158-159].

Юридические гарантии в механизме социально-юридической защиты прав человека, его основных свобод и законных интересов имеют две стороны: гарантированные действия субъектов правоотношения и гарантированные возможности участников правореализации. В первом случае, это независимость судебной власти от правоохранительных органов, подчинение только праву, закону, недопустимость незаконного вмешательства в их деятельность, во втором – это права личности, закрепленные и обеспечивающие неукоснительное соблюдение ее интересов [28, стр. 54].

Юридические гарантии защиты прав человека включают в себя внутригосударственные и межгосударственные механизмы гарантий прав человека и гражданина [53].

Внутригосударственные институты защиты прав человека закреплены в Конституции либо в конституционных законах.

Важнейшей конституционной гарантией является обязанность государства защищать права и свободы человека; право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; право на получение юридической помощи; принцип презумпции невиновности.

Особая роль в защите прав принадлежит Президенту РФ, который является их гарантом. Важнейшая роль в гарантиях прав личности принадлежит Конституционному Суду [12; 35; 42; 71].

Международный механизм осуществляется мировым сообществом и включает в себя меры культурного, политического и юридического характера.

Гарантиями защиты прав осужденных в пенитенциарных учреждениях являются также посещения учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, закрепленные в статье 2 УИК РФ. В целях более эффективной защиты прав осужденных представляется необходимым наделить правом посещения пенитенциарных учреждений без специального разрешения Уполномоченного по правам человека в РФ при исполнении служебных обязанностей. Будет справедливым распространить правило в отношении подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания, и на осужденных, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы. Как известно, в соответствии с Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

Уполномоченный по правам человека имеет право без специального разрешения посещать следственные изоляторы системы исполнения уголовного наказания, изоляторы временного содержания органов внутренних дел и пограничных органов федеральной службы безопасности, гауптвахты, используемые для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, в целях осуществления контроля в пределах своей компетенции [3].

Реализация сформулированного предложения позволит Уполномоченному по правам человека своевременно и беспрепятственно проводить проверки соблюдения прав человека. Право посещения пенитенциарных учреждений без специального на то разрешения должно быть представлено членам европейского комитета по правам человека. Это вытекает из статьи 2, 7, 8 Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания от 26 ноября 1997 г.

Обеспечение прав и свобод гражданина немыслимо вне правового государства, которое отвечает перед гражданами за их обеспечение. Для этого правовое государство должно быть оснащено системой процедур, механизмов, институтов, гарантирующих субъективные права на основе объективного, основанного на праве порядка государственной деятельности. Эти процедуры, механизмы, институты не являются неизменными, они находятся в динамике, совершенствуются, приспосабливаются к изменяющимся условиям жизни общества [61, стр. 13].

Конституция Российской Федерации значительно расширила круг социальных ценностей, облеченных в правовую форму прав и свобод граждан. Расширение круга охраняемых прав и свобод личности возлагает на судебные органы особую ответственность и поднимает его значение, как фактора социальной стабильности и, как основного гаранта реализации прав и свобод гражданина.

Конституция Российской Федерации закрепила принцип верховенства судебной власти в системе государственной защиты прав граждан. Граждане России должны беспрепятственно пользоваться судебной защитой своих прав и свобод, что является признаком гражданского общества и правового государства. Государство обязано также претворять в жизнь гарантии, обеспечивающие воплощение в действительность конституционных прав и свобод граждан. В этих целях государство и его органы создают условия, определяют средства и приемы, способствующие фактическому осуществлению конституционных прав и свобод граждан, их всесторонней охране [34, стр. 3].

Всеобъемлющая система государственной защиты прав и свобод человека и гражданина венчается конституционным правосудием в лице его специального органа – Конституционного суда РФ. Конституционный суд своей важнейшей функцией имеет защиту прав и свобод человека и гражданина [18; 19; 25; 36; 73].

Данное положение, по мнению некоторых западных юристов, в части защиты прав и свобод как основополагающей функции Конституционного суда оспаривается и акцент переносится на его функцию в качестве «стража Конституции». Такая позиция объясняется необходимостью защиты Конституции, возможностью ограничения прав и свобод. Подобный подход представляется неправомерным, так как он открывает государству возможность, вопреки Конституции, манипулировать правами и свободами человека в угоду политической целесообразности. В результате такого подхода деформируется представление о самой сущности прав человека, об их роли как способа контроля за властью, о предназначении института Конституционного суда [32, стр 278].

Важной гарантией обеспечения прав и свобод является возможность подачи индивидуальной и коллективной жалобы на нарушение конституционных прав и свобод.

Современная судебная власть приобретает качественно новые функции, отнюдь не сводимые к тому, что раньше обычно именовалось правосудием. В системе сдержек и противовесов судебная власть характеризуется не столько правосудием, сколько юридической возможностью активно влиять на решения и действия законодательной и исполнительной властей. Такие полномочия, предоставленные суду и используемые им, превращают его в мощную стабилизирующую силу, способную защитить права и свободы граждан, оберегать общество от разрушительных социальных конфликтов [43].

В 1987 г. был принят специальный закон, допускающий обжалование действий должностных лиц [5]. В 1989 г. был принят новый

закон [6], который допускал возможность судебного обжалования не только единоличных действий должностных лиц, но и коллегиальных органов государственного управления. 27 апреля 1993 г. был принят Закон РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан».

Судебное разбирательство имеет большие преимущества перед решением спора в административном порядке. Обжалование решений должностного лица в вышестоящий орган управления порождает у гражданина чувство неуверенности. А рассматривающее жалобу должностное лицо склонно не признавать ошибку, допущенную руководимым им аппаратом.

Подача жалобы в суд в корне меняет положение дела, так как предполагает независимость суда, отсутствие у судей ведомственной заинтересованности, гласность обсуждения, исследование всех доказательств. Гражданин и должностное лицо выступают в суде в качестве равных сторон.

Новый закон делает подконтрольным суду любые действия любых структур и должностных лиц, если возникает опасность ущемления ими законных интересов личности. Закон создал единый механизм судебной защиты для всех граждан Российской Федерации.

21 декабря 1993 года было принято Постановление Пленума Верховного Суда России «О рассмотрении судами жалоб на неправомерные действия, нарушающие права и свободы граждан», в котором с учетом практики самым детальным образом разъясняются положения Закона от 27 апреля 1993 года [4].

В суде могут быть обжалованы коллегиальные и единоличные действия, если ими:

1) нарушены права и свободы гражданина;
2) созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод;
3) на него незаконно возложена какая-либо обязанность;
4) он незаконно привлечен к какой-либо ответственности (материальной, дисциплинарной и другой).

Гражданин вправе обжаловать в суд решения нормативного и правоприменительного характера. В этом смысле в суде могут быть рассмотрены указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные акты министерств и ведомств в случаях нарушения ими прав и свобод.

14 декабря 1995 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» [2].

Лучше иметь отлаженную эффективную систему жалоб и просьб граждан, в том числе осужденных, чем тратить силы и время на решение сложных механизмов контроля за последствиями процедурных нарушений.

Эффективная система обеспечения прав и свобод осужденных заслуживает особого внимания и должна быть основана, скорее, на профилактике, которая направлена на то, чтобы просьбы не породили жалоб, а жалобы – недовольство.

Важное значение имеет разъяснение осужденным настоящих причин отрицательного решения, касающегося их вопроса – тогда будет меньше жалоб и меньше недовольства.

Осужденные в условиях пенитенциарного учреждения находятся в обстановке принуждения и это неизбежно порождает их недовольство и как результат – жалобы. В этом случае нецелесообразно отговаривать их подавать жалобы, следует, скорее, поощрять это как положительный вклад, проявившийся в необходимости надлежащего выполнения администрацией своих обязанностей и соблюдения установленного порядка.

Согласно ст. 19 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» жалобы, адресованные Уполномоченному по правам человека, лиц, находящихся в местах принудительного содержания, просмотру администрацией мест принудительного содержания не подлежат, и в течение 24 часов направляются Уполномоченному. Анализ поступивших жалоб показывает, что администрацией мест принудительного содержания по 2/3 жалоб допускается нарушение сроков их направления от 3 до 30 суток [50, стр. 509].

Необходимо разработать процедуры рассмотрения жалоб и возражений против решений, принятых администрацией исправительного учреждения.

В том случае, если осужденные будут считать, что исправительная система не в состоянии выполнить свои обязательства, они должны иметь возможность подавать свои жалобы в независимые инстанции.

В Минимальных стандартных правилах ООН в Правиле 55 указано, что «пенитенциарные

учреждения и службы должны подвергаться регулярной инспекции со стороны квалифицированных и опытных инспекторов, назначаемых компетентными властями». Инспектора должны, в частности, удостовериться в том, что места заключения управляются в соответствии с действующими законами и предписаниями, и что их деятельность соответствует задачам, поставленным перед пенитенциарными и исправительными службами.

Концепция судебной реформы [9; 10; 11; 24], в качестве отдельного звена судебной системы, предусматривает введение участковых (территориальных) и специализированных (следственных, пенитенциарных и других) судов. Создание специализированных пенитенциарных судов является вполне обоснованным и необходимым для контроля за соблюдением прав и законных интересов осужденных. Судебное разбирательство по жалобам осужденных необходимо осуществлять на территории пенитенциарного учреждения.

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает возможность обращения осужденных в прокуратуру и другие государственные органы. Вместе с тем, уголовно-исполнительное законодательство не гарантирует тайну обращения в международные организации.

Вместе с тем, остается неурегулированным вопрос некоторых противоречий национального законодательства с нормами международного права. Отсутствуют правовые механизмы реализации многих конституционных положений, касающихся государственной защиты граждан, отбывающих наказания в пенитенциарных учреждениях и нуждающихся в социальной поддержке, прямом обращении за защитой своих нарушенных прав в межгосударственные органы.

Признание Россией прав и свобод человека в качестве реальной самостоятельной ценности Россией является огромным прорывом в данном аспекте. Несмотря на этот положительный факт, возникло множество проблем реализации прав и свобод человека. Затяжной экономический, политический, духовный кризисы, рост преступности, межнациональные конфликты привели к значительному снижению обеспеченности основных прав личности. Создавшееся положение привело к ухудшению жизни людей и разочарованию в идеалах демократии и прав человека.

Всеобщая Декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, явилась развитием и конкретизацией Устава ООН, впервые в истории международных отношений определила круг основных прав и свобод человека, подлежащих всеобщему соблюдению. В ст. 18–20 Декларации подробно перечислены политические и гражданские права и свободы человека: право каждого на свободу мысли, совести, религии, убеждений и свободное их выражение, на свободу мирных собраний и ассоциаций. Ст. 21 Декларации предусматривает право каждого на участие в управлении страной и равное всеобщее избирательное право при тайном голосовании.

В международно-правовых документах различные права и свободы в основном классифицируются по 4 основным группам. Декларация прав человека к первой группе относит так называемые элементарные права и свободы. Среди них право на жизнь (ст. 3), свобода и неприкосновенность, свобода от рабства (ст. 4), запрет пыток и жестокого, бесчеловечного обращения или наказания (ст. 5), равенство перед законом (ст. 7), ряд прав, касающихся процедурных гарантий правосудия (ст. 8–11), защита от произвольного вмешательства в личную, семейную жизнь и от посягательств на честь и репутацию, неприкосновенность жилища, тайна переписки (ст. 12).

Вторую группу составляют гражданские права: право личности на признание ее правосубъектности (ст. 6), свободу передвижения и выбора места жительства (ст. 13), право на убежище (ст. 14), право на гражданство (ст. 16), право владеть имуществом (ст. 17).

К третьей и четвертой группам относятся, соответственно, политические права и свободы, а также экономические, социальные и культурные права.

На основании декларации были разработаны международные правовые акты и договоры: пакты о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах. Статья 2 Пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что государства-участники должны уважать и обеспечивать права всех лиц, находящихся в пределах их территории.

Глава 3 Пакта полностью посвящена конкретным правам и свободам, прежде всего праву на жизнь, которое понимается как неотъемлемое право каждого человека. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Право на жизнь, как уже отмечалось, неразрывно связано с правом, на здоровье. В ст. 12 Международного соглашения по экономическим, социальным и культурным правам человека, ООН признается право каждого человека на достижимый наивысший уровень физического и психического здоровья. Данное положение распространяется и на осужденных. Учитывая то обстоятельство, что осужденные являются особенно уязвимыми в этом отношении, созданы специальные международные нормы по охране их здоровья

В Организации Объединенных Наций, ее специализированных организациях и так называемых конвенционных органах апробированы три формы международного контроля [21, стр. 288].

Первая форма предусматривает регулярные доклады государств о выполнении принятых обязательств в области прав человека.

Вторая форма предусматривает сообщение государств о том, что другие участники международного соглашения на своей территории не обеспечивают права и свободы граждан.

Третья форма контроля предполагает сообщения и жалобы индивидов о нарушении их прав и свобод.

Наиболее широко применяемой формой международного контроля является система докладов и информации государств.

Проблемы обращения с осужденными начали рассматриваться в рамках ООН, начиная с 1955 года.

Первый конгресс ООН, состоявшийся в Женеве в 1955 году, рассмотрел правила обращения с осужденными, проанализировал принципы организации и оплаты труда осужденных, вопросы набора и обучения администрации пенитенциарных учреждений. На этом конгрессе были приняты Минимальные стандартные правила обращения с заключенными.

Второй конгресс ООН (Лондон, 1960) рассмотрел проблемы исполнения краткосрочного лишения свободы, подготовки осужденных к освобождению и оказанию постпенитенциарной помощи, а также использование тюремного труда в рамках национального хозяйства, включая вопрос о вознаграждении заключенных за такой труд.

На третьем конгрессе (Стокгольм, 1965) были проанализированы меры государств по предупреждению рецидива, специальные превентивные и исправительные меры для молодежи. На четвертом конгрессе (Киото, 1970) была рассмотрена практика применения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

Пятый конгресс ООН (Женева, 1975) рассматривал вопросы обращения с правонарушителями, содержащимися в заключении и находящимися на свободе. Конгресс принял рекомендации о необходимости разработки Процедур для эффективного осуществления Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

На шестом конгрессе ООН (Каракас, 1980) была принята «Каракасская декларация». В резолюции Конгресса о принятии Декларации отмечается, в частности, что ее целью является подтверждение принципов, касающихся развития политики в области борьбы с преступностью и уголовного правосудия, что конгресс «призывает все государства-члены довести текст настоящей Декларации до сведения международных организаций и должностных лиц, занимающихся вопросами предупреждения преступности и обращения с правонарушителями.

Седьмым конгрессом ООН, состоявшемся в Милане 26 августа – 6 сентября 1985 года, были приняты Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, так называемые «Пекинские правила». Такое название эти Правила получили, так как разработка их проекта была завершена на Межрегиональном подготовительном совещании к седьмому конгрессу ООН.

Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990) рассмотрел политику государств в области уголовного правосудия в связи с проблемами, касающимися тюремного заключения, других уголовно-правовых санкций и альтернативных мер. На этом конгрессе были приняты Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением «Токийские правила».

Девятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями проходил в Каире (Египет) в 1995 г. В повестке для работы конгресса был рассмотрен вопрос об управлении и совершенствовании работы полиции, прокуратуры, судов и исправительных учреждений.

Касаясь проблем работы исправительных учреждений, на конгрессе были рассмотрены

следующие вопросы. Во-первых, обсуждались меры, направленные на совершенствование набора и подготовки должностных лиц пенитенциарных учреждений в качестве возможных путей улучшения обращения с правонарушителями в тюрьмах. Во-вторых, обращалось внимание на плохие условия, существующие в тюрьмах, а также на значительные расходы на их содержание. В этом плане в некоторых странах при сокращении национальных бюджетов или переоценке приоритетов часто жертвуют исправительными службами. В-третьих, предполагалось проанализировать распорядок работы тюрем в целях более рационального управления их повседневной жизнью. В-четвертых, подчеркивалось, что тюремное заключение должно сочетаться с образованием, медицинским обслуживанием и осуществлением различных программ в области предупреждения преступности.

На конгрессе получило продолжение обсуждение проблем применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, начатых на YIII конгрессе. Данные наказания считаются целесообразными в отношении значительного числа преступных действий, несмотря на то, что в глобальных масштабах принятие альтернативных мер вместо лишения свободы все еще находится на начальном этапе. Было также отмечено, что в некоторых странах свыше двух третей всех уголовных дел, рассмотренных судебными органами, не повлекли за собой тюремного заключения. Считается, что такие меры позволяют сократить численность персонала исправительных учреждений и снизить расходы на такие учреждения, а также косвенно способствуют созданию более благоприятных условий для содержания заключенных в пенитенциарных учреждениях.

На конгрессе рассматривался также вопрос о выполнении на практике Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Отмечая важность данных Правил для разработки уголовной политики и практики, на конгрессе отмечалось, что во многих странах существует множество препятствий, затрудняющих их выполнение. Для решения этой проблемы предложено:

а) распространять информацию о практическом функционировании пенитенциарных систем не только среди правительств, но и среди профессиональных организаций, научных учреждений, исправительных организаций и широкой общественности;
б) широко распространять среди администрации тюрем практическое руководство по толкованию и применению Минимальных стандартных правил обращения с заключенными;
в) обмениваться мнениями относительно улучшения условий содержания заключенных и укреплять сотрудничество в этой области;
г) стимулировать и оказывать поддержку проведению исследований, касающихся пенитенциарных систем, осуществляемых научными кругами и неправительственными организациями;
д) обеспечивать открытость информации о пенитенциарных системах и повышать эффективность их функционирования путем обеспечения путей и средств для осуществления контроля за их деятельностью со стороны независимых национальных органов, таких как судебный надзор или парламентский контроль, а также уполномоченных независимых комиссий по рассмотрению жалоб.

С этой целью в резолюции конгресс сформулировал свои рекомендации [77].

Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями проходил в апреле 2000 г. в г. Вене (Австрия). Среди тех вопросов, которые были рассмотрены, обсуждались проблемы ответственности и справедливости в процессе правосудия.

В 2005 году в г. Бангкоке (Тайланд) состоялся одиннадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Двенадцатый же Конгресс проходил в городе Салвадоре (Бразилия) в апреле 2010 года. На нем в рамках семинара рассматривался вопрос о стратегии и наилучших видах практики по предупреждению переполненности исправительных учреждений.

В 2015 году в г. Доха (Катар) проходил тринадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. На нем особое внимание было уделено борьбой с транснациональной преступностью и обеспечению верховенства права на национальном и международном уровнях, а также национальные подходы к участию общественности в укреплении систем предупреждения

преступности и уголовного правосудия.

Вопросы соблюдения прав и обращения с осужденными рассматривались и в других специализированных и конвенционных органах ООН. Существенную роль в охране прав осужденных играл комитет ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Он осуществлял подготовку конгрессов ООН по названным проблемам, планирование международных усилий по борьбе с преступностью и координировал изучение соблюдения прав и обращения с осужденными в той или иной стране.

Вопросы обеспечения прав и обращения с осужденными рассматривал комитет ООН по правам человека.

Проанализировав содержательные и процедурные аспекты международного контроля за соблюдением прав и обращением с осужденными с помощью системы докладов и информации государств участников договоров, можно выделить следующие положительные результаты:

Во-первых, существенно расширилась сфера международного контроля. Следует отметить то обстоятельство, что в последние годы все большее внимание уделяется вопросам альтернативных наказаний. Проблемам альтернативных тюремному заключению наказаний было уделено внимание на восьмом конгрессе ООН, где были приняты, как уже было отмечено выше, «Токийские правила». В «Токийских правилах» наряду с нормами, регулирующими применение альтернативных мер наказания, есть и нормы, определяющие требования к правовому статусу лиц, отбывающих эти меры.

Во-вторых, четко прослеживается тенденция увеличения количества субъектов международного контроля за обеспечением прав и законных интересов осужденных. Как уже отмечалось выше, этими проблемами занимаются не только специализированные органы ООН, но и конвенционные органы, такие как Комитет ООН по правам человека, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет против пыток и других бесчеловечных и жестоких, унижающих человеческое достоинство видов обращений и наказаний.

Такой подход характеризует стремление международного сообщества отношения к осужденному, как субъекту прав человека. Это позволяет дополнить международный контроль за правами осужденных новыми формами, предусмотренными соответствующими пактами о правах.

В-третьих, наблюдается постепенное повышение эффективности форм международного контроля с помощью высококлассных специалистов, работающих в ООН, расширение участия в обсуждении вопросов и принятии решений больших групп независимых экспертов.

Советский Союз в свое время, в целях соблюдения международного контроля за соблюдением прав и законных интересов граждан страны, в том числе осужденных, принял на себя обязательства опубликовать нормативные акты, устанавливающие права, законные интересы и обязанности граждан, а также рассмотреть вопрос о присоединении к факультативному протоколу, к Пакту о гражданских и политических правах и другим соответствующим международным инструментам контроля за правами человека [39, стр. 10, 15].

Выполняя, принятые на себя обязательства, СССР в 1991 году признал компетенцию Комитета по правам человека в соответствии со ст. 41 Международного Пакта о гражданских и политических правах, присоединился к факультативному протоколу, к Международному Пакту о гражданских и политических правах, а также снял ранее сделанные оговорки относительно ст. 20 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания [7].

Россия, как правопреемница СССР, унаследовала все международные обязательства в области прав человека. Поэтому следует констатировать, что система охраны прав граждан, включая осужденных, пополнилась еще двумя формами международного контроля, одной из которых становятся индивидуальные жалобы. Представляется, что она будет применяться как форма защиты прав осужденных, так как разрешение их жалоб входит в компетенцию конвенционных органов ООН.

Однако для того, чтобы заработала указанная форма международного контроля, необходим совершенный правовой и организационный механизм ее реализации, опирающийся на международные и национальные средства. Нарушение прав осужденных могут рассматриваться и в Комитете ООН по правам человека.

В механизме реализации индивидуальных жалоб осужденных важное значение имеют

внутригосударственные средства. Дело в том, что в этой сфере международного контроля государства-участники должны создать определенные гарантии реализации прав граждан, в том числе и осужденных, вытекающих из международных обязательств. Представляется необходимым, в целях реализации права на обращение за защитой в международные организации, информирование осужденных, работников органов, исполняющих наказания, всей общественности о формах международного контроля. Такое информирование следует осуществлять путем публикации в научно-популярных и специализированных журналах. Администрация исправительного учреждения должна разъяснять возможности и правила подачи жалоб в конвенционные органы ООН. Этого требуют от государства международные конвенции и договоренности в рамках процесса СБСЕ. Так, на Венской встрече государств-участников СБСЕ СССР, как и другие государства, взял на себя обязательства «публиковать и распространять тексты любых соответствующих международных инструментов в области прав человека с целью обеспечить наличие этих документов в полном виде, возможно более широкое ознакомление с ними и доступ к ним всех лиц в своих странах, в частности через сеть публичных библиотек, а также обеспечивать, чтобы эффективные средства правовой защиты, а также полная информация о них были доступны тем, кто заявляет, что их права человека и основные свободы были нарушены» [39, стр. 11].

Осужденные, находящиеся в пенитенциарном учреждении, должны быть достаточно полно информированы о своих правах и обязанностях, о правилах поведения и условиях жизни в пенитенциарном заведении.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ в ч. 4 ст. 12 существенно расширяет права осужденных на обращения с предложениями, заявлениями и жалобами в случае исчерпания всех имеющихся внутри государственных средств, в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

В условиях пенитенциарных учреждений важное значение имеет четко отлаженная процедура подачи осужденными жалоб или выражения недовольства по поводу условий содержания, на действия администрации, на нарушения прав. Осужденный должен быть уверен, что его претензии будут справедливо и беспристрастно рассмотрены. Должна быть создана эффективная система подачи жалоб, претензий и предложений, которая должна отличаться оперативностью, эффективностью, доступностью, убедительностью, объективностью и гибкостью. Данный вывод подтверждается в Своде принципов, где говорится: «В интересах лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, не допускается никакое ограничение или умаление каких бы ни было прав человека, признаваемых или существующих в каком-либо государстве в соответствии с правом, конвенциями, правилами или обычаями на том основании, что эти права не признаются или признаются в меньшем объеме в настоящем Своде принципов» (Принцип 3).

Принцип 33 Свода принципов указывает на право заключенного на жалобу и защиту, где сказано, что:

Задержанное, или находящееся в заключении лицо, или его адвокат имеют право направлять в органы, ответственные за управление местом задержания или заключения, и в более высокие инстанции, а в случае необходимости соответствующим органам, уполномоченным рассматривать жалобы или представлять средства защиты просьбу или жалобу, относительно обращения с данным лицом, в частности, в случае пыток или другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство вида обращения.

В тех случаях, когда ни задержанное или находящееся в заключении лицо, ни его адвокат не имеют возможности осуществить его права в соответствии с п. 1, такое право могут осуществить член семьи задержанного или находящегося в заключение лица или какое-либо другое лицо, которое осведомлено об этом деле; обеспечивается конфиденциальный характер просьбы или жалобы, если об этом просит податель просьбы или жалобы; каждая просьба или жалоба без промедления рассматривается, и ответ дается без неоправданной задержки. В случае отклонения этой просьбы или жалобы или в случае неоправданной задержки податель просьбы или жалобы может направить ее в судебный или иной орган. Как задержанное или находящееся в заключении лицо, так и любой податель просьбы или жалобы, в соответствии с п. 1 не могут подвергаться преследованиям за подачу жалобы.

Осужденные должны быть достаточно

подробно проинформированы о механизме подачи жалоб и просьб. Данное положение вытекает из Правила 41 Европейских тюремных правил, где говорится, что: каждый заключенный при поступлении должен быть ознакомлен с информацией, изложенной в письменном виде, о порядке обращения с заключенными соответствующей категории, о требованиях учреждения по соблюдению дисциплины, об установленном порядке получения сведений о подаче жалоб и по прочим подобным вопросам, которые необходимы для осознания заключенным своих прав и обязанностей и для адаптации к пребыванию в этом пенитенциарном учреждении; если заключенный не понимает предоставленную ему письменную информацию, ему следует объяснить ее устно.

Правило 42 указывает на необходимость ежедневной возможности высказывать жалобы и предложения персоналу учреждения. В Правиле говорится, что: заключенный должен иметь возможность переговорить или высказывать просьбу или жалобу инспектору тюрьмы или должным образом созданному органу, которому дано право посещения учреждения, без присутствия руководителя учреждения или других сотрудников. Однако заявление с просьбой обжалования официального решения подается только в установленном порядке; каждый заключенный должен иметь возможность ежедневно высказывать просьбы или жалобы руководителю учреждения или лицу, наделенному полномочиями в этом вопросе; каждому заключенному разрешено в конфиденциальном порядке обращаться с просьбой или жалобой к центральному, административному руководству пенитенциарных учреждений, в судебные органы или другие соответствующие организации; каждая просьба или жалоба, адресованная или относящаяся к ведомству пенитенциарных учреждений, должна быть сразу рассмотрена, а ответ по ней дается этим органам без излишней задержки.

Таким образом, можно резюмировать, что обеспечение прав и свобод гражданина немыслимо вне правового государства, которое отвечает перед гражданами за их обеспечение. Для этого правовое государство должно быть оснащено системой процедур, механизмов, институтов гарантирующих субъективные права на основе объективного, основанного на праве порядка государственной деятельности. Эти процедуры, механизмы, институты не являются неизменными, они находятся в динамике, совершенствуются, приспосабливаются к изменяющимся условиям жизни общества [61, стр. 13].

Конституция Российской Федерации провозгласила права и свободы человека высшей ценностью. Формирование правового государства и укрепление подлинной демократии невозможно без соблюдения и обеспечения, основных прав и свобод личности. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность государства защищать права и свободы граждан. Государство обеспечивает возможность граждан обращаться за защитой своих прав и свобод, последовательно расширяет сферу действия судебного контроля за законностью и обоснованностью решений и действий должностных лиц всех уровней. Данные социологических и правовых исследований свидетельствуют о многочисленных нарушениях нормативных установлений в сфере обеспечения прав и свобод граждан, укоренившемся пренебрежении многих должностных лиц к соблюдению прав и свобод граждан, в том числе, и содержащихся в пенитенциарных учреждениях. Причинами подобного проявления является бюрократизм и отсутствие эффективного и своевременного реагирования на произвол чиновников.

Юридическое закрепление правового положения осужденных в законодательстве России является важнейшей юридической гарантией реализации их прав.

Судебное разбирательство имеет большие преимущества перед решением спора в административном порядке. Обжалование решений должностного лица в вышестоящий орган управления порождает у гражданина чувство неуверенности. А рассматривающее жалобу должностное лицо склонно не признавать ошибку, допущенную руководимым им аппаратом.

Подача жалобы в суд в корне меняет положение дела, так как предполагает независимость суда, отсутствие у судей ведомственной заинтересованности, гласность обсуждения, исследование всех доказательств. Гражданин и должностное лицо выступают в суде в качестве равных сторон.

Осужденные в условиях пенитенциарного учреждения находятся в обстановке принуждения и это неизбежно порождает их недовольство и как результат – жалобы. В этом случае нецелесообразно отговаривать их подавать жалобы,

следует, скорее, поощрять это как положительный вклад, проявившийся в необходимости надлежащего выполнения администрацией своих обязанностей и соблюдения установленного порядка.

Необходимо разработать процедуры рассмотрения жалоб и возражений против решений, принятых администрацией исправительного учреждения.

В том случае, если осужденные будут считать, что исправительная система не в состоянии выполнить свои обязательства, они должны иметь возможность подавать свои жалобы в независимые инстанции.

Концепция судебной реформы, в качестве отдельного звена судебной системы, предусматривает введение участковых (территориальных) и специализированных (следственных, пенитенциарных и других) судов. Создание специализированных пенитенциарных судов является вполне обоснованным и необходимым для контроля за соблюдением прав и законных интересов осужденных.

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает возможность обращения осужденных в прокуратуру и другие государственные органы. Вместе с тем, уголовно-исполнительное законодательство не гарантирует тайну обращения в международные организации. Нам представляется, что такую услугу осужденным необходимо предоставить, что также обусловлено фактом вступления России в Совет Европы. Россия подписала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которая предусматривает право гражданина или группы лиц, а также неправительственных организаций, на обращение в Европейскую комиссию по правам человека и в Европейский суд по правам человека.

Ограничение прав и свобод человека должно соответствовать определенным требованиям, которые направляли бы правовое регулирование в особых условиях, служили бы организующими стержнями, принципами.

Следует выделить особые отношения государства с осужденными. У них иначе, чем у простых граждан, понимаются отдельные права, в особенности личные. Предметом всеобщего осуждения в России являются условия содержания людей в местах лишения свободы, сводящие заключение к пытке. Чрезмерные ограничения не соответствуют потребностям поддержания охраняемого в обществе порядка. Представляется целесообразным сформулировать принцип соразмерности ограничений.

В соблюдении и реализации конституционно-правового положения осужденного имеет четкое законодательно обоснованное и социально оправданное определение соотношения наказания и существующих ограничений, применительно к осужденным в пенитенциарных учреждениях. Ограничение основных прав личности в условиях лишения свободы, по нашему мнению, должно носить законодательно обоснованный и социально оправданный характер. Нам представляется необходимым определить в законе, начиная с Конституции, в каких именно правах и свободах ограничиваются осужденные полностью, а в каких частично и максимально подробно регламентировать в нормативно-правовых актах пределы и характер ограничений основных прав и свобод человека.

Современные реформаторские, а равно и гуманистические подходы к реформированию уголовно-исполнительной системы замыкаются на понимании правового положения осужденных как системе материального положения и условиях содержания осужденных. Понятие «правовое положение осужденных» выглядит достаточно суженным, т. к. зачастую сведено к двум субъектам правоотношений: администрация исправительного учреждения – осужденные.

Законодательство России, в т. ч. и уголовно-исполнительное, должно основываться на конституционных положениях, исходить из правильных общетеоретических положений и в полной мере учитывать реальные возможности.

Список литературы

1. Путин В.В. Вступительное слово Президента Российской Федерации к юбилейному изданию, посвященному 20-летию Конституции Российской Федерации // Конституция Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 2014.
2. Федеральный закон от 14 декабря 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской

Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 51. – Ст. 4970.
3. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.
4. Ведомости ВС РФ. – 1994. – № 3. – С. 4–5.
5. Ведомости ВС СССР. – 1987. – № 26. – Ст. 388; 1987. – № 42. – Ст. 692.
6. Ведомости ВС СССР. – 1989. – № 22. – Ст. 416.
7. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 29. – Ст. 842, 843, 845.
8. Абдулаев М.И Права человека: историко-сравнительный анализ. – СПб.: СПбГУ, 1988.– 284 с.
9. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 97-101.
10. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 67-71.
11. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 192 с.
12. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Клишас А.А. Права человека, политическая стабильность и конституционный контроль: некоторые вопросы взаимообусловленности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 27-30.
13. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Ограничения публичной политической власти: современные интерпретации запрета как способа и юридической процедуры // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 51-69.
14. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Правовой запрет как способ ограничения публичной политической власти: исторические предпосылки возникновения // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 11-20.
15. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Правовые запреты в контексте ограничения публичной политической власти: некоторые вопросы классификации // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 37-51.
16. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Социальная власть как феномен и проблема правового ограничения // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 11-27.
17. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
18. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
19. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. – 592 с.
20. Бриллиантов А.В. Правовой статус осужденного и направление реформ в системе исполнения уголовного наказания // Совершенствование законодательства и практики учреждений, исполняющих наказания, на основе Конституции Российской Федерации. Тезисы докладов и сообщений (июнь 1994 г.). – М.: ВНИИ МВД России, 1995. – С. 68-71
21. Валеев Р.М. Понятие международного контроля в международно-правовой литературе // Сов. ежегодник международного права. – М.: Наука, 1981. – С. 283-289.
22. Витрук Н. Права осужденных: Перспективы развития // Преступление и наказание. – 1993. – № 4–5. – С. 20-28.
23. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1979. – 229 с.
24. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 176 с.
25. Джагарян А. Достоинство личности как глобальная ценность в российской конституционной среде. Взаимные права, обязанности и ответственность человека, народа, государства // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – №4(61). – С. 5-14.
26. Диноршоев А.М. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе, 2013. – 190 с.
27. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность:

Монография. – Волгоград: Волг. Филиал РАНХиГС, 2014. – 296 с.
28. Зарицкий А.В. Гарантия прав личности при реализации юридической ответственности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999.
29. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31-32.
30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
31. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127-138. – в кн. 344 с.
32. Защита прав человека. Сборник документов 1998 – 2000 / Сост.: Евдокимов И.В., Майоров А.Г.; Под общ. ред.: Миронов О.О. – М.: Юрид. лит., 2001. – 792 с.
33. Зекалашвили З.В. Конституционная защита системообразующих прав человека в Российской Федерации (жизнь, свобода, равноправие, демократия): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999.
34. Златопольский Д.Л. Государство и личность: основы взаимоотношения // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.11. – Право. – 1993. – № 1. – С. 3-12.
35. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. – М.: Норма, 2008. – 224 с.
36. Зорькин В.Д. Обеспечение социальной справедливости и защита социальных прав граждан в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 3(9). – С. 1-2.
37. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
38. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
39. Итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников СБСЕ. – М., 1989.
40. Колдаев В.М. Власть. – М.: Ин-т защиты предпринимателя, 1995. – 20 с.
41. Кондрат И.Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38-44.
42. Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: Матер. докл. и сообщ. участн. межвуз. научн-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / Отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 295 с.
43. Лысов П.К. Судебный контроль как механизм “сдержек и противовесов” в системе разделения властей // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 67-71.
44. Маджидзода Д.З. Холиксода А.Г. Формирование института прав и свобод человека: исторический срез // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 175-182.
45. Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 19-22.
46. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве // Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. Теория права. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.
47. Милюков С.Ф. Российская система наказаний / Науч. ред. Б.В. Волженкин. – СПб.: С.-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 48 с.
48. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Саратовская ВШ МВД РФ, 1996. – 286 с.
49. Мухортов А.А. Гарантии реализации личных прав человека в пенитенциарной системе России (историко-теоретический аспект): Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1997.
50. Обращение о необходимости соблюдения указанных в статье 19 ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в РФ» прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания // Защита прав человека. Сборник документов 1998 – 2000 / Сост.: И.В. Евдокимов, А.Г. Майоров; Под общ. ред. О.О. Миронова. – М.: Юрид. лит., 2001. – 792 с.

51. Основы социологии и политики: Учебник / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Г.Д. Ковалева, Д.З. Мутагирова. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002. – 416 с.
52. Политология. Энциклопедический словарь. – М.: Московский коммерческий университет, 1993. – 431 с.
53. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.
54. Права человека. Учебник для вузов. М.: Норма, 1999.– 573 с.
55. Пределы власти // Век двадцатый и мир (квартальное приложение к журналу). – М.: Век XX и мир, 1994. – 318 с.
56. Пределы прав контролируемых органов. – М.: МАИ, 1991. – 85 с.
57. Рагимов И.М. О нравственности наказания / Предисл. Х.Д. Алекперова. – СПб.: Юридический Центр, 2016. – 224 с.
58. Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.: илл.
59. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.
60. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
61. Рыбак С.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения прав и свобод гражданина: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999.
62. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Государственная уголовно-исполнительная политика Украины: история и современное состояние // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 165-173.
63. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
64. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
65. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
66. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Правовой институт чрезвычайного положения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 2. – С. 19-28.
67. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
68. Сальников М.В., Реуф В.М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 160-164. – в сб. 243 с.
69. Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): Автореф. дис … докт. юрид. наук. – Саратов, 1995.
70. Смоленский М.Б. Права личности в системе современного правопонимания. Ростов-на-Дону: Ростовская государственная экономическая академия, 1988. – 88 с.
71. Современный российский конституционализм: доктрина и практика: Материалы межвузовской научно-практической конференции (Южный федеральный университет, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (Санкт-Петербургский государственный университет, 5 марта 2011 г.) / Отв. ред. – проф. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону – СПб: Профпресс, 2011. – 372 с.
72. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. — СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
73. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М.: Норма, 2007. – 384 с.
74. Эбзеев Б.С. Ограничение конституционных прав: понятие и пределы // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: Сборник научных трудов. Ч. 1. – Н. Новгород: Нижегор. юрид. ин-т МВД России, 1998.
75. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
76. Эсмен А. Общие основания конституционного права / Перевод с 4-го французского издания; Под ред. Н.О. Бер – 2-е изд. – С.-Пб.: О.Н. Попова, 1909. – 464 с.
77. https://studopedia.su/8_24548_kongressi-oon-po-preduprezhdeniyu-prestupnosti-i-obrashcheniyu-s-pravonarushitelyami.html

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

ЗАЛЕССКИЙ Константин Александрович,
научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ) (г. Москва, Россия)
E-mail: ka_zet@mail.ru

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН – ВОЕНАЧАЛЬНИК ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Анализируется деятельность государственного и военного деятеля Российской империи, патриота своего Отечества генерала А.Н. Куропаткина в период Первой мировой войны. Отмечается, что авторитет Куропаткина в русской армии среди офицеров оставался высоким, несмотря на достаточно активную травлю генерала в годы русско-японской войны, а его стратегия была направлена прежде всего, на сбережение армии путем ведения военных действий от обороны, сокращая до минимума крупномасштабные наступления.*

Ключевые слова: *А.Н. Куропаткин; Российская империя; Первая мировая война; Гренадерский корпус.*

ZALESSKY K.A.

GENERAL KUROPATKIN – A MILITARY LEADER THE FIRST WORLD WAR

The summary. *The activity of the state and military figure of the Russian Empire, the patriot of his Fatherland, Gen. AN is analyzed. Kuropatkina during the First World War. It is noted that Kuropatkin's authority in the Russian army among officers remained high, despite the general's active persecution during the Russo-Japanese War, and his the strategy was primarily aimed at preserving the army by conducting military operations from defense, minimizing large-scale offensives.*

Key words: *A.N. Kuropatkin; Russian empire; World War I; Grenadier Corps/*

Карьера Алексея Николаевича Куропаткина, казалось, закончилась с ликвидацией 1-й Маньчжурской армии, когда 3 февраля 1906 года он был официально отстранен от занимаемой должности. В то же время он отнюдь не был уволен «от службы», а назначен на высокую и престижную должность члена Государственного совета, за ним было сохранено свитское звание генерал-адъютанта, а также почетное членство в академиях: Императорской Николаевской военной, Николаевской инженерной, Михайловской артиллерийской, Александровской военно-юридической и Императорской военно-медицинской. О том, что Николай II сохранил свое хорошее отношение и доверие к Куропаткину, а также то, что Государь

никогда не числил за генералом какой-либо вины за действия во время русско-японской войны, говорит тот факт, что с 1906-го и до 1915 года Куропаткин ежегодно назначался к присутствию в Государственный совет.

После начала Первой мировой войны Куропаткин подал прошение об отправке на фронт: «Не теряю надежды [...] получить любое назначение в начавшейся войне...», писал он. Однако назначения не получил из-за неприязненного отношения к нему великого князя Николая Николаевича. С великим князем у генерала были серьезный трения с давних пор. По свидетельству С.Ю. Витте: «Было решено, что главнокомандующим армией, которая должна будет идти против Германии, будет великий князь Николай Николаевич, а главнокомандующим армией, которая будет действовать против Австрии, будет военный министр генерал-адъютант Куропаткин. Между великим князем Николаем Николаевичем и Куропаткиным уже начали происходить всевозможные разногласия по вопросам этой войны. Куропаткин во многом не соглашался с великим князем, причем, я несколько раз слышал от Куропаткина самые отрицательные отзывы относительно проектов Николая Николаевича и вообще относительно его различных способностей как военного» [8, стр. 436–437].

После начала войны Куропаткин, будучи членом Государственного совета, занимался сбором средств и устройством лазаретов. В частности, на средства членов Государственного совета был создан образцовый госпиталь для тяжелораненых офицеров.

Только после того, как великий князь был отправлен на Кавказ, а пост Верховного главнокомандующего занял сам император, всегда хорошо относившийся к Куропаткину, его прошение было удовлетворено, и 12 сентября 1915 года он был назначен командиром Гренадерского корпуса. На этом посту он сменил крайне плохо себя зарекомендовавшего генерала Иосифа Ивановича Мрозовского. Служивший при нем начальником штаба генерал Владимир Соколов так описывал его: «Я знал уже, что имел дело со злым, зазнавшимся истым польским паном, для которого все русские, ему подчиненные, быдло […] Грубость, хамство и злоба Мрозовского снискали ему общую ненависть в корпусе, но все это было цветочками сравнительно с тем, как развернулись эти качества во время войны. Мрозовский совершенно не понимал и не оценивал обстановки, но в тоже время хотел, чтобы все удавалось, поэтому при малейшем неуспехе, от каких бы причин они не происходили, Мрозовский, как бешеная собака, набрасывался на правых и виноватых и, прежде всего, на своих ближайших помощников, чинов корпусного штаба. Получить от него какие-либо руководящие указания нечего было и пытаться, мы слышали только крик, ругательства и издевательства» [20, стр. 23].

Прибытие тактичного и всегда уважительно относившегося к подчиненным Куропаткина было встречено в корпусе с удовлетворением.

Надо отметить, что это был не просто обычный, хотя и элитный корпус Русской армии. Предполагалось на его базе сформировать отдельный корпус в качестве стратегического резерва, в составе: три пехотные и кавалерийскую дивизии, артиллерийскую бригаду, артиллерийский дивизион и саперный батальон. Предписывалось также иметь учебный полк по подготовке унтер-офицерского состава.

В сентябре Алексей Николаевич выехал в Ярославль, где располагался штаб корпуса. При формировании корпуса Куропаткин столкнулся с большими организационными трудностями. Во многом благодаря именно ему, формирование корпуса удалось завершить к концу декабря, и в январе 1916 года генерал доложил в Ставку о готовности корпуса к отправке на фронт.

Служивший в 81-й артиллерийской бригаде, входившей на тот момент в Гренадерский корпус, капитан Болеслав Веверн оставил воспоминания о своей встрече с генералом в эти дни: «Я сижу на наблюдательном пункте командира корпуса генерала-адъютанта Куропаткина. Мне приказано познакомить его с неприятельскими позициями, указать более сильные и более слабые места, средства защиты и прочее. Генерала Куропаткина сопровождает командир бригады генерал Б. [командир 81-й арт. бригады генерал-майор Василий Николаевич Борисов]. Семнадцать лет я не видел генерал-адъютанта Куропаткина. Как сильно он изменился […] я встретил рапортом седого, отяжелевшего старика. Не годы, видимо, а тяжесть пережитого так быстро состарила его. Тем не менее, личное его обаяние сказалось с первых же слов и не оставляло меня все время пока я, насколько мог, удовлетворял его бесконечную любознательность и поражался его быстрыми выводами и точными заключениями

[…] Он проявил удивительное внимание и заботливость к нуждам солдат и, когда он уехал, долго ещё люди не могли успокоиться, вспоминая его разговор, расспросы, ласковую его улыбку […] Довольно часто, мы видели генерала у себя в гостях и всегда удивлялись поразительному спокойствию и выдержке, вместе с изысканной воспитанностью, этим отличительным чертам его характера» [7, стр. 315-316].

Необходимо отметить, что авторитет Куропаткина в русской армии среди офицеров оставался высоким, несмотря на достаточно активную травлю генерала в годы русско-японской войны (1904 1905 гг.). Так начальник Военно-морского управления Верховного главнокомандующего вице-адмирал Дмитрий Ненюков вспоминал: «Помню приехал престарелый Куропаткин и обедал в штабной столовой. При его входе в столовую все, точно сговорившись, встали, хотя он в это время занимал скромную должность командира Гренадерского корпуса» [13, стр. 167].

10 января 1916 г. Куропаткин организовал атаку двумя полками, планируя ослепить германские войска прожекторами, однако противник подавил прожектора артиллерией, и гренадеры были отброшены с большими потерями. На корпусе Куропаткин не задержался: по опыту, чину и старшинству ему, безусловно, руководить корпусом было не вполне уместно. 30 января 1916 года он получил назначение на пост командующего 5-й армией Северного фронт, штаб которой располагался в Двинске.

Вышеупомянутый капитан Веверн вспоминал: «Было видно, что старику жалко расставаться с корпусом, к которому он уже успел привыкнуть и в котором, он чувствовал, все его любят». И далее: «Я просил Государя императора оставить меня на месте, но Государь не нашел это возможным, тогда я просил оставить меня до тех пор, пока мы не возьмем Барановичи, но и на эту мою просьбу со стороны Государя императора последовал отказ, – грустно сообщил нам генерал Куропаткин» [7, стр. 316].

Только прибыв в штаб армии, Куропаткин 6 февраля 1916 года получил приказ принять от заболевшего генерала Николая Рузского должность главнокомандующего армиями Северного фронта, в который входили 1-я, 5-я и 12-я армии, а также XLII отдельный армейский корпус. Северному фронту оперативно подчинялись Балтийский флот и Петроградский военный округ. Войска Северного фронта, развернутые на фронте вдоль Западной Двины, играли чрезвычайно важную роль – они прикрывали Петроградское направление и Прибалтику, которая всегда была одной из главных целей германского командования.

Первое совещание Куропаткина в новом качестве состоялось в Ставке в 10 часов утра 24 февраля. На нем начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев объявил о принятом решении провести по просьбе союзников частную наступательную операцию силами двух фронтов – Северного и Западного, имея целью сковать германские войска и не позволить германскому командованию перебросить войска под Верден.

В планы Ставки входило прорвать 5 марта оборону противника силами 5-й армии Северного фронта на Поневеж и 2-й армии Западного фронта на Свенцяны и Вилькомир. Остальные войска наносили вспомогательные удары.

В исполнение полученного приказа Куропаткин на следующий день информировал своих подчиненных о планах командования, а также отдал необходимые распоряжение о проведении дополнительной рекогносцировки и переброски на направление главного удара дополнительной артиллерии: 3 артиллерийских дивизиона большой мощности и артиллерийская бригада.

8 марта главнокомандующий предпринял ряд наступлений силами всех армий фронта. На участке 12-й армии в тот день 13-я Сибирская стрелковая дивизия перешла в наступление в районе Куртенгофа (под Ригой). Сибиряки взяли три линии окопов, но охваченные с флангов были вынуждена отойти на прежние позиции.

Более крупное наступление было предпринято 8–13 марта в районе Якобштадтского плацдарма силами нескольких дивизий (3-я стрелковая, 1-я Кавказская стрелковая, 73-я пехотная) под командованием генералов Иван Гандурина и Владимира Слюсаренко. Русские войска продвинулись на некоторых участках на 2–3 километра вперёд, после чего операция была свернута.

Общие потери фронта составили около 60 тыс. человек, а германское командование все равно перебросило во Францию Альпийский корпус, 3-ю гвардейскую и 103-ю пехотную дивизии. После этих неудачных попыток Куропаткин пришел к выводу, что любое наступление на

хорошо укрепленные германские позиции в сложившихся обстоятельствах обречено на неудачу и может привести лишь к большим и неоправданным потерям.

Куропаткин крайне ответственно отнесся к оценке и анализу действий подчиненных ему войск во время Нарочской операции, предприняв ряд поездок в войска. Кмандир 28-го армейского корпуса генерал Слюсаренко вспоминал: «Старшие начальники до начальников дивизий были приглашены в вагон главнокомандующего, где поочередным опросом этих лиц генерал-адъютант Куропаткин желал выяснить причину неуспеха нашего мартовского наступления. Теперь воскресить в памяти всех докладов не могу. Тут было все: неподходящая пора года для наступления, глубокий снег, промерзлый грунт, мешавший закапыванию, оттепель, потом мороз; обилие пулеметов у противника; необыкновенно сильно развитая сеть проволочных заграждений у противника; недостаток в наших штурмующих частях ножниц для перерезания проволоки, почти полное отсутствие удлиненных зарядов и ручных гранат Новицкого; отсутствие подробных планов крупного масштаба атакуемых участков; распоряжения для атаки давались по схемам позиции; снятые с аэропланов фотографии были неясны и не давали возможности определить места убежищ и пулеметов и т. д. […] Приготовленный мною доклад […] был примерно таков: причин неуспеха этого наступления, как выясняется, здесь было очень много, но первая из них — полнейший недостаток в тяжелой артиллерии, недостаток в снарядах вообще и гранат для легких пушек в особенности!» [19, стр. 244].

Для характеристики Куропаткина как военачальника Первой мировой войны чрезвычайно важно его участие в состоявшемся 1 апреля 1916 года в Ставке совещании относительно дальнейших планов войны. Куропаткин стоял на точке зрения, что при существующем соотношении средств наступление обречено на неудачу. Взяв слово, он, как всегда с глубоким знанием дела, дал анализ неудач фронта в марте 1916 года, указав на неэффективное использование артиллерии, плохие погодные условия и плохие дороги на направлении удара. Без решения этих вопросов, подчеркнул он, успешное наступление невозможно. Таким образом, неудача Нарочской операции не давала надежд на успех летнего наступления. Куропаткин, по словам А.А. Брусилова, предупредил что «на успех его фронта рассчитывать очень трудно и что, по его мнению, как это видно из предыдущих неудачных попыток к наступлению, прорыв фронта немцев совершенно невероятен, ибо их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу; скорее, нужно полагать, мы понесем громадные безрезультатные потери» [6, стр. 209]. Его поддержал А.Е. Эверт, который сказал, что «неудача произведет тяжелое впечатление не только на войска, но и на всю Россию […] при недостаточно материальном обеспечении войск задача, на них возложенная, не может быть выполнена» [12, стр. 80].

Куропаткин и Эверт заявили, что это наступление, кроме гибели солдат ничего не принесет. Генералы высказались за то, чтобы держаться строго оборонительной тактики, поскольку в войсках все еще недостаточно технических средств – прежде всего тяжелой артиллерии – для успешной наступательной операции. Также Куропаткин и Эверт указали на то, что действия союзников в 1915 году дают русским войскам полное право игнорировать их просьбы о поддержке.

Надо заметить, что в начале 1916 года кризис военного снабжения еще не был преодолен – для этого потребовался практически весь 1916 год, к концу которого русская армия в смысле ее оснащения артиллерией и техническими средствами (в т.ч., например, шанцевым инструментом, который жизненно был необходим для закрепления на позициях) действительно перешла на новый качественный уровень. Без накопления сил все наступления, даже если они будут иметь успех, станут лишь бессмысленной тратой личного состава и вооружения без особых перспектив на конечную победу.

Позиция Куропаткина и Эверта подразумевала оборону и накопление сил: время играет на Россию, ресурсы противника стремительно иссякают, и в 1917 году можно говорить о проведении операций, которые, как писал Алексееву Эверт, «если и не приведут войну к полному окончанию, то, во всяком случае, предрешат с очевидностью ее исход» [21]. Растрата же войск лишь испортит все дело. Позиция Куропаткина и Эверта была ясной, обоснованной и логичной, тем более что ее подтверждал и опыт, накопленный англо-французскими войсками на

Западном фронте. В краткой форме эта стратегия заключалась в следующем: отказавшись от безрассудной растраты огромных сил русской армии в штурме хорошо подготовленных оборонительных позиций противника без поддержки тяжелой артиллерии, сосредоточиться на накоплении необходимых средств, а в кампанию следующего года перейти в решительное – и скоординированное с Союзниками на других фронтах – наступление, отразить которое Центральный державы будут просто не в состоянии. Таким образом, взять в 1916 году паузу, а в 1917 году победоносно завершить войну.

Однако под сильным давлением генерала М.В. Алексеева, которого крайне активно и эмоционально поддержал А.А. Брусилов, Ставка приняла решение о переходе в наступление 18 мая. Согласно директиве Ставки, нанесение главного удара возлагалось на армии Западного фронта Эверта, а Северный и Юго-Западный фронты должны были оказывать лишь содействие, при этом армии Куропаткина должны были нанести вспомогательный удар на Свенцяны из Двинского района. При подготовке наступления Куропаткин уделял большое внимание возможной высадке германского десанта в Лифляндии, при этом он перебросил для защиты побережья большую часть резервов – 6-ю пехотную и 2-ю кавалерийскую дивизии.

К концу мая 1916 года в состав фронта (при начальнике штаба генерал-майоре Николае Сиверсе) входили XLII отдельный армейский корпус генерала Арсения Гулевича, группа на Лифляндском побережье (I, III и V Сибирский армейские корпуса), 1-я армия генерала Александра Литвинова, 5-я армия генерала Василия Гурко и 12-я армия генерала Радко-Дмитриева. Во время наступления Юго-Западного фронта в 1916 году армии оставались пассивными. В июне 12-я армия начала подготовку десанта в тыл германским армиям. Силы фронта оценивались в 470 тыс. штыков.

Разрабатывая планы будущей операции во исполнение решения Ставки Куропаткин предложил нанести главный удар смежными флангами 6-й и 5-й армий, поскольку в этом случае появлялась возможность достичь наибольшей плотности артиллерии на километр фронта: до 30 орудий. Для координации действий артиллерии на участке прорывал создавалась – на базе штаба 5-й армии – командная артиллерийская группа во главе с генералом Владимиром Мамонтовым. Диспозиция предусматривала наличие сильных вторых эшелонов, а также подчиненный штабу фронта кавалерийский корпус, который можно было использовать для развития возможного успеха. Эти планы диаметрально отличались от действий генерала Брусилова, наступление которого в конце концов захлебнулось во многом из-за отсутствия сил для развития успеха и резервов. Отметим также, что Северный фронт получил лишь незначительное усиление – основные резервы шли на Западный фронт.

Куропаткин, как всегда, уделил особое внимание обустройству позиций своих войск, с тем, чтобы обеспечить своим солдатам максимальный уровень защиты и при обороне, и при подготовке наступления.

После начала наступления Юго-Западного фронта Куропаткин фактически игнорировал прежние директивы Ставки, отказываясь гнать своих солдат на хорошо укрепленные немецкие позиции. Затем, когда было решено передать главный удар Юго-Западному фронту, Ставка начала лихорадочно перебрасывать войска на юг. Северный фронт лишился 1-го армейского корпуса и кавалерийской дивизии, после чего Куропаткину было дано указание частными атаками улучшить занимаемые позиции, не допуская каких-либо перегруппировок противника.

После того как, наконец, давление Ставки стало слишком сильным, Куропаткин предпринял ряд локальных операций, наиболее крупной из которых стала демонстрация 12-й армии под командованием Р.Д. Радко-Дмитриева на Бауск 9 июля. Как и предвидел Куропаткин шестидневные бои не принесли никаких результатов, при том, что Радко потерял до 15 тыс. человек.

«Куропаткинская» стратегия, наиболее ярким представителем которой, кроме, естественно, самого Алексея Николаевича, являлся генерал Эверт, во время Первой мировой войны дала вполне достойный результат. Того же Эверта отличало особое умение вести оборонительные действия, выдерживая удар и сковывая превосходящие его силы противника. Используемая Куропаткиным и Эвертом стратегия, как и в годы во время русско-японской войны, была направлена, прежде всего, на «сбережение армии» путем ведения военных действий «от обороны», сокращая до минимума крупномасштабные наступления.

22 июля 1916 года Куропаткин сдал командование выздоровевшему Рузскому и отбыл в Туркестан, поскольку получил назначение Туркестанским генерал-губернатором, войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска и командующим войсками Туркестанского военного округа. В то время в Туркестане началось восстание, и кандидатура Куропаткина, как знатока региона, оказалась лучшей. На этом деятельность Куропаткина на фронтах Первой мировой войны в качестве командующего крупными объедениями войск завершилась.

В заключение следует отметить, что стратегия, которой Куропаткин придерживался в годы русско-японской войны, оказалась востребована и в Первую мировую войну, но в то же время, высшее командование фактически от нее отказалось, сделав упор на достаточно авантюрные массированные наступления на хорошо подготовленные позиции противника, которые даже в случае успеха приводили к большим потерям, а затем и к истощению резервов.

В крайние года наблюдается заметное внимание исследователей к личности генерала Куропаткина как государственного и военного деятеля Российской империи, патриота своего Отечества [1; 2; 3; 4; 9; 11; 14]. Анализируются и различные стороны его научной, личной и семейной жизни [5; 10; 15; 16; 17; 18]. Вместе с тем продолжает оставаться интересным и его участие как военачальника в Первой мировой войне.

Список литературы

1. Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 143-154.
2. Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903-1905 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук: Специальность 07.00.02 – Отечественная история. – СПб., 2015. – 36 с.
3. Белозерова О.А. Командующий Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин (по дневниковым записям начала русско–японской войны 1904-1905 гг.) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 47-56.
4. Белозерова О.А. Позиция и взгляды военного министра А.Н. Куропаткина в связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904-1905) // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 23-34.
5. Белоконь И.В. «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 155-164.
6. Брусилов А.А. Воспоминания. – М.: Воениздат, 1963. – 216 с.
7. Веверн Б. В. 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине. – М.: Кучково поле, 2016. – 384 с.
8. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. – М.: Мысль, 1991. – 718 с.
9. Гоков О.А. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и политика Российской империи в данном регионе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 33-44.
10. Григорьева Н.В. Скрещение судеб: Куропаткин и другие... // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 49-54.
11. Моисеев С.В. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэттишаре в 1876-1877 гг. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 85-105.
12. Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 года. Сб. док-том империалистической войны. М.: Воениздат, 1940. – 548 с., 22 отд. л. к.
13. Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны. М.: Кучково поле, 2014. – 528 с. – (Живая история)
14. Николаев Н.Ю. А.Н. Куропаткин и Гаагская мирная конференция 1899 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 117-130.
15. Попов Ю.Г. Опыт историко-краеведческого изучения некоторых сторон жизни и деятельности генерала А.Н. Куропаткина в его имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 47-82.
16. Попов Ю.Г. Шешуринский шатер Алексей Николаевича Куропаткина. – СПб.: КультИнформПресс, 2017. – 178 с.

17. Почекаев Р.Ю. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 51-62.
18. Сальников В.П., Белозерова О.А. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 43-46.
19. Слюсаренко В.А. На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции. Воспоминания 1914–1921 / Вступ стат. и коммент. К.А. Залесский. – М.: Кучково поле, 2016. – 608 с.
20. Соколов В.И. Заметки о впечатлениях участника войны 1914–1917 гг. С. 23 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 218, в составе собрания отдела рукописей № 138, 6 ед. хр., 1915-1920-е гг. URL: http:// http://grwar.ru/library/Sokoloff-Impression/SI_01.html.
21. Эверт А.Е. Письмо М.В. Алексееву от 10 ноября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 277. Л. 25.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия),
E-mail: dwm61@inbox.ru

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич,
и.о. ректора Курганского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Курган, Россия)
E-mail: 775777@bk.ru

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович,
юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group (Люксембург)
E-mail: ismagilovir@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАННИХ РАБОТ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

Аннотация. *Критикуя методологическую ограниченность субъективизма И. Канта и И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель разрабатывал теоретические предпосылки ее преодоления на основе понятии свободы как всеобщей духовной сущности. Лишь после того как логическое содержание философии получило свою развернутую дискурсивную форму в «Науке логики», развитие философско-правового содержания учения Гегеля перешло со стадии генезиса на стадию действительного становления.*

Ключевые слова: *право; гражданское общество; государство; личность; свобода; методология; Кант; Фихте; Гегель.*

SAL'NIKOV V.P.
MASLENNIKOV D.V.
PROKOFIEV K.G.
ISMAGILOV I.R.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL CONTENT OF EARLY WORKS OF G.V.F. HEGEL

The summary. *Criticizing the methodological limitations of Kant's and IG's subjectivism. Fichte, GVF. Hegel developed the theoretical prerequisites for overcoming it on the basis of the concept of freedom as a universal spiritual entity. Only after the logical content of philosophy received its detailed discursive form in the Science of Logic, the development of the philosophical and legal content of Hegel's teachings passed from the stage of genesis to the stage of actual formation.*

Key words: *law; civil society; the state; personality; freedom; methodology; Kant; Fichte; Hegel.*

В ранних работах Г.В.Ф. Гегеля о праве, гражданском обществе и государстве собственно философско-правовое содержание еще не было выделено из сферы позитивного политико-правового знания. Философия права является элементом философии постольку, поскольку ее предмет входит в предмет философской науки, которым является всеобщее единство мышления и бытия. Мышление и бытие – две предельных формы сущего, которые охватывают всё. Это «всё» не является для философии мертвым агрегатом, подобным «куче сора», а постигается ею как единство – всеединство. Однако единство для философии – не очевидность, а проблема. Само всеединство как гармонию бытия и как тождество бытия и мышления философия еще должна была понять и научиться мыслить.

Философия права, если она хочет быть философией, должна показать, как всеобщее единство раскрывает в себе определенность права и правового сознания. Она должна суметь спроецировать заключенные во всеобщей гармонии бытия начала права в исторические формы развития человека, общества и государства [12; 13; 14; 15; 17; 32]. Таким образом, философия права – это лишь дискурс перехода от philosophia prima, изучающей всеобщие начала, к позитивной теории права. Поэтому оставаясь строго в рамках своего предмета, философия права имеет предельно ограниченное содержание. Ограниченное именно задачами теоретического опосредования учения о всеобщем единстве мышления и бытия, с одной стороны, и основополагающих проблем онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики и права, праксиологии права, правосознания, с другой стороны [5, стр. 11]. Ни естественное право, ни вопросы методологии юриспруденции, ни проблемы государства непосредственно не входят в предмет философии права, а относятся к компетенции позитивной теоретико-правовой науки.

Системе синтетических суждений, эксплицирующих предмет философии права, должна предшествовать трактовка проблемы единства мышления и бытия с развернутым решением вопроса о том, что есть само это единство и как оно может конкретно мыслиться. В форме теории это знание является результатом понимания всего историко-философского процесса, раскрывающего внутреннее содержательное единство со своим логическим результатом, фиксируемым в «Науке логики» Гегеля.

Политико-правовая концепция раннего Гегеля складывалась под непосредственным влиянием творчества его предшественников в немецкой классической философии: И. Канта и И.Г. Фихте [1; 21; 27; 28], идей французского и немецкого Просвещения XVIII в., особенно Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо [9; 41; 18, стр. 18-19], в несколько меньшей степени – И.Г. Гердера, а также под прямым влиянием античного наследия, прежде всего, конечно, Платона и Аристотеля [3; 36]. Труды Т. Гоббса и Дж. Локка [19; 20, стр. 36-50], продолжавшие оставаться востребованными и во времена Гегеля, были объектом постоянной критики немецкого классика, порвавшего с традициями эмпиризма Нового времени.

Немецкая классика не отрицала традиций гуманизма и просвещения в праве, однако развивала свое учение о праве и государстве на основе совершенно новой методологической

парадигмы. Эта парадигма опиралась на идею единства познаваемого и познающего, субъекта и объекта, основания и результата познания. Теория познания, как в ее рационалистическом варианте (Декарт, Спиноза, Лейбниц), так и в эмпирическом (Гоббс, Локк), исходила из постулата принципиального различия субъекта и объекта познания. Немецкая классика, напротив, имела в качестве базовой идеи идею единства мышления и бытия, субъекта и объекта. Эту идею Кант и Фихте обосновывали, исходя из приоритета субъекта в познании, Шеллинг – объекта, Гегель исходил из самого единства субъекта и объекта, акцентируя абсолютное начало этого единства. Кант и Фихте обосновывали принцип активности субъекта как в сфере познания, так и в социально-политических отношениях, указывая на идею свободы, абсолютной автономии человеческой личности [29, стр. 44-46].

Как трансцендентная данность свобода не может быть дана в форме созерцания, а, значит, не может быть объектом опыта. Поскольку для Канта опыт как синтетическая деятельность способности созерцания и способности суждения является единственной формой познания, постольку выведение свободы за пределы опыта означает для него ее непознаваемость. В теоретическом плане свобода является лишь условием спонтанности нашей способности суждения, и мы знаем о ней только как об этой способности, как о факте сознания, но не имеем никакого материала для суждения о содержании свободы и никаких оснований для того, чтобы мыслить саму возможность такого суждения.

Основной трансцендентальной методологии, посредством которой мы приобретаем возможность высказывать суждения о свободе, для Канта является аналитическое расчленение всего нашего априорного знания на начала чистого рассудочного знания [23, стр. 78]. Однако условием этого анализа, по Канту, должен быть трансцендентальный синтез. «Априорным синтезом понятия, – *писал Гегель,* – Кант приобрел более высокий принцип, в котором могла быть познана двойственность в единстве, стало быть, то, что требуется для истины»]5, стр. 545]. Однако рассудок, по Канту, не способен понять внутренней связи суждений, их координации и т.д.

Решить эту задачу автор «Критики чистого разума» предоставляет той способности познания, которую он называет разумом. Объект разума – чисто умозрительные идеи, для которых в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет. Таким образом, идеи являются чисто трансцендентальными, т.е. выходящими за пределы всякого эмпирического познания. Вместе с тем Кант стремится сохранить и здесь формы опыта, поскольку познание иначе, чем как опыт, он не может помыслить.

Поскольку в сфере разума для чувств нет никакого адекватного объекта, разум сам дает своему знанию идей форму опыта. Но эта форма неизбежно оказывается трансцендентальной иллюзией. Эта иллюзия неизбежна, поскольку мышление, по Канту, вне чувственности невозможно. Но вместе с тем она все равно остается не более чем иллюзией. Ведь познанию здесь не может соответствовать никакой чувственный предмет и оно само для себя моделирует познание, подобно чувственному: «как если бы» знание, если вспомнить известную кантовскую формулировку als ob (как если бы).

Подобная двойственность познания на уровне разума приводит к тому, что оно творит неизбежные фантомы познания, так называемые трансцендентальные иллюзии. Так мы не можем не представлять себе душу как вещь, хотя рассудок учит нас, что она не является вещью. Аналогично обстоит дело и с важным для теории права понятием с свободы. «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить причинность через свободу» [23, стр. 327]. Но свобода является для Канта чистой трансцендентальной идеей, а значит она не представима в формах чувственности. Следовательно, для рассудка ее бытие столь же возможно, как и небытие, а значит абсолютно равноправен с приведенным выше и антитезис: «Нет никакой свободы. Все совершается в мире по законам природы» [23, стр. 327].

В практическом отношении, напротив, деятельность личности состоит именно в реализации и объективации своей свободы. Мы не можем о ней судить, но можем видеть свободу в формах ее объективной реализации. Такими формами внешней объективности, в которых личность может реализовать свою свободу, не разрушая при этом себя столкновением с миром необходимости, для Канта в конечном итоге

оказываются сферы гражданского общества и государства, регулируемые нормами морали и права.

Согласно «Критике практического разума», человек является субъектом свободы лишь в том случае, если он руководствуется разумом. Разум в силу всеобщности своей формы дает человеку ориентир практического действия, который позволяет ему воспроизвести себя как субъекта свободного действия. Таким рациональным ориентиром является категорический императив. В рамках новой парадигмы этико-правовой мысли место естественного закона занимает категорический императив. Естественный закон был исключительно теоретическим основоположением как в эмпирической, так и в рационалистической модели права. Речь шла лишь о том, что является основанием постулирования этого положения: врожденные идеи, открывающиеся «естественному свету разума», или социальная конвенция. То есть категорический императив Кант, по сути, ставит на место естественного закона, который составлял центральную категорию и рационалистической, и эмпирической парадигм правовой науки. Однако здесь имеется существенная разница. Категорический императив и стоящий за ним высший нравственный закон не трактуются автором «Критики практического разума» ни в качестве «врожденной идеи» разума, ни в качестве результата общественного договора. Он выступает лишь как условие практической деятельности человека, канализируемой в формах моральности или легальности, и порождающей, соответственно, нравственность и право.

Енг-Нам Ли, анализируя гегелевскую критику морально-правового учения Канта, сосредотачивает свое внимание на неприятии Гегелем кантовского агностицизма в вопросе о способности субъекта самому давать себе закон. Отказ Канта от содержательного познания свободы не позволяет возвысить моральность единичности до уровня всеобщности и тем самым манифестировать действительные основания дедукции права. В итоге, в вопросах морали и права Кант не может выйти за пределы субъективизма. Современный исследователь обращает внимание и на недостатки кантовской методологии, в частности, на игнорирование «законоутверждающей силы противоречия», в противоположность тому, что мы встречаем в философии права Гегеля [47, стр. 67-71].

Если суммировать в одном слове все претензии Гегеля к политико-правовому учению Канта, то их можно было бы обозначить категорией субъективизма. И. Кант, стремясь преодолеть кризис гуманитарного знания, в первую очередь права и этики, отказался от объективной модели общества, предложенной эмпиризмом Нового времени, и от субъективным установок, введенных в науку Декартом и развитых Лейбницем и Вольфом. Ни объект сам по себе и ни сам по себе субъект не могут быть источником достоверных знаний о природе, обществе и личности. Понять процессы, протекающие в этих сферах, можно лишь в том случае, если в качестве исходного пункта познания мы примем также процесс. А именно: процесс диалектического взаимодействия субъекта и объект. Иначе, как предпочитали говорить немецкие классики, принять в качестве исходного теоретико-методологического начала науки единый «субъект-объект».

Однако сам Кант конструирует теоретическую модель этого «субъект-объекта», анализируя исключительно деятельность субъекта познания, который к тому же трактует как непознаваемую «вещь-в-себе». В итоге он конструирует, как принято говорить «субъективный субъект-объект». И.Г. Фихте стремится преодолеть кантовский агностицизм относительно субъекта познания. Не принимая кантовскую позицию относительно опыта как единственной формы познания, Фихте указывает на рефлексию: «Разуму принадлежит здесь только наблюдение за движением Я, обращение же на самого себя составляет деятельность самого Я, которое поэтому объективно по отношению к рефлексии» [43, стр. 484].

Именно из этой деятельности абсолютного самосознания, полагающего свою свободу, Фихте стремится дедуцировать главные основоположения науки, которые могут быть развиты до конкретных определений естественного права. Эти определения получаются, таким образом, путем рефлексией над свободной деятельностью абсолютного Я и трансформацией результатов этой рефлексии в форму логических суждений. То есть мы «продвигаемся в нашей рефлексии до построения естественного права» [42, стр. 21]. В свою очередь, определения естественного права, полученные искусственным путем в результате такого рода «управляемого синтеза» познания, могут служить путеводной нитью в процессе

оценки норм позитивного права, теории права и государства.

Фихте следует традиции противопоставлять позитивному праву естественное право и само его главное правовое произведение называется «Основа естественного права согласно принципам наукоучения». Но все же его сверхпозитивное право, дедуцированное из трансцендентальной свободы абсолютного Я, уже не имеет ничего общего с естественным правом как субстанцией в духе Аквината или же с естественным правом как врожденной идеей в духе Вольфа. Ведь теперь его источником является свобода как сверхчувственная предпосылка деятельности субъекта и не имеет ничего общего ни с природой, ни с фактическим содержанием разума: «Дедуцированное отношение между разумными существами, отличающимися тем, что каждое ограничивает свою свободу понятием о возможности свободы другого, при условии, что первое так же точно ограничивает свою свободу свободой другого, называется правоотношением, а только что установленная формула есть положение права» [42, стр. 51].

Исходным началом дедукции понятия права в системе Фихте является деятельность абсолютного Я, которая становится объектом созерцания самой себя и тем самым полагает себя. Для Фихте содержание деятельности Я и его полагание абсолютно тождественны, поскольку не имеют другого содержания, кроме названного здесь. Самосознание, положившее себя самого в качестве объекта для себя же, является, по Фихте, самосознанием единичного разумного существа. Для него важно, что ни абсолютное Я, ни самосознание разумного существа не содержать в себе никакого субстрата, носителя деятельности, а являются только этой самой чистой деятельностью. В этом отношении они оказываются тождественными друг другу.

Здесь Фихте правильно указывает на то, что самосознание единичного разумного существа должно иметь всеобщее, сверхчувственное начало и что этим началом, полностью тождественным с ним может быть только абсолютное Я. Но вместе с тем, Фихте всего лишь утверждает то, что должен иметь место такой переход от всеобщего к единичному, но ни в «Основах общего наукоучения», ни в «Основе естественного права согласно принципам наукоучения» он, в действительности, не раскрывает все звенья этого перехода. В итоге и самый главный момент в первоначальной дедукции права – полагание многих свободных существ наряду с тем, которое полагается ограничивающей деятельностью Я, выглядит не более чем произвольным утверждением. Не найдя в указанных текстах его подлинного доказательства, нам не остается ни чего другого, кроме как принять факт такой дедукции в качестве рабочей гипотезы.

Таким образом, мы можем прежде всего видеть ограниченность методологических оснований наукоучения Фихте, которое преодолевает субъективный идеализм лишь в тенденции и не более того. Главной проблемой является переход от всеобщего к особенному и единичному. Задача, невыполнимая в рамках субъективного идеализма, в дальнейшем решается Гегелем за счет того, что он включает в свою философскую систему сам исторический процесс во всей его непосредственности [42, стр. 51].

Однако, если все же принять тезис Фихте о множественности разумных существ («Я полагаю себя разумным, т.е. свободным. При этом во мне есть представление свободы. Одновременно в том же неделимом действии я полагаю другие свободные существа» [42, стр. 12]), то мы сразу же получим очень интересный для теории права и правильный в своей основе вывод. Речь идет о понятии свободы, которое описывает не индивидуальное качество отдельной личности, а «некую сферу свободы, которую делят между собою несколько существ» [42, стр. 12].

Как нам представляется, Фихте вводит в контекст учения о праве совершенно новое понятие свободы, хотя и развивает при этом те посылки, которые заложил в основы теории права Кант. Понятие свободы Фихте рассматривает как связанное сугубо с индивидуумом, если речь идет о процессе познания. Тогда свобода является источником активности познающего субъекта. Но когда речь идет о практическом отношении, порождающем сферу права, то свобода не может трактоваться как качество единичного субъекта. Она понимается им как некая сфера, разделенная между несколькими существами.

Тем самым мы вроде бы возвращаемся на новом уровне к представлениям естественного права о праве как субстанции, лежащей в основе правовых отношения и правового сознания многих разумных существ. Но здесь это возвращение, действительно, осуществляется на новом

витке диалектического развития: естественное право теперь ни в коей мере не является субстанцией, а представляет собой только чистую деятельность. Но понять и, самое главное, проанализировать всеобщее содержание правовых отношений как чистую деятельность, имеющую свою сущность только в себе самой, стало возможным лишь, трактуя ее как исторический процесс.

Такого рода интерпретация историзма и развитие теории права на основе синтеза логического и исторического метода познания права была, однако, осуществлена только Гегелем. Преодоление субъективизма Канта и Фихте Гегель видел на пути развития понятии свободы как всеобщей духовной сущности, разрабатывая соответствующую методологии такой трактовки этого понятия с его последующей экстраполяцией на проблемы отношения личности, общества и государства. Основы такого подхода закладывались уже в ранний период творчества Гегеля, который завершается к моменту публикации «Феноменологии духа» в 1807 году. Крупной политико-правовой работой этого периода является незаконченная рукопись «Конституция Германии», последняя редакция которой относится к 1802 г. В этой работе на фактическом материале отрабатывается последующее решение важных для всей концепции Гегеля теоретических вопросов: сущности государства, возникновения и развития государства, классификации типов государств, принципов их взаимодействия и т.д. Гегель на эмпирическом материале отрабатывает те идеи, из которых позднее будет составлена «Философия права»: идея постижения конкретного понятия в комплексе политико-правовых реалий, идея органической целостности государства, идея принципа субъектности в государственном устройстве и ее воплощение в фигуре монарха.

С точки зрения проблем теоретико-методологических оснований правовой науки важно, что в «Конституции Германии» мы также находим критику, с одной стороны, упрощенного правового эмпиризма, занятого лишь описанием и классификацией политико-правовых феноменов без соответствующей научной рефлексии, и, с другой стороны, столь же отвлеченного и абстрактного рационализма, дедуцирующего свои определения из общих понятий вне отношения к почве реальных политических отношений.

В результате получался лишь комплекс суждений, не имевший никакого действительного результата: рационалисты не смогли дедуцировать общего понятия государства, к которому они стремились, а эмпирики не смогли точно определить сущность немецкого государства, прикрывая отсутствие понятия ничего не значащими словами: «Когда прежние ученые в области государственного права занимались немецким государственным правом, они исходили из идеи науки и стремились поэтому прежде всего установить понятие немецкого государственного строя; однако им не удалось выработать единое определение этого понятия; что же касается специалистов нового времени, то они вообще отказываются от попыток такого рода и рассматривают государственное право уже не как науку, а как описание того, что дано эмпирически, без какого-либо соответствия разумной идее, полагая, что немецком у государству может быть дано только одно наименование – империи или государственного организма» [5, стр. 65].

Такого рода критика эмпиризма и рационализма в науке в дальнейшем станет непременным элементом всех крупных работ Гегеля. В противоположность адептам уходящей науки прошлого века, он считал, что подлинное научное знание должно быть действительным синтезом эмпирии и рациональности. Этот синтез воплощается в понятии предмета, выражающем его внутреннюю суть, его истину. И это содержание Гегель называл понятием.

Задачу правовой науки Гегель видел прежде всего в том, чтобы выявить и эксплицировать само понятие права и государства. «То, что уже не может быть выражено в понятиях, больше не существует» [5, стр. 65], примером чему является германское государство начала XIX в. И наоборот, теория права, оторванная от социальной действительности, не может объяснить своего предмета. В этом Гегель видит отличие теории права и государства от других видов научных теорий, которые могут иметь содержание безотносительно к степени осуществленности своего объекта: «Планы и теории могут претендовать на реальность в той мере, в какой они осуществимы, значимость их не меняется от того, обрели они свое воплощение в реальности или нет; что же касается тории государства, то она может отражать состояние государства и конституции лишь постольку, поскольку

она реальна» [5, стр. 76].

Согласно воззрениям раннего Гегеля, истинное государство, т.е. государство, соответствующее своему понятию в том смысле, какой вкладывал в это слово будущий автор «Науки логики», должно обладать достаточными возможностями для защиты объединенных им масс людей и своей собственности, прежде всего земель. Государство должно отвечать требованиям целостности и внутренней устойчивости. Эти идеи автор «Конституции Германии» развивает в первом параграфе своей работы, который так и называет: «Понятие государства».

Утверждая, что Германия больше не является государством, Гегель показывает, что она не отвечает ни одному из критериев государства, не отвечает самому понятию государства. Она не подходит ни под одно из определений государства, данных Аристотелем. Его даже нельзя назвать анархией, поскольку для анархии также нужна некоторая политическая целостность: «Будь Германия государством, это состояние распада можно было бы с полным основанием вслед за одним иностранным ученым в области государственного права назвать анархией; однако этому препятствует то обстоятельство, что отдельные части империи конституировались в государства, сохраняющие некоторую видимость единства» [5, стр. 76]. Современная ему Германия – это просто совокупность отдельных суверенных государств («Германия – больше не государство», – этой яркой фразой Гегель начинает Введение к своей «Конституции Германии»).

Анализ исторической ситуации – состояния окончательно деградировавшего государства – позволяет ученому определить сущность государства, следуя методу «от противного». Кризис реальной государственности, по Гегелю, проявляется прежде всего в отсутствии единой центральной государственной власти, воплощенной в лице монарха: «Государству необходим общий центр – монарх и сословия, – обладающий всеми разновидностями власти» [5, стр. 72]. Здесь ученый по сути предвосхищает одно из основных положении своей будущей «Философии права» о единстве объективного и субъективного начал в государстве и о необходимости реального воплощения этой субъективности в образе конституционного монарха. Вместе с этим Гегель предвидит и будущее возрождение германской империи. Для этого потребуется субъективная воля государственного деятеля, способного воплотить в жизнь дух мировой истории. Таким образом, создатель учения о «мировом духе» исключительно высоко ставил роль личности в конституировании государства и в процессе его выхода из кризиса. Что, кстати, подтвердилось в дальнейшем и немецкой, и российской историей.

Из числа практических шагов Гегель считает нужным указать на создание единой немецкой армии и формирование институтов центральной государственной власти. С учетом исторических особенностей германских земель и устоявшихся традиций самостоятельного существования, наилучшим ему представляется децентрализованный тип государства, при котором за последним остаются в качестве неотъемлемых функции обеспечения внутренней и внешней безопасности государства, но все остальные функции передаются, насколько это представляется возможным, самими подданным и для этого разрабатываются соответствующие правовые механизмы.

Обеспечить гармонию отношения центральной государственной власти и подданных должна, по мысли Гегеля, система представительства. Именно модернизированная сословно-представительная монархия представлялась ему идеалом для будущего политического и правового устройства германской нации. Высказанная уже в этом, раннем произведении, мысль о том, что общий центр государственности должны составлять в единстве монарх и сословия, станет потом одной из краеугольных идей «Философии права», где понятие сословия, его места в гражданском обществе и государстве, анализируется уже предельно конкретно.

Идея сословного представительства в системе отношения гражданского общества и государства вовсе не является результатом только политических предпочтений Гегеля. Она вытекает из самой сути понимания им природы государства, которое Гегель трактует как продукт деятельности «массы людей» (это словосочетание мы постоянно встречаем в «Конституции Германии»). Эта масса людей образует государство и «совместную власть» [5, стр. 77]. Если «масса людей» проявила свою «всеобщую волю» (термин Руссо, очень значимый для Гегеля), в результате которой она образовала государство и совместную власть, то тогда можно модифицировать это государство, сообразуясь с тем, «что

лучше в той или иной степени»: монархия или республика, гражданское равноправие лиц или неравноправие и т.п. В противном случае отсутствует сам объект модификации. Первичным, таким образом, является то единственное основание, которое «превращает массу людей в государство» [5, стр. 77]. Результатом воли этой «массы людей», устанавливающих государство, должно быть установление единого «военного и финансового дела», все остальное представляется вторичным [5, стр. 104].

Завершающим штрихом реконструкции германской государственности должно стать принятие конституции, закрепляющей политические права сторон в условиях сословно-представительная монархии и общее правовое устройство нового государства. Конституция должна установить основу такого государственного устройства, при котором «государственно-правовое положение сословий и их обязанности» определялось бы «подлинными, общими законами», но отношение каждого сословия к целому рассматривалось бы «в качестве особенного, в форме собственности» [5, стр. 106]. Однако само это устройство должно стать результатом постепенного вызревания в процессе исторического развития нации. Оно не может быть просто заимствовано у других народов, каким бы совершенным их политико-правовое устройство не представлялось. Здесь Гегель вполне определенно дает отсылку к работе Ш. Монтескье «О духе законов», которая со студенческих лет была одним из важных источников его политико-правовых воззрений.

Основная задача государства, которую Гегель формулирует не без оглядки на Гоббса, состоит в противодействии анархии (обращение к самому термину «анархия» (в отличие от гоббсовской «войны всех против всех») связано, скорее всего, с замечанием Вольтера об анархии в Германии, на которое Гегель ссылается в своей работе). Содействие анархии является не просто преступлением против государства, но, своем роде, «базовым» преступлением: «Содействие анархии является высшим, вернее, единственным преступлением против государства, ибо оно включает в себя все остальные государственные преступления... И нет у государства более высокого долга, чем сохранить себя и самым верным способом уничтожить силу этих преступников» [5, стр. 153]. К сожалению, это верное высказывание ученого, впрочем, не вполне оригинальное, не всегда бывало услышано руководителями государств, о чем свидетельствует печальный опыт советского государства. Важно, чтобы оно всегда помнилось и современным руководством российского государства и нашей национальной политической элитой [25; 26].

В современных условиях особую актуальность работе «Конституция Германии» придает то, что в ней Гегель рассматривает процесс трансформации реальных государств и соответствующее развитие самого понятия государства в результате тех фундаментальных изменений, которые внес в политико-правовую жизнь Вестфальский мир. Это важно. поскольку сегодня в связи с процессами глобализации все чаще ставят вопрос о кризисе самой модели «вестфальского государства» (например, Ю. Хабермас [24; 44; 45]).

Именно Вестфальский мир покончил, по мысли Гегеля, с прежней Германской империей, которая стала выглядеть архаизмом в кругу суверенных «вестфальских» государств и постепенно стала своего рода фантомным государственным образованием [5, стр. 100, 146]. И будущий автор «Философии права» детально и обстоятельно рассматривает этот процесс, а также закреплявшие его дипломатические и правовые документы [5, стр. 100-104]. В параграфе «Процесс образования государств в других европейских странах» Гегель исследует процесс становления модели «вестфальского государства» в целом, используя методы и историко-правового, и теоретико-правового анализа.

Следующим за работой «Конституция Германии» шагом на пути создания системной политико-правовой теории стала работа 1802 – 1803 гг. «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве». Здесь Гегель развивает свою критику эмпирического и рационалистического в духе Нового времени способов истолкования права (последний он называет формальный способом), начало которой было положено в «Конституции Германии».

Им он противопоставляет идею нового метода, который получает название «абсолютного»: «истинным отличием принципа науки можно считать только следующее: находится ли она в абсолютном единстве или вне абсолютного единства, в противоположности»

[5, стр. 188]. Поскольку в это время Гегель, пока еще совместно с Шеллингом, стремился к преодолению односторонности субъективизма и объективизма в философии и к научному постижению идеи Абсолюта, снимающего в себе эти противоположности, постольку идея «абсолютного» метода становится для него особо актуальной. В понимании Гегеля и Шеллинга абсолютность метода означает не универсальность и не наличие каких-то гарантий автоматического достижения истины, а лишь способ диалектического восхождения от особенного к всеобщему, абсолютному.

Согласно гегелевской критике, эмпирический метод не может быть признан в строгом смысле слова научным, поскольку он ориентирует лишь на внешнее описание правовых явлений. Здесь, правда, выдвигаются некоторые основания для обобщения, но они являются чем-то случайным, недоказанным, а потому проблематичным. Формальная наука, напротив, отрывает абсолютное основание от особенного содержания, тем самым делая знание бессодержательным: «ту форму науки, где противоречие положено абсолютно, а чистое единство или бесконечность есть негативно абсолютное, полностью обособленное от содержания и положенное для себя, мы назовем чисто формальной наукой» [5, стр. 189].

Абсолютный метод познания, развивающийся из трансцендентального метода Канта, познает в диалектическом равновесии, с одной стороны, единство правовой материи, а с другой стороны, множественность ее форм [5, стр. 205]. Этот метод позволяет понять диалектическую природу главного основания права – свободы, которую эмпирический и формальный метод, абсолютизируя, соответственно всеобщее или индивидуальное, превращают в абстракцию: «Прежде всего встречается ничтожная абстракция понятия всеобщей свободы, существующей якобы отдельно от свободы индивидуумов; на другой стороне находится столь же изолированная свобода индивидуумов» [5, стр. 224].

Согласно Гегелю, у Канта мы находим совершенно односторонний взгляд на сущность правовой свободы. Свободу нельзя свести только к свободе социума, поскольку в ней растворится индивидуальное. Но и чисто индивидуальная свобода невозможна, поскольку тогда индивид будет детерминирован чем-то внешним: «свобода, для которой нечто поистине внешнее было бы чуждым, не есть свобода; ее сущность и формальная дефиниция есть именно то, что нет ничего абсолютно внешнего» [5, стр. 224]. Позже Гегель разовьет эту мысль в «Философии права» и наиболее четко выразит в своих «Лекциях по истории философии», комментируя Платона и воспроизводя его идею о том, что нельзя быть свободным и справедливым человеком, живя в несправедливом обществе.

Нужно сказать, что в дальнейшем Гегель мало использует термин «абсолютный метод», предпочитая в «Философии права» говорить о «спекулятивном» или «диалектическом» методе познания правовых явлений. Этот метод должна дать науке о праве философия. Содержание естественного права, включающее в себя отношение к абсолютному, должно полностью войти в систему философского знания [5, стр. 256-259]. Поэтому Гегель постепенно отходит от термина «естественное право», а в дальнейшем даже критикует его, связывая с догматизмом старой вольфианской метафизики. В «Энциклопедии философских наук» он даже выносит за скобки и термин «философия права», трактуя ее понятия как определения «объективного духа».

Переходным этапом к зрелой теории абсолютного идеализма Гегеля стала рукопись, озаглавленная «Система нравственности», относящаяся к 1805 – 1806 гг. Понятие нравственности в ней трактуется предельно широко. В отличие от морали, которую Гегель связывал преимущественно с субъективным миром человека, нравственность охватывает всю систему объективных, материальных и духовных, форм жизни гражданского общества, обуславливающих ориентацию личности на ценности абсолютного блага. Такая трактовка понятия нравственности как формы гармонизации отношения гражданского общества и государства войдет позднее и в «Философию права».

Здесь же и предвосхищается архитектоника «Философии права». Гегель говорит о субъективном духе, связывая его прежде всего с проблемой воли человека. Далее – о действительном духе, аналоге позднейшего понятия объективного духа, охватывающем в единстве сферу морали и нравственности и посвященном проблематике договора, преступления и наказания, закона и моральных норм. Третий раздел посвящен понятию государственного устройства. В основу последнего положен принцип свободы,

который применительно к государственном устройству трансформируется в методологический «органический принцип», посредством которого принцип свободы получает свое «механическое строение». Его воплощение осуществляется через гармонию, живое бытие единого», управляемого и управляющего, народа и правительства [5, стр. 364 – 365].

Первым элементом зрелой гегелевской системы следует считать «Феноменологию духа» (1807 г.), задачу которой сам ученый видел в том, чтобы возвысить обыденного сознания до уровня научного мышления [7, стр. 9]. Гегель писал: «…прежде чем приступить к самой сути дела, т. е. к действительному познаванию того, что поистине есть, необходимо заранее договориться относительно познавания, рассматриваемого как орудие, с помощью которого овладевают абсолютным, или как средство, при помощи которого его видят насквозь» [7, стр. 41].

В «Феноменологии духа» Гегель показал, что конкретное и истинное постижение всеобщего возможно лишь в контексте понятия «духа», т.е. возможно только духовно развитым мышлением, которое понимает свой предмет как дух. В «Феноменологии духа» мы находим как раз развитие субъекта познания до формы и содержания «духа», конкретность этого понятия позволила великому мыслителю прийти к новому взгляду на природу права.

Прежде всего это связано с понимаем права как целостного явления, относящегося к сферам мышления, социального бытия и бытия человеческой личности, что в целом можно было бы назвать духовной целостностью института права. Вместе с тем Гегель стремится показать право и как неотъемлемый элемент органического единства природы, общества и мышления в целом. Такое понимание целостности в многообразии, включая сюда и сущность права, оказывается возможным, поскольку исходный пункт научного познания, который классики называли «субъект-объект», или «субстанция-субъект», понимается как изначальное синтетическое единство, которое в самом себе находит источник и силу (Macht) для своего разделения на субъект и объект.

В своей дедукции основ диалектической методологии Гегель раскрывает этапы развития познания: сознание, самосознание, абсолютный субъект. На последнем достигается состояние абсолютной свободы, которая должна быть положена и, по Гегелю, с неизбежностью будет положена в основание всех действительных социальных отношений: «…дух существует как абсолютная свобода; он есть самосознание, которое проникается тем, что его достоверность себя самого есть сущность всех духовных масс как реального, так и сверхчувственного мира, или, наоборот, что сущность и действительность есть знание сознания о себе… Эта нераздельная субстанция абсолютной свободы возводится на мировой престол, и никакая сила не в состоянии оказать ей сопротивления. В самом деле, так как одно лишь сознание есть поистине стихия, в которой духовные сущности или силы имеют свою субстанцию, то вся их система, которая организовалась и поддерживалась делением на массы, рухнула, когда единичное сознание понимает предмет таким образом, что у него нет никакой иной сущности, кроме самого самосознания, или что он есть понятие абсолютно» [7, стр. 314-315].

Результатом развития этой «субстанции свободы» у Гегеля является правовое состояние личности. Именно в «Феноменологии духа» Гегель впервые систематически излагает понятие личности, представленное в дальнейшем как исходный пункт его «Философии права». Последующее развитие понятие личности от абстрактного субъекта личной свободы к конкретному субъекту правовой свободы Гегель видит в утверждении христианского мировоззрения, которое, приобретя всемирно-историческое значение, реализует на практике идею одухотворенного государства. Но такого рода интерпретация развития права дается Гегелем только в поздних произведениях: в «Философии истории» и в еще большей степени в Философии религии». В «Философии права» Гегель предлагает альтернативный вариант развития понятия субъекта права посредством дедукции его из личности (Person) абстрактного права – через диалектику морального сознания – к субстанции нравственности.

В «Феноменологии духа», где на первом месте стоит собственно гносеологический, а не философско-правовой интерес, он идет к той же цели достижения единства абстрактности личности и конкретности нравственной субстанции уже другим путем: вслед за определениями правового состояния вводится проблематика образования, посредством которой,

преодолевая негативные установки атеистического Просвещения, субъект возвышается до уровня сознания, соответствующего духовному уровню нравственной субстанции. Гегель вводит в «Феноменологии духа» различие трех форм самости как основного стержня личности. Первую форму составляет личность как субъект римского права, вторую абсолютная свобода Французской революции, третью – идея образования, утвердившаяся в эпоху Просвещения. В конечном итоге уровень конкретного, содержательного, единства идеи права, идеи свободы и идеи образования оказывается возможным только благодаря явлению Богочеловека, абсолютная значимость которого для личности единичного человека делает его адекватным уровню субъекта свободы, субъекта духа, субъекта права и государственности, понятых в качестве нравственных сущностей: «Итак, этот единичный человек, в качестве которого абсолютная сущность есть предмет откровения, в себе как единичный совершает движение чувственного бытия. Он — непосредственно наличествующий бог; благодаря этому его бытие становится прошлым бытием (Gewesensein). Сознание, для которого он обладает этой чувственной наличностью, перестает видеть, слышать его; оно его видело и слышало; и лишь благодаря тому, что оно только видело, слышало его, оно само становится духовным сознанием; другими словами, как прежде бог являлся для сознания в качестве чувственного наличного бытия, так теперь он явился в духе. — Ибо в качестве сознания, которое чувственно видит и слышит его, оно само есть только непосредственное сознание, не снявшее неравенства предметности, не вернувшее его обратно в чистое мышление, а знающее этого предметного единичного, но не себя само в качестве духа. В исчезании непосредственного наличного бытия того, что знают как абсолютную сущность, непосредственное получает свой негативный момент; дух остается непосредственной самостью действительности, но в качестве всеобщего самосознания общины, которое покоится в своей собственной субстанции, подобно тому как эта последняя в нем есть всеобщий субъект, — не единичный человек для себя, а совокупно с сознанием общины; и то, что есть этот единичный человек для общины, есть завершенное целое сознания» [7, стр. 407]. Таким образом, ни право, ни действительная свобода, ни образование невозможно вне объединяющей их и возвышающей их религиозной идеи.

«Феноменология духа» является методологическим и теоретическим введением в систему Гегеля, устанавливающим способ истинного научного познания человека, природы, общества. Или в более узком, интересующем нас, аспекте: личности, общества и государства. Архитектоника системы Гегеля, в которой актуализируется его теория права и государства, состоит из трех базовых блоков: 1) науки логики, представляющей собой одновременно метод и самоизображение абсолютной идеи, 2) философии природы, в которой рассматривается процесс генезиса духа от внешних форм пространства и времени до целостности человеческого организма, и 3) философии духа. Последняя включает в себя учение о человеке, рассматриваемом в его субъективности (учение о субъективном духе); учение о праве и государстве (учение об объективном духе); учение о формах самосознания духовной жизни: искусство, религия, философия (учение об абсолютном духе).

Таким образом, мы видим в системе Гегеля изначальную целостность природы, человека, права, государства, форм общественного самосознания. Думаем, что до Гегеля не предпринималась более значительной попытки рассмотреть право в качестве органического элемента всей целостности природы, общества и мышления. Но, без сомнения, только такой подход позволяет правильно понять сущность права как общественного, морального и глубоко личностного феномена.

Несущим элементом всей конструкции системы является «Наука логики», в которой содержится понятие диалектического метода. Здесь уместно вспомнить оценку «Феноменологии духа», данную В.С. Нерсесянцем, которую мы приводили выше. В.С. Нерсесянц говорит о том, что «Феноменология духа» не содержит понятия права, но она формирует чистую мысль о понятии, опираясь на которую, мы можем получить и конкретное, содержательное, понятие права [30, стр. 31]. Так и «Наука логики» не содержит в себе результаты применения метода, но зато дает саму чистую идею метода, которая позволяет ему структурировать материал познания [4, стр. 755-757].

Исследуемые в «Философии права» и в других

произведениях Гегеля сходной проблематики вопросы метода познания, а также сама имплицитная логика развития теоретического материала, определяющая архитектонику произведений и обоснованность перехода от одного предметного блока к другому – все это относится к философии в собственном смысле слова, т.е. к «первой философии», philosophia prima, как ее понимал Аристотель. Основными категориями здесь являются категории метода, субъекта, объекта, понятия, блага (абсолютного добра), идеи, абсолюта, духа.

К области философии права относится проблематика свободы как субстанции духа, собственно духа, прежде всего в определениях его объективности, воли, морали и нравственности. Категория духа имеет свое содержание в области «первой философии» и в философии права, опосредуя их отношение. То же самое можно отнести и к категории блага.

К позитивной политико-правовой науке относится большая часть содержания текстов «Философии права», «Конституции Германии», правовых разделом «Йенской реальной философии» и др. Прежде всего – это проблематика свободы воли, личности, договора, преступления и наказания, семьи, труда, гражданского общества, суда, закона, государства. Но категории свободы и свободной воли относятся также к предметной области философии права. Диалектика их содержания обеспечивает связь философии права с позитивной теорией права и государства и ее ценностной основой [34, стр. 7-14; 31].

Таким образом, понятие свободы является «сквозной» категорией, восходящей от позитивной политико-правовой теории через понятие объективного духа философии права к понятию духа «первой философии». В этом качестве теоретическое истолкование понятия свободы является парадигмой правовой мысли немецкой классики, обеспечивающей всеобщее теоретико-методологическое обоснование политико-правового учения Гегеля, определяющей содержание и форму понятий права, личности, гражданского общества и государства.

Апелляция к духовной основе понятия свободы и к его ценностному началу особенно актуальна сегодня, когда западный мир превращает «человека разумного» в «человека потребляющего» [39; 40], через атеистический взгляд на права человека навязывает вседозволенность в личной жизни и неуемный гедонизм как принцип бытия [10; 35]. В современном открытом мире в век информационно-коммуникационных технологий распространение этого влияния технически остановить невозможно [11; 22; 33]. Единственной преградой и заслоном от инокультурного транша может быть восстановление духовной культура общества, формирование духовной личности, признающей высшие внематериальные ценности, опирающейся на религиозные или этические идеалы, признающей высшую ответственность за пределами земного бытия. Только духовная культура способна противостоять потоку агрессивной бездуховности, подрывающей традиционные устои общества и разрушающей дух русского народа [2; 16; 37; 38]. Важным элементом духовной культуры, дающим определенность ее научной форме, является немецкая классическая философия права, дано интегрированная в российскую науку и культуру.

Список литературы

1. Абубакаров А.А.,Исмагилов И.Р., Клименко О.А. Государственный суверенитет как конституционная ценность (сравнительный анализ трактовки понятия суверенитета Кантом и Гегелем) // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55).
2. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
3. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Ч.1. Объективная логика. Ч.2. Субъективная логика / Изд. подгот. Д.В.Масленников. – СПб: Наука, 1997. – 799 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – 439 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 668 с.

7. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб: Наука, 1992. – 444 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
9. Денисов А.М. Учение Монтескье и Руссо как теоретические источники принципа историзма в правовой теории // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 18-22.
10. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права как философско-специализированная наука // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 195-203.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: вчера, сегодня, завтра // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 6-13.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: настоящее и будущее // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 2(44). – С. 7-14.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
17. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
18. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
19. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
20. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
21. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
22. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
23. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. – 591 с.
24. Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 172-178.
25. Колядин А.М. Политическая элита современной России: является ли она субъектом развития? // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 70-76.
26. Колядин А.М. Формирование политической элиты и процесс политического развития // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 42-50.
27. Лежнева О.Ю. Мораль, право, суд: Кант о свободе и ответственности личности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 181-187.
28. Лежнева О.Ю., Пономарев А.А., Пылева О.В. Учение И. Канта о конституционных правах и свободах личности и традиция Просвещения // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55).
29. Масленников Д.В., Пономарев А.В. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. – 2016. – № 6. – С. 40-46.
30. Нерсесянц В.С. Политическая философия Гегеля: становление и развитие: Вступительная статья // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. С. 6-48.
31. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.,

1996. – С 52-58.
32. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 264 с.
33. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
34. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
35. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
36. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
37. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
38. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
39. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
40. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
41. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
42. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / Пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: Канон+; Реабилитация, 2014. – 392 с. – (История философии в памятниках).
43. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т.1. СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
44. Шульц В.Л. Метод познания социальных явлений Ю. Хабермаса // Современная западная социология. Межвузовский сборник, Л.:ЛГУ, 1979.
45. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. – М.: Наука, 2005. – 74 с.
46. Cobben P. Kritische Uberlegung zum Verhaltnis von Familie und burgerlicher Gesellschaft in Hegels Rechtsphilosophie // Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Herausgegeben von M. Wischke, A. Przylebski. Wurzburg: Konigshausen – Neumann, 2010. S. 113 – 117.
47. Haeng-Nam Lee. Dailektit der sittlichen Freicheit. Hegels Auseinandersetzung mit seinen Vorganger. Frankfurt a.Main. Nomos. 2017.

КОЛЯДИН Андрей Михайлович,
докторант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: andy@list.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ СРЕДИ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Анализируется государственно-правовая идеология как специфическая форма взаимодействия, взаимосвязи идеологии и политики. Отмечается необходимость исходящей от государства интегрирующей общество идеологии. Приводятся функции, которые она призвана выполнять в любом обществе.

Ключевые слова: *политическая идеология; государственная идеология; политический процесс; политическая система.*

KOLYADIN A.M.

LEGAL IDEOLOGY AMONG THE SYSTEM-FORMING FACTORS OF THE POLITICAL PROCESS

The summary. *The state ideology is analyzed as a specific form of interaction, the interrelationship of ideology and politics. There is a need for the ideology that is integrating society to emerge from the state. The functions that it is called upon to perform in any society are given.*

Key words: *political ideology; state ideology; political process; politic system.*

Исследование феномена правовой идеологии сталкивается с множеством трудностей, которые связаны с ролью идеологий в современных обществах, подвергающихся постоянной модернизации, либо осуществляющих реакционный поворот к традиционалистским ценностям и встающим на путь умеренного или крайнего консерватизма. Сформировавшиеся в современной научной литературе концепции деидеологизации и реидеологизации основываются на исследовании степени и силы влияния идеологических факторов на массовое сознание и политические процессы. Критики и апологеты говорят о «конце идеологий» либо об усилении роли идеологий и проникновении их во все сферы жизни современных обществ, однако вне идеологического контекста и идеальных факторов не мыслятся глобальные и региональные политические процессы.

Обращаясь к процессуальным параметрам любой политической системы, мы, в первую очередь, говорим о динамических процессах и изменениях в политическом пространстве и его отдельных элементах. Эти изменения взаимосвязаны и влияют друг на друга, составляя тем самым единый комплекс – политический процесс, фиксирующий и раскрывающий изменение состояний и форм политических объектов и явлений.

П. Сорокин в работе «Социальная и культурная динамика» трактует «процесс» вообще, понимая его как «любой вид движения, модификации, преобразования, перестройки или «эволюции», любое изменение данного

логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве, или речь идет о модификации его количественных и качественных аспектов» [54, стр. 80].

Процессы, протекающие в любой социальной системе или в одном/нескольких её компонентах, и изменения, которым подвергаются системы, суть процессы не изолированные друг от друга. П. Штомпка отмечает: «Человеческие общества постоянно изменяются на всех уровнях своей внутренней структуры Общество – это отнюдь не целостная сущность, а многоуровневое, внутренне связанное направление процессов» [60, стр. 86]. Сам факт изменения является многоплановым (или многоаспектным) процессом, где задействовано множество различных аспектов и факторов, влияющих и определяющих дальнейший ход событий и смену состояний.

Таким образом, процесс включает в себя систему постоянно трансформирующихся взаимодействий. Потому отделение «политического» от «социального» представляется нам возможным при разделении сфер и способов этих взаимодействий. Определяется ли политическое посредством власти, то есть в «узком» понимании политики, либо за счет целедостижения на основе решений, касающихся общественного устройства в рамках тех или иных нормативных предписаний, мы будем исходить из понимания политики (и политического) как одного из инструментов регулирования социальных процессов, функциональной области, составной части общесоциального.

Категория «политический процесс» описывает весь объем политической динамики и движения, охватывая единичные проявления изменений в частях целого, и позволяет анализировать характерные (типичные) формы связи между ними. Комбинации различных характеристик изменений предполагают множество подпроцессов внутри всей (общей) совокупности динамических процессов, каждый из которых (подпроцессов) проявляется в конкретной смене состояния конкретного политического явления во времени и пространстве.

Политический процесс – своеобразный вектор, на который оказывают влияние как различные политические факторы – институционализированные (государство, партии, лидер), политическая иерархия, политические элиты, политические система и режим, – так и факторы, характеризующие формы человеческого существования: религиозные, культурные, этнические и другие. Все они суть структурные факторы, то есть социально-экономические и культурно-ценностные предпосылки и условия, способствующие или препятствующие многообразным общественно-политическим процессам. Сам же политический процесс протекает между и внутри множества факторов (и предполагает выбор из множества факторов), которые в значительной степени определены.

В таком контексте мы можем рассматривать идеологию как структурный фактор, институционализированную культурно-ценностную модель политического процесса, определяющую «содержательное наполнение выбираемых формальных процедур и институтов» [21, стр. 12] и способы освоения и постижения политического универсума.

Необходимо отметить, что сам концепт идеологии в политической науке в силу различных подходов к данному феномену приобретает различные трактовки. Появившаяся в эпоху модерна как эффективный и практически единственный механизм конструирования политической действительности идеология со временем утратила свою «идеальную» составляющую. К. Гирц одним из первых обратил внимание на одну из главных проблем идеологии: произошла «почти полная идеологизация самого понятия «идеология». Автор связывает это со слишком узким подходом к проблеме, не учитывающим социальные и психологические контексты, и именно потому «общественные науки пока что не сумели развить подлинно безоценочное понятие идеологии» [11, стр. 7-8].

Т. Иглтон в своем фундаментальном труде, посвященном исследованию идеологии, отмечает, что нет единственного адекватного определения понятия. Он приводит перечень более десяти трактовок идеологии, которые можно встретить в современной научной литературе. Среди них: процесс производства значений, знаков и ценностей в социальной жизни; социально необходимая иллюзия; способ, при помощи которого социальные акторы сознательно придают значение своему миру; ориентированный на действие набор верований; процесс, посредством которого социальные идеи преобразуются в действительную реальность, и другие. При этом

Иглтон убежден, что разнообразие дефиниций не является проблемой, а скорее следствием разнообразных и часто противоречащих и несовместимых друг с другом концепций, в которых понятие идеологии не может и не должно быть синтезировано в «великую глобальную теорию идеологии» [62, p. 1-5].

Как идеальная составляющая политического процесса, отражающая его объективные тенденции, и как идеализированная форма представлений людей о процессах, происходящих в обществе, идеология во многом является катализатором изменений общественно-политической практики, системой идей, детерминирующей политический процесс. Духовно-культурные формы включены в социальную динамику как побуждающий фактор, «и они становятся отправными точками в символическом конструировании социальной реальности, в формировании основ осмысленного социального и культурного порядков и в устройстве механизма, обеспечивающего участие в последнем» [61, стр. 72].

Идеология в политическом процессе призвана сформировать символическую модель, которая выступала бы моделью политической реальности. Это становится необходимым и обязательным условием идеологии в её процессуальном аспекте. Преемственность и изменения в политике требуют критериев, которые бы символически структурировали среду и являлись ответом на вызовы и противоречия, существующие в политическом поле. Подобные критерии или «основополагающие нормы» в устройстве макросоциальных порядков, как их определяет Ш. Эйзенштадт, «обеспечивают некоторую предсказуемость социального взаимодействия в долгосрочной перспективе и наделяют принимаемые решения смыслом, который значим, несмотря на различные противоречия человеческого бытия вообще и социальной жизни в частности» [61, стр. 8]. Эти критерии, их содержание находят выражение в политической символике. Идеологические сигнификаты символически структурируют политическую реальность: устанавливают границы политического, формируют основы рационализированного процесса политических изменений и механизмов участия в них. Процесс производства идеологией значений, символов и ценностей, вызывающий определенную политическую практику, позволяет нам определить идеологию как, во-первых, локализованную сферу интеллектуальной и духовной деятельности по освоению действительности, направленную на создание символической модели мира политики, и, во-вторых, форму сознания, дающую представление о социально-политической динамической реальности, способах и формах её изменения, претендующую на универсальность.

М. Фриден отмечает, что теоретические исследования идеологии прежде отличались излишне унитарным подходом к вопросу, ограничиваясь изучением природы форм и различий конкретных идеологических доктрин, либо ограничивались классификацией идеологических позиций. Для начала автор предлагает отталкиваться от нескольких положений, определяющих суть идеологии. Во-первых, идеологии всегда присущи социальным группам, они «произведены, направлены на (группы) и потребляются группами». Второй аспект отражает основные функциональные характеристики идеологии и её роль в социальном процессе: идеология легитимизирует, интегрирует, социализирует, упорядочивает и систематизирует, упрощает и ориентирует действие. В-третьих, идеологии – это формы политического мышления. Отражая все разнообразие воспринятого, идеологии тем самым формируют концептуальное представление о существующих или воображаемых социальных мирах. Четвертое, идеологии являются источником власти в том смысле, что, оправдывая определенные политические решения и поддерживая политические действия и определенную политическую практику, идеологии вызывают власть как возможность руководить и оказывать влияние на человеческое бытие [63, p. 22-23]. В некоторых публикациях она оценивается как ключ к переменам [32; 33].

Приоритет социальных групп в идеологической сфере характерен в большей степени для эпохи Modernity. Возникновение современных идеологий совпало с процессом дифференциации общества на группы и, в первую очередь, функциональная дифференциация групп в экономической сфере послужила толчком к возникновению конкуренции в сфере идеально-духовных конструктов как систем описания общества и проектов социального развития. Абстрактное описание возникших универсальных социальных связей в индустриальном обществе несет в себе исключительно

функциональную нагрузку. Идеология выступает как нормативно-символическая сфера, легитимирующая социально-политический порядок, или же своего рода «внешняя среда», навязывающая нормы и значения и потому способствующая успешной социализации индивида. В таком срезе идеология представляет собой форму организации и контроля структуры, которая обусловливает процессы, происходящие в этой структуре.

Сконструированная политическая реальность и в особенности её идеальная составляющая всегда определяются группами индивидов. Социальные группы как носители определенного набора ценностей, стандартов, норм и культурных символов воспринимают действительность сквозь призму этих нормативно-символических форм и, как следствие, представляют собой социально-структурное основание для того или иного означивания и определения реальности, в том числе и правовой реальности [5; 10; 19; 22; 51]. Социальная обусловленность возникновения и функционирования идеологических конструктов проявляется в способности идеологии вбирать в себя всю социальную реальность, всю сумму её противоречий, всю раздробленность и фрагментарность социального мира и тем самым легитимировать эти противоречия.

Идеология представляет собой специфическую форму рационализации мира и жизни, которая позволяет человеку найти устойчивые ориентиры для своей деятельности, если мы, вслед за Т. Парсонсом, будем понимать рациональное как связь средств с целью, достигаемую в условиях данной ситуации и при помощи наиболее подходящих средств, которыми располагает актор [24, стр. 113]. Подобное представление об идеологии в методологическом анализе приобретает негативный оттенок. Определяя универсальность и всеобщность частных субъективных интересов, идеология не анализирует и не позволяет это делать людям, а связывает поверхностные факты, не исследуя сущностные связи. М. Оукшот пишет, что рационализм как тип мышления «обманным путем» присвоил всю сферу нравственности и морального воспитания и овладеть такой рационалистической моралью можно только через усвоение идеологии. «Рационалист разрушает существующее невежество и заполняет образовавшуюся пустоту определенными знаниями, абстрагированными от личного опыта...» [23, стр. 36-37]. Редуцируя политические явления и, в конечном итоге, схематизируя всё политическое, подменяя действительность системами массовых представлений, теоретически и логически обоснованными, идеология формализует массовое сознание. Таким образом, мы можем определить идеологию как средство идейного воплощения групповых интересов, содержащее в себе видение политического и социального развития общества.

Как явление более частного характера по отношению к идеологии в целом, в политической науке рассматривается понятие политической идеологии. Политическая идеология – явление сложное, многогранное и исторически изменяющееся. Она возникает только на определенной ступени развития общества и играет в нем существенную роль. Политическая идеология является ядром идеологии и в концентрированном виде отражает интересы определенного класса. Политическую идеологию можно определить как совокупность идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность с точки зрения интересов определенных политических сил, стремящихся преобразовать эту действительность в своих интересах [25]. По мнению А.И. Соловьева, политическая идеология представляет собой «определенную доктрину, оправдывающую притязания той или иной группы лиц на власть (или ее использование), добивающейся в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным целям» [53, стр. 335]. Несмотря на то, что автор признает определенную предвзятость оценок и склонность к духовному экспансионизму данного политического феномена, он делает акцент на том, что это инструмент, с помощью которого консолидируют групповые объединения граждан, обеспечивают связь с низами, выстраивают определенную последовательность действий в политическом пространстве.

Политическая идеология является интеллектуальной и духовной основой политической деятельности. Взаимодействие этих основ определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, политическая идеология разъясняет силам, действующим в политике, общую социальную и политическую ситуацию в мире, перспективы развития, определяет ценности, которые лежат в основе действий, указывает средства, обеспечивающие реализацию этих

ценностей. Во многих случаях политическая идеология дает и общие директивы для действий.

Во-вторых, политическая идеология выступает организующей силой, объединяющей политическое движение. Важным связующим звеном каждого крупного политического движения является убеждение в принадлежности к сообществу близко, подобно или даже одинаково мыслящих людей.

В-третьих, политические идеологии представляют собой совокупность символов, имеющих эмоциональное содержание. В той или иной степени они содействуют интенсификации действий индивидов и групп.

В современной политической науке выделяют четыре основные модели генезиса политической идеологии:

1. Модель конденсации работает в случае, когда (в результате своеобразной конденсации искажений массового сознания) происходит трансформация идеологических представлений, присущих обыденному политическому сознанию, в теоретические идеологические структуры.

2. Своеобразная конденсация распространенных в массовом сознании представлений, стереотипов, политических предрассудков и иллюзий характерна, прежде всего, для уравнительных, утопических, популистских идеологий, в наибольшей степени связанных с обыденным политическим сознанием. Такие идеологии более или менее отражают повседневный опыт граждан и не стремятся подняться до осмысления глубинных социальных процессов.

3. Интегративная модель характеризуется синтезом, интеграцией, конвергенцией различных идей и представлений существующих политических течений. Новая идеология образуется путем сочетания элементов двух или нескольких идеологий. Американский политолог Д. Эверсон назвал это «новым пересечением» идеологических установок (неоконсерватизм, неолиберализм и тому подобное).

4. Дивергентная модель. В данном случае формирование новой политической идеологии происходит в результате редукции, дезинтеграции, дивергенции, то есть «расщепления» идеологии уже существующей, на основе одного из ее элементов (совокупности элементов), которые, таким образом, выступают в качестве своеобразного ядра нового идеологического образования,

5. Модель ревитализации идеологии. Для этой модели характерен возврат к старым идеям, их возрождение в более или менее модифицированной форме.

Наиболее распространенным методом формирования политической идеологии является редукция. Суть редукции состоит в сведении к единому знаменателю множества противоречивых элементов, или компонентов к какому-либо одному или нескольким базовым элементам. С помощью редукции достигается большая компактность идеологии, ее простота и доступность для среднего человека определенной политической ориентации. Степень редукции варьируется в зависимости от степени открытости или закрытости конкретной идеологической системы: от минимальной в умеренных идеологических системах и до крайних – в радикальных и революционных. При этом существует определенная закономерность, согласно которой степень радикальности той или иной идеологической конструкции прямо пропорциональна степени редукции основных ее элементов.

Выделение моделей генезиса идеологии носит условный характер, поскольку в реальном процессе формирования и изменения идеологий они нередко сочетаются, пересекаются и не встречаются в чистом виде.

Основные структурные элементы политической идеологии, формирующие ее содержательный и инструментальный аспект: связь с общей мировоззренческой системой эпохи: программные установки, сформированные на основе тех или иных положений этой системы: стратегия реализации программных установок; пропаганда; конкретные шаги по реализации программы, а также следующие функции:

1. Познавательная функция – на основе систематизации знания, полученного в различных сферах человеческой деятельности, создается определенная модель мира и человека в нем, отражающая интересы определенной человеческой общности:
2. Оценочная (аксиологическая) – на основе интересов конкретной человеческой общности дается оценка определенных ценностей: нравственных, эстетических, правовых, политических, экономических, религиозных и так далее;
3. Программно-целевая – ставит перед

данной человеческой общностью цели, пути, способы и конкретные программы их достижения;

4. Футурологическая – формирует представления о будущем развитии данной общности и всего человеческого общества в целом;
5. Защитная – обеспечивает конкурентное взаимодействие с другими идеологиями;
6. Социально-организующая – формирует принципы организации и управления жизнью данной человеческой общности, ее взаимодействия с другими общностями.

В связи с проблемой интеграции идеологических конструктов в массовое сознание выделим три уровня политической идеологии:

- теоретико-концептуальный, на котором формируются важнейшие положения, раскрывающие своеобразие видения мира, исходящие из интересов и идеалов определенного слоя, класса, нации или государства:
- программно-политический, на котором теоретические положения конкретизируются в виде различных норм, установок, программ, определяющих конкретные управленческие решения и стимулирующих политическую деятельность граждан;
- актуализированный, определяющий степень освоения гражданами целей и принципов, лежащих в основе данной идеологии, их готовность следовать осуществлению соответствующих политических, экономических, социальных программ.

Каждый из этих уровней играет свою роль в производстве, распространении и трансформации идеологии. Эта инфраструктура обусловливает то, что А.И. Соловьев называет «технологизацией политических коммуникаций» [52].

Политическую идеологию можно рассматривать в трех аспектах: историко-генетическом, гносеологическом и социальном. Первые два аспекта в полной мере раскрываются при исследовании ее предмета отражения. Существуют три точки зрения на предмет отражения политической идеологии:

1) предметом отражения является экономика:
2) предмет отражения – область политических отношений;
3) предмет отражения – классы, классовая структура.

Все эти точки зрения взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Анализ литературы, посвященной проблеме политической идеологии, позволяет обобщить и систематизировать социально-политические параметры функционирования идеологии, которые включают в себя:

- создание «картины мира»;
- обеспечение связи с общей мировоззренческой системой эпохи;
- теоретическое выражение самосознания определенной социальной группы, слоя, класса, нации, этнической или иной общности:
- определение механизма теоретической защиты социально-политических и экономических интересов субъектов политики;
- объяснение социально-политической и экономической ситуации в мире;
- прогнозирование перспектив развития и декларирование цели развития:
- определение ценностей, которые лежат в основе политических действий.

Политическая идеология указывает средства, обеспечивающие реализацию этих ценностей:

- выступает в качестве инструмента интеграции общности и консервации деструктивных социальных процессов;
- формирует волю, стремление к политическому действию, мобилизует активность политических субъектов;
- осуществляет функцию смыслообразования действительности;
- выполняет директивную функцию:
- используется как средство позитивного целеориентирования (духовного сплочения и руководства), которое направляет поведение людей в сфере социальных и политических отношений;
- регулирует поведение социальной группы, участвующей в политическом действии или готовящейся к нему;
- играет роль канала передачи традиции.

Наиболее важным является вопрос о функциональной эффективности политической идеологии, которая может измеряться как качественными, так и количественными параметрами. «Идеология эффективна, если она обеспечивает единство общества, объединяет его граждан

вокруг общенациональных задач, адекватных времени и условиям. Идеология считается неэффективной, если она не воспринимается обществом, не способствует достижению поставленных целей, не определяет пути дальнейшего развития общества в конкретных исторических условиях» [8, стр. 33], – такие критерии эффективности – неэффективности политической идеологии дают А.П. Бутенко и Л.И. Кочеткова.

Отметим, что любая политическая идеология практически не отличается от инструментальной природы государственной идеологии, они выполняют одинаковые функции.

Субъектность государства в политике определяется его регулятивными потенциями — способностью мобилизовать материальные, финансовые, людские ресурсы, использовать этот потенциал в социально значимых целях, обеспечить наиболее сущностные права и свободы своих граждан. А это во многом зависит от того, насколько государство способно аккумулировать общенациональные интересы и реализовывать их в своей практической политике. Поэтому идеология, наряду с правовыми нормами, выступает средством реализации государственных целей, политики государства. Воздействие государства на личность не может строиться лишь на принуждении и насилии — такого рода формы государственности нежизнеспособны и могут существовать лишь в относительно коротком временном интервале. Именно идеология позволяет обеспечить реальное единство ценностных ориентаций индивида и государства, интегрировать множество существующих социальных, конфессиональных, территориальных, этнических и иных групп в нечто целое, самоидентификация с которой является для индивида субъективно значимой [3; 18; 26; 37].

Ценностные ориентации, пропагандируемые морально-этические доминанты, представления о путях и конечных целях развития общества и государства постепенно трансформировались в правовые нормы, установленные и охраняемые государством. Поэтому государственную идеологию можно рассматривать и как предтечу, предшествие права. Исходящие от государства идеологемы, освященные его авторитетом и защищаемые им, служат как бы протоправом, предправом, поскольку способны при определенном стечении обстоятельств превратиться в собственно правовые нормы [56; 57; 58].

Государственная идеология — специфическая форма взаимодействия, взаимосвязи идеологии и политики, существующих в обществе идеологем и собственно политической деятельности государства. Именно идеология позволяет создать систему ценностей, лежащую в основе политического поведения, определить конкретные цели, ближайшие и перспективные, выбрать средства их достижения. Поэтому можно сказать, что идеология порождает политику, выступает ее предпосылкой и условием возникновения и существования. В основе государственной политики всегда лежит определенная система ценностей, предопределяющая логику происходящего и предпринимаемого. Политика, совершенно свободная от каких бы то ни было ценностных детерминант, невозможна, поскольку в основе даже, казалось бы, совершенно аналогичных, спонтанных действий государственных деятелей всегда имеется идеологическая подоплека [15].

Государственная идеология, в любой из ее форм, является столь же неотъемлемым признаком всякого государства, как и общепризнанные признаки, такие как государственный суверенитет, территория, право, механизм управления и т.д. Отсутствие какого-либо из них делает невозможным существование как государства вообще, так и конкретной его формы. Более того, ослабление или меньшая, чем это необходимо, степень выраженности названных признаков способны привести к кризисным явлениям, а то и к гибели данного государства. Так, ослабление эффективности государственного управления, слабость органов государственной власти во всей ее вертикали, достигшие критического уровня, безусловно гибельны для государства, но в той же степени, как и ослабление его идеологических основ и поддержка их общественным мнением. Такое государство может некоторое время существовать в силу инерции, тщетно пытаясь преодолевать многочисленные трудности и проблемы. Следствием ослабления воздействия на общественное мнение граждан является ослабление национальной или государственной самоидентификации, утрата субъективной значимости государства для его граждан. Перестает существовать чувство Родины, ощущение личностного характера связей между государством и индивидом, что не может не сказаться на прочности государства [1; 16].

Государство (в силу своей социальной природы) представляет интересы всех социальных групп и слоев населения, поэтому оно легитимизирует и придает статус нормативных лишь тем ценностям, которые объективно служат интересам всего общества. Исходящие от него идеологемы могут служить в большей степени, чем всему населению в целом, каким-либо группам элит, находящимся в настоящее время у власти. Однако оно не может полностью абстрагироваться от реальных интересов и потребностей граждан, поскольку следствием этого может стать разрушение сложившегося баланса социальных сил, их соотношения, что чревато катаклизмами и гибельно для него. Поэтому следствием полного ухода государства из сферы идеологического регулирования и идеологической мотивации политической деятельности стало замещение его иными субъектами, идеологемы и ценностные доминанты которых уже не выражают интересы всех социальных групп и общества в целом. В качестве примера можно привести появившуюся возможность экспансии западных ценностей в современную Россию, как реакцию на отказ от государственной идеологии в Конституции Российской Федерации [2; 12; 36; 44; 49; 59]. Понятно, в данной ситуации требуется серьезная, целенаправленная деятельность государства и общества в направлении противодействия чуждых для российских граждан западных псевдоценностей [14; 31; 34; 35; 38; 39; 40; 41; 42].

Можно назвать несколько функций, которые призвана выполнять государственная идеология в любом обществе: регулятивная, социализаторская, коммуникативная, консолидирующая и др. Но стержнем их является именно функция консолидации общества в некую политическую целостность. Речь не идет о том, что она отрицает или нивелирует объективно существующие в любом обществе политические, экономические, социальные и иные противоречия, это вряд ли увенчалось бы успехом. Вместе с тем именно она придает всем этим противоречивым, зачастую диаметрально противоположным интересам социально приемлемые формы их выражения и создает тем самым возможность их реализации.

Государство в силу своих коммуникативных, пропагандистских, экономических и иных возможностей, представленных как функции государственно-правового механизма [9; 13; 17; 20; 28; 29; 30; 50; 55], сознательно внедряет те ценности, которые адекватны объективным интересам всего общества, на базе которых происходит выработка интегративной для всего общества идеологической системы. Это не означает, что государство сознательно нивелирует своеобразие мировосприятия и мировоззрения различных групп, стратов, классов, стремится унифицировать всю множественность существующих ценностей и взглядов. Оно лишь вырабатывает и представляет ту модель относительного единомыслия и консенсуса, которая необходима для его стабильности, объединяет в единое целое все население независимо от социальных, конфессиональных, этических, статусных и иных различий. Эти ценности не могут быть искусственно выработаны профессиональными идеологами или механически заимствоваться из иноцивилизационного опыта, они — следствие исторического и социокультурного развития данного государства и его народа. Такие ценности возникают стихийно, как следствие процесса саморегуляции общественной жизни и политико-правовых традиций [43; 45; 46; 47; 48].

Осуществляемая государством идеологическая деятельность не противоречит тем статьям конституционных актов различных стран, которые провозглашают идеологическое многообразие или, подобно ст. 13 Конституции РФ, гласят, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Исходящие от действительно демократического государства идеологемы не авторитарны и тем более не репрессивны. Претендуя на универсальность, они вполне толерантны в отношении иных существующих в данном социокультурном и геополитическом пространстве ценностных систем. Характерная для тоталитарного общества воинствующая вездесущность единой партийно-государственной идеологии не свойственна большинству современных демократических государств. Они участвуют на равных условиях в борьбе за воздействие на общественное сознание своих граждан, конкурируя с иными субъектами политической жизни — оппозиционными партиями и общественными движениями, нередко с церковью, различными группами политической элиты и т.д. Государство не вытесняет из духовной сферы иные ценности и не пытается насильственно

насадить единомыслие, его идеология не подменяет все многоцветье существующих и возможных ценностных систем и оценочных суждений. Государственная идеология существует именно как одна из некоего множества идеологий, не насаждаемая государством насильственно, а объективно стоящая над частными групповыми ценностными системами в силу своего интегративного характера. Государство лишь стремится убедить своих граждан в том, что возможны ценности, интегрирующие всех — бедных и богатых, образованных и малограмотных, исповедующих разные религии и атеистов, говорящих на разных языках и проживающих в различных регионах. При этом государственная идеология является своего рода коммуникативным пространством для всего множества существующих в нем «частных» идеологий, предполагая процедуры и правила достижения согласованных решений, поиска компромиссов, нахождения согласия между всеми действующими в политике субъектами.

Однако и демократическое государство, провозглашающее и реально обеспечивающее идеологическое многообразие и свободу убеждений, не может допустить легального существования и открытой пропаганды ценностей, направленных на раскол общества, нелегитимное изменение государственного строя. Поэтому именно государство выступает своего рода цензором, следящим за общественным спокойствием и применяющим меры государственного принуждения в отношении деструктивных идеологий и их носителей. Даже в самых демократических государствах запрещены политические объединения, призывающие к насильственному изменению государственного и конституционного строя, нарушению целостности государства, проповедующие и разжигающие социальную, расовую, национальную, религиозную рознь. Государство сознательно регламентирует идеологическую деятельность субъектов политики, отвергая те идеологические системы, которые препятствуют его консолидирующей общество функции и не просто противоречат государственной интегративной идеологии, а ведут к расколу общества.

Необходимость исходящей от государства интегрирующей общество идеологии особенно актуализируется в эпохи цивилизационных разломов, когда терпят крах прежние системы ценностей, оказавшиеся неадекватными новым историческим реалиям. Так, переживаемый Россией социально-политический кризис во многом усугублен и духовно-нравственным кризисом общества. Произошло не просто крушение коммунистической идеологии как основы прежней государственности, а разрушение самоидентификации социума, в результате чего обществом было утрачено представление о перспективах своего развития и месте в мировом сообществе.

Первоначально своего рода идеологией происходящих в государстве реформ были антисоциалистические идеи и либерально-демократические ценности, служащие своего рода социальными ориентирами общественного развития. Дальнейший ход событий продемонстрировал неприемлемость и этих идеологем для значительной части российского общества. Стало очевидным, что в России демократическое государство и рыночная экономика создаются в условиях не только развала прежней государственности, но и распада общественной нравственности, морально-этических доминант.

В современном российском обществе на протяжении ряда последних лет политической элитой предпринимаются попытки создания новой общегосударственной идеологии. Сама жизнь показала, что забвение этой деятельности ведет к сегментации и распаду общества на группы, если не враждебные друг другу, то слабо взаимосвязанные. Следствием этого может быть только нарастание взаимной неприязни и враждебности, рост нетерпимости и агрессивности в отношении своих оппонентов и, таким образом, постепенное сползание к гражданской войне. Поэтому и возник своего рода социальный заказ на новую систему ценностей, консолидирующую общество. Стимуляция новых общезначимых ценностей порождена не только инстинктом самосохранения современной российской политической элиты, хотя этот мотив нельзя исключать. Делаются попытки найти идеологемы, способные сплотить и мобилизовать все общество для преодоления существующего кризиса.

Таким образом, различия государственной и политической идеологий лежат, прежде всего, в масштабах функциональности: под объект действия государственной идеологии, хотя бы гипотетически, подпадает все общество, все политические институты и субъекты; объект

действия политической идеологии составляет только определенная часть общества, которая более восприимчива к тем или иным идеям. У государственной идеологии потенциально больше возможностей воздействия на объект, с большей интенсивностью и эффективностью, так как государство способно контролировать большую часть информационной инфраструктуры и системы образования. Государство располагает более мощными интеллектуальными, административными, материальными и финансовыми ресурсами, чем любой другой субъект идеологического воздействия. Поэтому у государственной идеологии заведомо более выгодные позиции реализации, чем у любой другой политической идеологии.

На наш взгляд, функциональные параметры государственной идеологии следующие:

- овладение массовым политическим сознанием, внедрение в него своих оценок прошлого, настоящего и будущего государства и общества;
- определение целей и задач, которые могут быть ориентирами в государственной политике;
- выступление в качестве инструмента мобилизации общественных сил на решение определенных политических задач;
- выполнение роли инструмента манипулирования общественным сознанием, инструмента консолидации политического пространства, модернизации или архаизации экономического пространства: способность стимулировать или стагнировать деструктивные процессы в обществе;
- культивирование в массовом сознании «официальной» культуры и инициирование процессов формирования национального самосознания.

Государственная идеология, глубоко интегрированная в массовое сознание, подчиняясь быстро текущим процессам собственной деактуализации и делегитимации, оставляет после себя идейно-ценностный вакуум в этом сознании.

Таким образом, понятие политической и государственной идеологий в современной политической науке обусловлено сложностью и многомерностью данного явления. Акцент на те или иные структурные элементы нередко приводит к формированию специфики различных подходов к научному изучению идеологий. Любая идеология с необходимостью включает в себя, прежде всего, особое политическое мировоззрение, особое восприятие мира политики, которое строится ка основных ценностях человека: на религиозных заповедях, которые он признает, на национальных традициях, в которых концентрируются наиболее значимые интересы общества, социальных групп, наций и так далее. Ценностное начало идеологии в большей степени характерно для политической философии. На основе ее разработок формулируются программные установки, целенаправленно формирующие у граждан представление о желаемом общественном устройстве. В то же время, наряду с ценностями, идеалы также входят в набор стереотипов, используемых манипуляторами, представляя собой «прикладную» их часть.

Технологии использования этого элемента в политическом процессе характерны для функционально-коммуникативных трактовок идеологии как эффективного инструмента манипулирования общественным сознанием. В этом случае приоритет отдается стратегии реализации программных установок, основным принципам, способам и методам их воплощения в жизнь. В результате здесь содержится уже непосредственное руководство к действию, а также пропаганда достоинств данной идеологии, ее значимости для данной социальной группы и для общества в целом, набор конкретных мер по реализации установок.

Конкурентные действия социальных групп как «производителей» и «реципиентов» политической идеологии несут в себе потенциал конфликтности, который во многом определяется социокультурными основаниями. «Отличительные признаки идеологии, скорее, обнаруживаются там, где тот же самый целостный универсум интерпретируется по-разному в зависимости от конкретных интересов в данном обществе», – отмечают П. Бергер и Т. Лукман [7, стр. 200]. Легитимация и обеспечение интересов группы всегда предполагают наличие противоположной группы с иными определениями реальности. Конфликтные взаимодействия групп происходят в идеологическом поле по поводу воспроизводства и распределения власти, цели и способы действия которой могут быть реализованы через механизм их идеологического обоснования. В идеале возникающие духовно-ценностные основания для конфликтов и напряженности наряду с другими формами взаимодействия и связей групп

оказывают значительное влияние на содержание политических процессов.

Ш. Эйзенштадт предлагает выделять два типа напряженностей, которые, оформившись в ходе «Великих революций», продолжают существенно влиять на политическую динамику современных обществ. «Первый тип напряженности, – *пишет автор,* – был присущ конструктивистскому подходу к действительности, в котором политика представала как процесс перестройки общества и прежде всего через механизмы политической демократии, т. е. как активное самоконструирование общества – в отличие от взгляда на общество как на сложившуюся корпорацию. Второй тип напряженности заключался в расхождении между представлениями, носившими тотальный, обычно утопический и/или коммуналистский характер – и более плюралистичным взглядом» [61, стр. 32-33]. Истоки этих напряженностей лежат в сфере политической идеологии и выражаются в противостоянии принципов плюрализма в противовес тотальному приоритету коллективизма.

Россия особенно остро пережила подобный опыт в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда распад СССР сопровождался столкновением идеологических позиций. Основополагающим элементом борьбы стал символический отказ и отрицание всего «старого», присущего тоталитарной эпохе. В это время на авансцене появилась новая либеральная идеология, противостоящая этатистской социалистической марксистско-ленинской идеологии, стимулирующая революционные преобразования в стране.

Смена политического режима повлекла за собой структурный распад общества и системы. Атомизация общества и общая размытость социальной структуры не вели к социальной стратификации. «Идеологии групп» 90-х гг. утрачивали свое влияние и первоначальное массовое очарование, не находя отражения в традиционных ценностях российского общества. Возможно, это могло бы свидетельствовать о качественных предпосылках перехода к постиндустриальному обществу. Однако, как отмечает Д. Белл, политика в индустриальном обществе первична по отношению к социальной структуре, и именно «она превращается в регулирующий механизм перемен» [6, стр. 652]. В России традиционно основным субъектом политики выступает государство, оно же выступает главным источником власти. Развиваясь автономно от социума, именно власть стала основным объектом модернизации. Однако характерный для российской политической культуры дуализм лег в основу социально-политического кризиса: новая демократическая модель развития навязывалась сверху, тогда как формирование и функционирование гражданского общества в России не находили соответствующего культурного шаблона, способного организовать подобный тип деятельности. Провозглашенное либерально-демократическое государственное устройство стало неадекватно реально сложившейся структуре власти, которая традиционно тяготела к авторитарной модели. С одной стороны, конфликтные формы развития политической системы, не имеющие уже под собой идеологической базы, с другой стороны, стремление власти к самосохранению определили и роль идеологии в этих процессах.

В настоящее время, с нашей точки зрения, весьма затруднительно выявить идеологические напряженности внутри российской политической системы. В путинский период борьба политических партий, социальных групп или групп интересов в идеологическом поле была полностью нивелирована. Наблюдаемые тенденции к нарастанию разночтений и основных подходов и принципов дальнейшего развития страны внутри политической элиты также носят неидеологический характер. Попытки последних двух лет создать и поддержать если и не идеологическое разнообразие, то хоть сколько-нибудь весомую альтернативу в партийном спектре носят исключительно номинальный и декоративный характер и по-прежнему существенно не влияют на политические процессы в России.

В этой связи весьма интересной нам представляется концепция российских авторов [4] тотальной и частичной идеологии, основанная на анализе трудов К. Мангейма. Говоря о тотальной идеологии, авторы отмечают, что в данном случае «речь идет о некотором неуловимом идеологическом фантоме, который либо может предполагаться, либо реконструироваться в исторических изысканиях» [4, стр. 24]. Тотальную идеологию, с нашей точки зрения, можно обозначить как национальное сознание, образ мира, разделяемый государством, нацией и отдельными индивидами. По своему объему понятие «тотальная идеология» во многом совпадает с понятием «культура», поскольку предстает как

некий субстрат воспроизводства конкретных форм поведения и деятельности и находит свое выражение в традиции. Концептуализация тотальной идеологии может осуществляться, как отмечают авторы, лишь при наличии определенного «социального запроса». Именно тотальная идеология задает границы в идеологическом пространстве, внутри которого и ведется борьба частичных идеологий за общественную поддержку и признание. Выходя далеко за пределы «политического», тотальная идеология символически поддерживает и структурирует универсум, являясь при этом самовоспроизводящейся системой.

Частичная (или партийная, политическая) идеология является рациональным продуктом макрогруппы, отражающим её представления о круге вопросов, касающихся воспроизводства власти, целей и действий для их реализации. Отмечается, что партийная политическая (даже консервативная) идеология декларирует радикальные изменения в социально-политическом пространстве, и, таким образом, частичная идеология всегда направлена на динамику социально-политической системы. Идеологическая дискуссия поддерживает динамическое равновесие системы в целом и остается продуктивной до тех пор, пока какая-либо одна частичная идеология не начинает претендовать на национальный статус.

Особая проблема заключается именно в претензиях одной частичной идеологии на статус идеологии государственной. Государству отводятся функции гаранта взаимодействия частичных партийных идеологий в границах политико-культурного шаблона. При максимуме силовой поддержки в структуре частичной идеологии «начинают преобладать политические компоненты, идеи борьбы за власть, вполне уместные для политических партий, но отнюдь не перекрывающие всю совокупность отношений «людей к действительности и друг к другу» [4, стр. 15]. Частичная идеология становится по-настоящему политической, и это меняет структуру идеологических взаимодействий в обществе.

Строго следуя предложенной схеме, мы могли бы сказать, что свои претензии на статус национальной идеологии в российском политическом пространстве реализовала партийная идеология «Единой России». Партия власти изначально несла в себе политические и силовые ресурсы для того, чтобы артикулировать свои интересы на государственном уровне. Однако специфика партогенеза и его идеологическое обеспечение делают подобный вывод неадекватным реальным политическим процессам 2000-х гг.

Трудностью для реализации либерального проекта «на русской почве» в пореформенный период стала давняя проблема организации жизни многонациональной страны. На стыке веков запрос на «национальную идею» (и её воплощение в государственной идеологии) стал формироваться в первую очередь в государственных структурах, а не в обществе. Потребность в консолидирующей идеологии обусловливалась и многочисленными кризисами в экономической и социально-политической сферах, когда на фоне общей рекламизации политики, с одной стороны, и бюрократизации, с другой, идеологический механизм стал для власти практически единственным способом объяснения и символизации политической динамики.

В 1999 г. сразу две политические партии – «Отечество» (ОВР) и «Единство» – позиционировали себя как партии власти. Тяготея к единому символическому центру, ни одна из них не предлагала четкой идеологической платформы. Выдвижение в 2000 г. Владимира Путина на президентский пост стало определенным толчком для последующей управляемой консолидации центристских сил. Героизация образа нового президента на первоначальном этапе основывалась в основном на борьбе с террористической угрозой и угрозой территориальной целостности страны. Таким образом, в образе сильного лидера воплотилась «национальная идея» – «Великая и сильная Россия» [27].

Определение и формулирование основных положений национальной идеологии было осуществлено государством, которое «заинтересовано в ее формировании как главного компонента духовной инфраструктуры, определяющего отношения между властью и населением» [4, стр. 17]. Помимо мировоззренческих функций, которые способствуют интеграции и консолидации российского общества, идеология, выступающая объектом государственной политики, задает необходимые рамки понимания и восприятия происходящих социально-политических процессов, а также способов действия в политическом пространстве. Изменения 2000-2016 гг.,

произошедшие в политической системе, централизация институционального контроля, выстраивание вертикали власти, изменение избирательных принципов также получили свою легитимность посредством транслируемой идеологии. Был реализован традиционный для России сценарий развития, когда идеологическая модель насаждается сверху и реализуется через партии, молодежные организации и бюрократический аппарат.

Список литературы

1. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
2. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
3. Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 190-196.
4. Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. – 2000. – № 11. – С. 12-27.
5. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999. – 640 с.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
8. Бутенко А.П., Кочеткова Л.И. Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. – 1998. – № 14. – С. 234-249.
9. Вобленко Н.Н. Сущность, принципы и функции права: Учебное пособие. – Волгоград: Волгоградский ун-т, 1998. – 56 с.
10. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая реальность // Политика и общество. – 2011. – № 4. – С. 78-84.
11. Гирц К. Идеология как культурная система // НЛО. – 1998. – № 29.
12. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
13. Жуков В.Н. Функции государства // Теория государства и права / Под ред. О.В. Мартышина. – М., 2007.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
15. Идеологические ориентиры России (Основы новой общероссийской национальной идеологии): В 2 т. / С.В. Алексеев, В.А. Каламанов, А.Г. Черненко; Под общ. ред. С.В. Степашина. – М., 1998.
16. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
17. Корельский В.М. Функции государства // Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М., 1998.
18. Максименко Н.Г., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 89-96.
19. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
20. Малько А.В. Функции государства: понятие и виды // Н.И. Матузов, А.В. Малько. Теория государства и права: Учебник. – М., 2006.
21. Мельвиль А. Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998.- № 2. – С. 6-38.
22. Оль П.А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ: Монография / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
23. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / Пер. с англ. – М.: Идея-пресс, 2002. – 288 с.
24. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проспект, 2000. – 880 с.
25. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. – М., 1971.
26. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы

взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
27. Проект доклада Совета по национальной стратегии о «стратегическом императиве» развития России «Национальная стратегия и повестка дня второго срока президента Владимира Путина» // http://osada.sova-center.ru/archive
28. Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. – Волгоград, 1974.
29. Радько Т.Н. Теория функций права: Монография. – М.: Проспект, 2014. – 272 с.
30. Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права: Монография. – Н.Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. – 106 с.
31. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
32. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
33. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
34. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
35. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
36. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
37. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
38. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
39. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
40. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
41. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
42. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
43. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
44. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
45. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
46. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
47. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
48. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
49. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
50. Синюков В.Н. Функции права // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997.
51. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
52. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. – 2001. – № 2. – С. 10-12.

53. Соловьев А.И. Политология. Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс. 2005. – 559 с.
54. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с.
55. Степаненко Д.М. Функции права и инновационное развитие общества // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 7-17.
56. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
57. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 191 с.
58. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
59. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
60. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
61. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс. 1999. – 416 с.
62. Eagleton T. Ideology: An Introduction . London: Verso, 1991.
63. FreedenM. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2017, № 1

Выход в свет 30.01.2017. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 25.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru